

Виктимология

В.А.Туляков

Виктимология (от лат. *victimae* - жертва и греч. *logos* - понятие, учение), область знания на стыке педагогики, психологии, социологии, криминологии и этнографии, изучающая различные категории людей - жертв неблагоприятных условий социализации. Термин «виктимность» заимствован из криминологии, спец. раздел которой - юридическая виктимология имеет своим предметом изучение жертв преступлений.

Существует ряд категорий детей и взрослых, к-рые являются реальными или потенциальными жертвами социализации из-за условий их развития и жизни и в связи с этим требуют спец. изучения и специфич. способов социальной и пед. помощи. К ним относятся инвалиды (кроме не обладающих юрид. дееспособностью), дети-сироты и дети, лишённые попечения родителей, ставшие в силу обстоятельств безнадзорными и беспризорными (см. Безнадзорность и Беспризорность), дети из неблагополучных семей с низким экон. уровнем, аморальной или криминогенной атмосферой и др. Первичное отклонение от нормы может вызывать вторичное негативное изменение в развитии. Признаки и обстоятельства, позволяющие отнести человека к числу жертв социализации, могут иметь постоянный характер (сиротство, инвалидность) или проявляться со временем (социальная дезадаптация, наркомания и др.); нек-рые из них нельзя устранить (сиротство), другие можно предотвратить или изменить (разл. социальные отклонения, противоправное поведение и др.).

В. на основе исследования физич., пси-хич. и социальных отклонений в развитии людей разрабатывает общие и специфич. принципы, цели, содержание, формы и методы работы по профилактике, минимизации, нивелированию, компенсации и коррекции этих отклонений; в процессе изучения виктимогенных факторов определяет возможности об-ва, гос-ва, институтов и агентов социализации по предотвращению негативных влияний на развитие личности; выявляет типы виктимных людей, сензитивность лиц того или иного типа и возраста к разл. виктимогенным факторам и вырабатывает социальные и психол.-пед. меры соотв. профилактики; прогнозирует возможности оказания помощи человеку, в т. ч. в коррекции самовосприятия.

Функции В. — профилактика, компенсация и коррекция виктимности и викти-могенности в об-ве. Прикладная функция В. связана с совершенствованием обществ, влияния на процессы социализации. В. осуществляет междисциплинарные исследования: культурологич., этно-психол., социально-пед., социально-пси-хол. и психол.-педагогические.

Социолого-пед., социально-психол. и этно-психол. исследования позволяют выявить: типы и число жертв социализации в разл. социо-культурных условиях, их количеств, динамику, зависимость от особенностей традиций и социальной практики; ситуации, к-рые на разл. возрастных этапах развития человека представляют для него опасность; социальные установки и стереотипы разл. социально-культурных и поло-возрастных групп, определяющие характер их восприятия тех или иных типов жертв и отношение об-ва к ним; особенности самовосприятия человека в качестве жертвы.

В. разрабатывает методы диагностики виктимности личности, виктимогенности группы и микросоциума; содержание,

формы и методы профилактики и реабилитации жертв социализации в разных странах, определяет степень их эффективности; предлагает рекомендации по стратегии и тактике общества, гос-ва, социальных институтов по отношению к разл. категориям жертв.

Лит.: Мудрик А. В., Виктимология, «Магистр», 1992, май. А. В. Мудрик.

ПРЕДМЕТ И СИСТЕМА ВИКТИМОЛОГИИ

Определение "учение о жертве" предполагает повышенную ответственность за объективность построения научной теории среднего уровня.

В.Г. Афанасьев отмечал:

"В самом общем смысле научная теория является системой знаний, позволяющих объяснить возникновение и функционирование, а также предсказать развитие предметов и явлений действительности, причем эти предметы могут быть материальными или идеальными. Представляющая теорию система логических форм (понятий и категорий, суждений и умозаключений, принципов и законов) поддается экспериментальной, практической проверке или логической верификации... Логика движения объективно существующей системы - главный ограничитель логического движения в теоретической системе. Никакая теория не сможет дать "больше", нежели многообразие, сложность и противоречивость системы реальной. Она способна лишь отразить ее с определенной степенью точности...

Стержнем направляющей программой теории является идея... Первым и самым общим определением идеи является основной принцип, остальные же принципы теории конкретизируют идею и находят выражение в законах, понятиях, категориях, которые, в свою очередь, являются конкретизацией принципов. В этом плане теория как система выступает в качестве единства совокупности принципов, законов и понятий"[1].

Виктимология сегодня - это развивающееся комплексное учение о лицах, находящихся в кризисном состоянии (жертвы преступлений, стихийных бедствий, катастроф, экономического и политического отчуждения, беженцы, социальные организации и пр.), и мерах помощи таким жертвам.

По нашему мнению, современная виктимология как специальная социологическая теория[2] осуществляет "сквозной" комплексный анализ феномена жертвы, исходя из теоретических представлений и моделей, первоначально разработанных в сфере иных социальных дисциплин (права, криминологии, политологии, теории государственного управления, социальной работы, конфликтологии, социологии отклоняющегося поведения).

"Виктимология - многоаспектная и вполне самостоятельная наука", - писал А.Е. Михайлов[3]

Уникальность виктимологии состоит в ее комплексном синергетическом и сфокусированном подходе к изучению популяций и кризисных явлений, лишь отчасти изучавшихся ранее в рамках конкретных социальных наук. Тезис о том, что виктимология как одна из наук о человеке изучает поведение, отклоняющееся от нормы безопасности [4], имеет достаточное число сторонников среди обществоведов. Недаром даже противники выделения виктимологии в самостоятельную научную дисциплину свидетельствуют, что "можно говорить об относительной (выделено нами. - В.Т.) самостоятельности этого научного направления в рамках криминологии" [5]

По сути дела, данная дисциплина служит осмыслению новых взаимоотношений и динамических связей между жертвами и социально опасными проявлениями среды обитания, интегрируя воедино лучшие достижения традиционных, устоявшихся учений. Современная виктимология реализуется в нескольких направлениях: * Общая "фундаментальная" теория виктимологии,

описывающая феномен жертвы социально опасного проявления, его зависимости от социума и взаимосвязи с иными социальными институтами и процессами. При этом развитие общей теории виктимологии ведется, в свою очередь, по двум направлениям:

Первое - исследует историю виктимности и виктимизации, анализирует закономерности их происхождения и развития вслед за сменой основных социальных переменных,

учитывая относительную самостоятельность феномена виктимности как формы реализации девиантной активности;

Второе - изучает состояние виктимности как социального процесса (анализ взаимодействия виктимности и общества) и как индивидуального проявления отклоняющегося поведения посредством общетеоретического обобщения данных, полученных теориями среднего уровня.

* Частные виктимологические теории среднего уровня (криминальная виктимология, деликтная виктимология, травматическая виктимология и др.).

* Прикладная виктимология - виктимологическая техника (эмпирический анализ, разработка и внедрение специальных техник превентивной работы с жертвами, технологий социальной поддержки, механизмов реституции и компенсации, страховых технологий и пр.).

1. Афанасьев В.Г. Общество: системность, познание и управление. - М.: Политиздат, 1981. - С. 77.

2. См.: Гилинский Я.И. Социология девиантного поведения как специальная социологическая теория // Социологические исследования. - 1991. - N 4. - С. 72-73.

3. См.: Михайлов А.Е. Криминологические проблемы борьбы с некорыстной насильственной преступностью: Дис. ... д-ра юрид. наук. - К., 1996. - С. 312.

4. См.: Ривман Д.В. К вопросу о социально-психологической типологии потерпевших от преступления // Виктимологические проблемы борьбы с преступностью: Сб. науч. трудов. - Иркутск: Изд-во Иркутск. гос. ун-та, 1981. - С. 12.

5. Курс советской криминологии: Предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник. - М.: Юрид. лит., 1985. - С. 170.

ПРИНЦИПЫ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ВИКТИМОЛОГИИ

Общетеоретическое виктимологическое исследование, будучи подотраслью социологии, представляет собой процесс выработки системы новых научных знаний о жертвах социально опасных проявлений, определения понятий, аксиом (постулатов, законов), разработки языка теории, формирования методологии и методики научного анализа на основании выявления и обобщения типовых закономерностей взаимодействия жертв и социально опасных проявлений, наблюдаемых и измеряемых теориями среднего уровня

Основная идея общей теории виктимологии состоит в построении системной модели взаимодействия "негативное социальное явление - жертва", описывающей и изучающей пути нормализации негативных социальных, психологических и моральных воздействий на человека (социальную общность) со стороны природной среды, искусственной жилой и рабочей среды, социальной среды, а также кризисной внутренней среды самого человека (социальной общности) с целью их коррекции и нейтрализации, повышения адаптивных способностей человека, социальной группы, организации.

Вариативность и изменчивость социальных отклонений предполагает их системное исследование, в противном случае любые принимаемые нами меры (то ли программирование борьбы с преступностью или обучение индивида мерам безопасного поведения) будут лишь паллиативом, способным на недолгое время загнать болезнь внутрь.

Естественно, что содержание того, что в принципе в состоянии виктимизировать человека (общность), буквально безгранично, поскольку продуцируется разнообразностью ролей,

мотивов, функций, принимаемых на себя индивидом во взаимодействии с социальной и природной средой.

Отсюда эмпирический анализ бытия жертвы социально опасного проявления, описывая разнообразие современного мироустройства, практически воспроизводит частные модели и закономерности существования и взаимодействия природного и социального вместо выделения глубинных, существенных признаков.

К сожалению, в указанных направлениях работа ведется в основном на эмпирическом уровне посредством создания прикладных методик и техник обеспечения социальной и индивидуальной безопасности жертв социально опасных проявлений [1].

Указанное обстоятельство приводит к серьезным теоретическим просчетам, к допуску определенных ошибок в виктимологических исследованиях. Так, например, А.Г. Шаваев в работе, посвященной криминологической безопасности негосударственных объектов экономики, проблемам общей теории безопасности уделил буквально несколько страниц.

В результате попытка создания концептуального подхода к обеспечению криминологической безопасности негосударственных объектов экономики свелась к описанию и классификации угроз и мер по борьбе с ними вместо создания теоретически ценной системной модели [2].

Нельзя не отметить, что описательный подход в состоянии удовлетворить первичные потребности в организации социального контроля. Вместе с тем любое эмпирическое социальное исследование, не основанное на теоретически отработанных понятиях, методологически порочно.

Описание (без объяснения) объекта девиаций в статике, перечисление конкретных видов девиаций (угроз) и мер их противодействию - есть ни что иное, как подтверждение метко подмеченной Б.С. Братусем старой истины: "Здоровье одно, а болезней много".

Именно дополнение содержательного аспекта изучения виктимности его сущностными характеристиками, анализом этиологии и закономерностей возникновения и функционирования механизмов виктимной активности в содержательном, динамическом и сущностном, субъективном аспектах [3] позволяет построить системную модель виктимного поведения, могущую служить ядром общей теории виктимологии.

Естественно, что на пути развития основной идеи виктимологии существуют объективные затруднения.

Во-первых, социальные конфликты всегда уникальны ("Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему"), поэтому построение реально действующей системной (тем более единой) модели виктимогенного конфликта осложнено концептуальными, гносеологическими и лингвистическими трудностями [4].

Так, с концептуальной точки зрения мы в состоянии построить только приблизительный прогноз развития конфликта, поскольку сфера моральных представлений и имеющая индивидуальную окраску сфера психического в сочетании с непрерывно возрастающими энтропийными тенденциями развития технического прогресса [5] составляют пороги неизвестности, определенным образом влияющие на адаптивные возможности человечества и связанное с ними изменение социальной формы.

С гносеологической точки зрения человеческие конфликты не могут быть предметом тотального экспериментирования: существование этических ограничений, естественно, сводит на нет познавательную ценность любых моделей искусственно создаваемых виктимогенных ситуаций.

Наконец, формализация отношений и понятий в рамках общей теории виктимологии должна вестись не путем создания и конструирования новых понятий (хотя отрицание неологизмов в становлении понятийного аппарата любой науки было бы некорректным), а путем применения и отработки уже существующего языка социологических дисциплин.

Во-вторых, описание любого социального конфликта исследователем будет вестись с позиций либо заданной политическим устройством общества системы идеологических установок, либо с позиций социокультурных предписаний, интериоризированных ученым.

И в том и в другом случае ошибка культурологического смещения неизбежна: субъективно мы будем вынуждены "подгонять" объективную реальность под систему одобряемых нами ценностей и нормативов. Модель же виктимогенного конфликта и схемы его коррекции будут достаточно однобокими и фрагментарными.

"К сожалению, достигнутый результат может совсем не соответствовать тому, чего на самом деле желает жертва, - писал Э. Виано. - Информация об этом достаточно ничтожна. Большинство виктимологических исследований сосредоточены на социологических проблемах (с позитивистской точки зрения. - В.Т.) - кто чаще всего может стать жертвой, каковы интенсивность и черты виктимизации, какие услуги должны быть предложены жертвам. В результате, несмотря на суммирование множества данных о жертвах преступлений, наши представления, убеждения и заключения могут совсем не отражать в реальности, что же это значит - быть жертвой" [6].

В определенном смысле указанные затруднения "снимаются" при построении основанной на концепциях и парадигмах современной теории синергетики гомеостатической (самовоспроизводящейся в "чувственно-сверхчувственном" восприятии), устойчивой модели виктимогенного конфликта, служащей в приближенном виде аналогом происходящих процессов на микроуровне и предпосылкой познания закономерностей взаимодействия виктимизации и преступности на макроуровне.

"Развитие науки в последнем столетии ознаменовалось, в частности, открытием фундаментальной роли вероятностно-статистических закономерностей во многих явлениях объективной действительности. В ряде исследований раскрывается диалектическая природа статистических систем-процессов, заключающих в себе неразрывное с взаимопереходами единство необходимости и случайности, упорядоченности и неупорядоченности, общего и единичного, устойчивости и изменчивости, автономии (независимости, свободы) и зависимости, определенности и неопределенности, жесткой и вероятностной детерминации. При этом подчеркивается, что ни одна из названных полярностей не проявляется в чистом виде. По существу, в отношении вероятностно-статистических систем-процессов можно говорить лишь о степени, или мере, упорядоченности, определенности, необходимости (законообразности), детерминированности, устойчивости и т.д. Абсолютная упорядоченность и абсолютный хаос возможны лишь в абстракции", - писал В.Д. Плахов [7].

Учитывая вышеизложенное, мы попытаемся представить диадку "преступность - криминальная виктимность" (как форму проявления более общей системы "негативный социальный процесс-виктимность") в виде открытой гомеостатической системы, обменивающейся друг с другом и со средой веществом, информацией и энергией. Такая модель, основанная на синергетических идеях отечественных конфликтологов, отражает сущность многостороннего, разноуровневого взаимодействия виктимности и негативных социальных явлений (преступности) на различных уровнях бытия.

Как видим, устойчивые взаимодействия между преступностью и виктимностью могут существовать на различных уровнях социального бытия. При этом, постоянно оказывая влияние друг на друга, определяя формы своих будущих проявлений и взаимодействий, виктимность и преступность находятся в непрерывном конфликте. Отсюда, анализируя конфликтные тенденции на:

- * социальном, вещественном (агрессия, подавление/ безопасность, самосохранение),
- * психологическом, энергетическом (индивидуализм/ взаимопомощь),
- * соционормативном, информативно-регулятивном (антиправо/право) уровнях, можно обнаружить, что данная система достаточно самоорганизована.

Зависимости виктимности от преступности, определяемые сложным каузальным взаимодействием социальных систем и процессов, - лишь одно звено в сфере гомеостаза надсистем преступности и виктимности в системе социальных отклонений, связанных совокупностью объективных социальных условий.

Объективные условия, в которых существует преступность, опосредуют развитие виктимности, в свою очередь симбиотично связанной с преступностью как в пределах социального целого, так и на индивидуальном уровне.

"Общество как система структурировано, и в этом смысле у преступников как определенной категории людей (подсистемы), являющейся наряду с другими категориями составной частью целого (системы более высокого уровня), есть свое место, своя численность, свои циклы развития, которые определены системными моментами, в частности, и системами еще более высокого уровня (отдельная страна, весь мир в целом)" [8].

Нет нужды говорить, что природа взаимодействия преступности и виктимности освещена пока, скорее, на уровне научных гипотез, чем устоявшихся теорий. Тем не менее, даже с учетом определенной произвольности и субъективности описания гомеостаза системы "преступность-виктимность", наличие генетических связей между указанными процессами на вещественном, энергетическом и информационном уровнях является достаточно очевидным.

Указанное обстоятельство отчетливо проявляется при отображении данной системы применительно к принятым в конфликтологии моделям и схемам социальных конфликтов.

Философы и системотехники отмечают, что упорядоченные, устойчивые системы во многом зависят от вызванных внешними факторами отклонений составляющих компонентов.

Флуктуации (то есть определенные отклонения величин, характеризующие системы, от их среднего значения) в равновесных системах ослабляются и подавляются, а в неравновесных, наоборот, усиливаются и тем самым "расшатывают" прежний порядок и основанную на нем структуру с естественной непредсказуемостью дальнейшего развития.

Новый порядок или динамический режим с соответствующей устойчивой структурой, которые приходят на смену старой неустойчивости, характеризуются уже вполне детерминистическим поведением. Следовательно, процесс самоорганизации происходит в результате взаимодействия случайности и необходимости и всегда связан с переходом от неустойчивости к устойчивости [9].

Так, в "годы застоя", нечасто ныне вспоминаемые все, устойчивая работа компонентов системы "общество-преступность" зависела во многом от виктимного поведения знакомых преступникам потерпевших (ситуационно-бытовой, эмоциональный характер общеуголовной преступности, загнанной в угол в жестких условиях тоталитаризма, а позднее устойчивого социального контроля, подчеркивался большинством ученых).

Однако еще в 1984 году Г.М. Миньковский указывал: "Назрела необходимость рассматривать самовоспроизводство преступности в более широком контексте, чем это делается сейчас. Криминогенную среду уже недостаточно сводить к микрогруппам, она представляет собой совокупность элементов, которые в принципе деклассированны" [10].

Вызванные социальными переменами дезадаптивные флуктуации (маргинализация значительной части социально активного населения, аномия, распад социальных связей и структур) повлекли трансформацию наиболее активной части виктимного утилитарного поведения в рациональное преступное, и, соответственно, -изменение профилактических характеристик всей системы: от наступательных, активных, к пассивным, конформистским.

Политизация преступности и криминализация политики - вот две далеко не последние переменные в общей массе факторов, которые определяют стабильность существующих криминогенных систем в постсоветском геополитическом пространстве. Стабильность, которая к тому же зачастую зависит от социальной характеристики и правового положения потенциальных и реальных потерпевших в обществе.

В этой связи акцент в вопросе: "Почему мы допускаем криминальный беспредел?" - явно должен быть смещен с дополнения ("криминальный беспредел") на подлежащее ("мы"). Подобный подход открывает определенные перспективы в организации профилактики самых различных преступлений.

Например, для повышения эффективности социального контроля над организованной преступностью с позиций виктимологии необходимо не столько появление очередных "рыкающих" указов и постановлений, усиливающих ответственность участников и организаторов преступных группировок, сколько продуманная политика в области формирования активной гражданской позиции потенциальных потерпевших.

Стала, пожалуй, тривиальной точка зрения, согласно которой количество обращений тех же коммерсантов к "ворам в законе" и их финансирование можно было бы снизить посредством введения изменений в порядок и размеры взыскиваемой пошлины по гражданским делам и организации новой системы исполнения решений арбитражных судов. Однако реальные шаги в этой области долгие годы принимались весьма вяло.

Так или иначе, без осуществления подобной флуктуационной смены в политике социального контроля, думается, говорить об ограничении криминальной активности сегодня было бы несколько наивно.

Указанное положение как раз и вытекает из основной идеи современной виктимологии, заключающейся в том, что диада "преступность - криминальная виктимность", как правило, реализуется в гомеостатическом взаимодействии проявлений преступного и виктимного социально-отклоняющегося поведения, формирующем относительно устойчивую криминогенную систему.

Указанный процесс протекает на уровне как социального целого, так и отдельных групп и отдельных личностей. Кстати, применение концепции гомеостаза отчетливо прослеживается и в современных криминологических исследованиях причин индивидуального поведения.

Так, Ю.М. Антонян отмечает, что необходимым условием познания подлинных причин убийств "является подход к исследованию их мотивов как выражающих целостную и глубинную сущность человека, который и в преступлении решает свои актуальнейшие проблемы, при этом целостность включает в себя биологическую и духовную жизни, тело и психику, физиологию и психологию. Мотивы убийств неразрывно связаны с основами бытия данного индивида, они всегда выражают мучительные поиски себя, его самоприятие, определение места в жизни и обретение смысла ее. Он стремится в максимальной степени достичь целостности, которую можно понимать не только как единственную в своем роде тесно сплетенную комбинацию структур и функций организма и личности, но и как соответствие человека тому, каким он представляется себе сам, и как соответствие себя своему поведению" [11] (выделено нами).

- В.Т.).

Очень часто жертву "связывают с преступником прочные невидимые нити, причем, как ни странно, и тогда, когда они едва знакомы. Неразрывность пары "убийца-убитый" тоже имеет свои причины, совершенно неочевидные. По большей части, жертвы ни в чем не виноваты, если вообще позволительно говорить о какой-либо вине убитого человека. Тем более любопытны и даже загадочны случаи, когда потерпевший как замороженный стремится к собственной гибели, хотя и не отдает себе в этом отчета", - писал Ю.М. Антонян в своей работе "Психология убийства" [12].

Указанные замечания известного криминолога, кропотливого и тонкого исследователя причин человеческой агрессии лишний раз подчеркивают важность исследования проблемы гомеостаза отклоняющегося поведения в его преступных и виктимных проявлениях [13].

1. Например, известный специалист в области тактики обеспечения безопасности жертв социально опасных проявлений Анатолий Гостюшин в последнее время сосредоточил свое внимание на подготовке специальных учебных профилактических пособий. См., например: Гостюшин А. Как обращаться с животными: Учебник для младшего школьника // Опасность и безопасность. - 1996 - № 4. - С. 67-70; его же: Городская география безопасности // Опасность и безопасность. - 1996. - № 5. - С. 57-60; его же: Энциклопедия экстремальных ситуаций. - М.: Зеркало, 1996. - 320 с.

2. См.: Шаваев А.Г. Криминологическая безопасность негосударственных объектов экономики. - М.: Инфра-М, 1995. - 128 с.

3. В свое время подобный системный подход был применен психологом Витисом Вилюнасом при анализе человеческой мотивации, подчеркнувшим значение субъективной реальности для формирования единой движущейся системы мотивации индивидуального поведения. См.: Вилюнас В.К. Психологические механизмы мотивации человека. - М.: Изд-во МГУ, 1990. - С. 3-7, 288.

4. См.: Дружинин В.В., Конторов Д.С., Конторов М.Д. Введение в теорию конфликта. - М: Радио и связь, 1989. - С. 28.

5. Например, если на реализацию принципа, на котором основана фотография, потребовалось сто лет (1727-1839 гг.), то для атомной бомбы - всего шесть лет (1939-1945 гг.), для интегрирующих схем - три года (1958-1961 гг.). Нарастающие тенденции технологической агрессии оказывают определенное влияние на социальные конфликты, - это бесспорно. Опыт ядерных кризисов нашего столетия убеждает, что процесс их разрешения - дело не такое уж и простое.

6. Viano E. The recognition and implementation of victims' rights in the United States: developments and achievements // The Victimology handbook. - New York, 1990. - P. 331.

7. Плахов В.Д. Социальные нормы. Философские основания общей теории. - М.: Мысль, 1985. - С. 77-78.

8. Ли Д.А. Уголовно-статистический учет: структурно-функциональные закономерности. - М., 1998. - С. 21.

9. Рузавин Г.И. Синергетика и диалектическая концепция развития // Философ. науки. - 1989. - № 5. - С. 11-21.

10. Миньковский Г.М. Взаимосвязь социологического и криминологического подходов к преступности // Соц. Исследования. - 1984. - № 4. - С. 186.

11. Антонян. Ю.М. Психология убийства. - М.: Юрист, 1977. - С. 177-178.

12. Там же. - С. 5-6.

13. Недаром в одной из последних работ по юридической психологии к единому цельному направлению частной психологической теории отнесено изучение психологических закономерностей, характеризующих личность преступника и потерпевшего. См.: Ситковская О.Д. Психология уголовной ответственности. - М.: Норма, 1998. - С. 254.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ВИКТИМОЛОГИИ

Основными вопросами, подлежащими отработке в связи с необходимостью создания и теоретического обоснования подобной системной гомеостатической модели, являются:

а) определение предмета общей теории виктимологии, разработка ее категорий и принципов;

б) разработка теоретических методов и прикладных методик виктимологических исследований;

в) разработка имеющих общетеоретическое значение системных аспектов виктимологических исследований; выявление основных закономерностей виктимизации и виктимности.

При этом общая теория виктимологии изучает и анализирует проблемы характеристики предмета, методов и основных направлений виктимологических исследований [1], общие закономерности проявления виктимности в современном мире, феноменологические и этиологические характеристики виктимности, включая роль и значение социальных процессов виктимизации, анализ системных взаимосвязей между различными видами виктимности на различных уровнях социального обобщения, общие характеристики жертвы социально-негативного проявления, типологию жертв, механизм индивидуального виктимного поведения, теоретические проблемы виктимологической профилактики социально-негативных проявлений, а также создание и реализацию концепций виктимологического планирования и прогнозирования.

Анализ развития учения о жертве социально-опасного проявления показал, что общая теория виктимологии рассматривает:

- * жертву (как лицо, которому индивидуально или коллективно был причинен материальный, моральный или иной вред общественно опасным деянием);
  - * виктимность (как потенциальную или актуальную способность лица индивидуально или коллективно становиться жертвой социально-опасного проявления) и ее формы выражения;
  - * виктимизацию (как процесс превращения лица или социальной общности в жертву социально-опасного проявления);
  - * связи между жертвой и вредоносным актом (системно-структурные взаимодействия на энергетическом, информационном и вещественном уровнях)
- как свои основные, конститутивные понятия.

Вместе с тем практика свидетельствует, что имеющиеся операциональные или теоретические определения вышеуказанных понятий страдают стандартными недостатками, вызванными, как правило, динамичностью развития и молодостью виктимологии.

Так, традиционное определение криминальной виктимности как способности стать жертвой преступления или иного социально опасного проявления, неспособности избежать опасности там, где она объективно предотвратима как по логике своего построения, так и по основаниям, является категорией достаточно расплывчатой. Подобное положение может быть вполне объяснено множественностью жертв и различием механизмов детерминации виктимного поведения.

"Можно предположить, что некоторые свойства личности, делающие ее виктимной, представляют собой: одни - неосознаваемые психические процессы; другие - психические аномалии; третьи - сознательное поставление себя в опасное состояние (неосмотрительность, распушенность, провокационность поступков и др.). Думается, что названные явления носят вторичный характер, а первичные требуют своего исследования", - справедливо отмечал В.В. Голина [2].

Подробное исследование содержания понятия виктимности, жертвы, виктимизации и иных элементов понятийного аппарата общей теории виктимологии будет проанализировано нами далее в процессе рассмотрения теоретических проблем криминальной виктимологии как учения о жертве преступления. Это логически оправдано как задачами нашего исследования, так и структурой самой работы, предполагающей уделение особого внимания проблемам криминальной виктимологии.

Как общесистемный процесс, общетеоретическое виктимологическое исследование включает в себя отработку следующих принципиальных проблем:

* понимание взаимоотношений "вредоносное явление" - "жертва", "правонарушитель - жертва" как нормального, гомеостатического конфликта между различными способами сосуществования, гармоничными и дисгармоничными взаимоотношениями социальных систем, явлений, субъектов и процессов в рамках объективных закономерностей мироустройства [3];

* осуществление системно-структурного, синергетического анализа таких конфликтов, приводящего к характеристике виктимности как признака, имманентно присущего процессу социализации определенной части населения;

* осознание места и роли глубинных социальных процессов на коллективную и индивидуальную виктимизацию (корпоративные нарушения прав потребителей; злоупотребления властью со стороны государства: геноцид, апартеид, незаконные перемещения социальных групп под давлением государства или иных социальных структур, различные формы патриархализма и колониализма, использование достижений психиатрии для подавления инакомыслия, поддержка и распространение репрессивных методов управления государством и репрессивной, дискриминационной системы уголовной юстиции; расизм; сексизм; манипуляции общественным мнением с целью оправдания агрессивной внутренней и внешней политики и пр. [4];

* теоретический анализ значения ценностно-нормативной структуры общества и отдельных социальных групп в процессах коллективной, групповой, межгрупповой и индивидуальной виктимизации (агрессивные субкультуры, сексуальная эксплуатация, конфликты социальных норм, тотальная зависимость социальной активности от совокупности позиций, заданных обществом, и др.);

* исследование места и роли виктимологии в процессе гуманизации системы социального контроля, формирования политики помощи жертвам, сориентированной на реальные потребности существующих, а не гипотетических жертв;

* осознание значения международно-правовых институтов и механизмов для ограничения и предупреждения виктимизации, организации рациональной виктимологической политики на национальном и международном уровнях [5].

При этом изучению подлежат также общественное сознание в сфере отношений по обеспечению социальной и индивидуальной безопасности, обобщенные характеристики виктимного поведения различных социальных групп в различных экономических и культурных условиях, причины и последствия виктимного поведения как социального процесса и т.д.

Исследование виктимности как индивидуальной девиации в рамках общей теории виктимологии предполагает познание общих закономерностей и условий формирования, структуры и механизма виктимной активности, взаимоотношений негативных социальных явлений и жертв, анализ функций виктимности, организацию системы индивидуальной виктимологической профилактики и пр.

Нельзя не отметить значительную активность современных виктимологов в изучении влияния различных по степени интенсивности социальных и природных процессов на коллективную и индивидуальную виктимизацию.

Нет нужды говорить о значимости создания системы глобальной общемировой безопасности для ограничения различных аспектов виктимизации.

Мир вздохнул с облегчением, когда политика холодной войны и конфронтации сменилась политикой кооперации и сотрудничества [6]. Вместе с тем движение мировых систем к ядерному разоружению является отнюдь не настолько простым, как хотелось бы. По подсчетам Министерства энергетики США, в течение ближайших 10 лет американское правительство будет вынуждено затратить более 230 миллиардов долларов на ликвидацию части из созданных США 70000 ядерных боеголовок [7].

Сама жизнь ставит вопросы: откуда брать деньги на подобные действия России и остальным ядерным наследникам бывшего СССР, кроме как из западных кредитов и за счет сокращения социальных программ и связанной с этим виктимизации населения; куда девать высококвалифицированный персонал ядерных заводов и лабораторий стран СНГ? Ответы не известны никому.

Немудрено, что попытки завладеть наработанным в СССР оружейным плутоном и опасения ядерного шантажа со стороны стран, обладающих мощными средствами доставки [8], не прекращаются до сих пор.

Так, в 1994 году объединенные спецгруппы Министерства энергетики и Минобороны США совместно с казахским правительством осуществили секретную операцию "Проект Сапфир" по транспортировке в Америку около 600 килограммов высокообогащенного урана, оставленного практически без присмотра на подлежащей консервации перерабатывающей фабрике в Северном Казахстане.

В соответствии с заявлениями представителей американского правительства вынужденность этой операции диктовалась чрезмерным интересом иранских спецслужб к данному объекту [9].

Организации, специализирующиеся на защите прав человека (например, Международная Амнистия), обращают особое внимание на роль злоупотреблений властью со стороны государства на коллективную и индивидуальную виктимизацию.

События в Белоруссии, Балканских странах, в Китае, в некоторых странах ближнего зарубежья свидетельствуют о том, как и каким образом силы правопорядка и народная армия могут быть использованы против своего народа в корпоративных интересах правящей верхушки. По данным правозащитных организаций, примерно в 98 странах в административной практике до сих пор применяются пытки; в странах, придерживающихся фундаменталистских религий, пытки и жестокие наказания (избиение камнями, членовредительство и пр.) являются обыденным, нормативным явлением [10].

Незаконное использование детского труда, работорговля, вовлечение в занятие проституцией все еще широко распространены в странах третьего мира. Примерно миллион детей заставляют ежегодно заниматься проституцией в Азии.

Незаконное экспериментирование над людьми, терроризм, захват заложников, геноцид, апартеид, работорговля, пытки, насилие во всех его формах и проявлениях - вот далеко не полный перечень незаконных деяний, которые правительства, административные и военные органы, международные корпорации, медики, родители применяли и применяют в отношении других людей - бедных, женщин, детей, членов этнических, культурных и религиозных меньшинств, диссидентов, бездомных, безработных, стариков [11].

Известно, что сексизм как своеобразное отношение к женщине как к объекту сексуальных нападений и насилия имеет широкое распространение в современных средствах массовой информации, рекламных кампаниях, в общественном сознании. Указанное обстоятельство существенным образом влияет на виктимизацию женщин во всем мире. Согласно данным "Отчета ООН о развитии человечества", над женщинами от зачатия до могилы совершаются различного рода насилия. Так, в некоторых странах многие матери делают аборт в случае установления, что будущий ребенок - девочка. В Барбадосе, Канаде, Нидерландах, Новой Зеландии, Норвегии и Соединенных Штатах Америки каждая третья женщина была жертвой сексуального насилия в детстве или будучи подростком.

Исследования свидетельствуют, что основная причина нанесения телесных повреждений женщинам в репродуктивном возрасте в США - нападение спутника (партнера). Женщина в США избивается каждые 18 минут. В 1987 году 62 % женщин, убитых в Канаде, были убиты своими мужьями. В Перу 70 % всех регистрируемых преступлений - избиения мужьями своих жен. В большинстве развитых стран от 25 до 50 % женщин подвергались физическому нападению со стороны партнера. В Канаде, Новой Зеландии, в США и Объединенном Королевстве каждая шестая женщина была изнасилована [12].

Жестокость мужчин в супружестве является главной причиной самоубийств среди женщин в Африке, Южной Америке и США. В Индии практически каждый день наблюдаются случаи самосожжения невест, чьи семьи не смогли оплатить приданое. В Бомбее каждая пятая смерть женщины в возрасте от пятнадцати до сорока четырех лет квалифицируется как "случайное возгорание" [13].

Немудрено, что диктуемый потребностями практики, подталкиваемый феминистскими движениями и движениями в защиту гражданских прав комплексный анализ проблем виктимизации женщин привел к развитию отдельного научного направления - семейной криминологии [14].

"Знаете ли вы, что получают некоторые женщины на свои дни рождения? Подбитый глаз, пинок по ребрам или несколько выбитых зубов. Это столь пугающе не потому, что это случается на их дни рождения. Это может быть каждый месяц, каждую неделю или даже каждый день. Это столь ужасно потому, что изредка он причиняет боль детям. Или может быть она беременна и он ударит ее в живот в то же место, где несколько минут назад она чувствовала движение ребенка. Это столь ужасно, поскольку женщина не знает, что же ей делать. Она столь беспомощна. Он же контролирует все. Она надеется, что он придет в себя и остановится. Он не останавливается никогда. Она надеется, что он не причинит вреда ее детям. Он угрожает сделать это. Она надеется, что он не захочет убить ее. Он обещает, что это сделает" [15].

Приведенное описание страха и беспомощности, с которыми сталкиваются избиваемые женщины, представлено в учебном пособии для кризисных консультантов, подготовленном Программой предупреждения семейного насилия в графстве Браун, штат Висконсин, США. Оно включено в учебник с целью вовлечь и психологически подготовить добровольцев и инструкторов к полным боли и страданий жизнеописаниям женщин, с которыми им придется сталкиваться на практике.

Создание и применение специальных виктимологически значимых программ по защите избиваемых женщин (убежища и приюты для избиваемых женщин, центры помощи изнасилованным), а также законодательства, направленного на профилактику насилия в семье [16], является повседневной практикой во многих развитых странах мира.

Определенное внимание в исследовании общетеоретических проблем виктимизации уделяется влиянию корпоративных преступлений фармакологической индустрии на виктимизацию. Выпуск на рынок лекарств с неизученными либо заранее известными побочными эффектами влечет за собой болезни, телесные повреждения и смерти многих пациентов в развивающихся странах, где правительства не в состоянии обеспечить надежный контроль за качеством поступающих на рынок фармакопрепаратов [17]. Фармакологическое насилие начинается до рождения с применением роженицами таких лекарств, как талидомид и бендектин, продолжается в раннем детстве с использованием хлоромидетина и ломотила и в более зрелые годы - с употреблением таких психоактивных лекарств, как, например, риталин, ведущих в совокупности к поведенческим нарушениям, инвалидности, дисфункциям головного мозга и пр.

Естественно, что только эффективная система ограничения фармакологической виктимизации в состоянии обеспечить безопасность граждан [18].

Нет нужды останавливаться подробно на анализе методологических и методических средств виктимологических исследований. Существующая общность основных методических и операциональных способов научного поиска как в рамках специальной социологической теории, так и в любом конкретно-социологическом исследовании вполне естественна и получила достаточное освещение в современной литературе.

Прекрасно известны и основные источники и средства сбора виктимологической информации:

- * материалы уголовной статистики;
- * материалы социологических опросов граждан, социальных групп, социальных институтов и служб, работников системы уголовной юстиции;
- * >материалы формально-правового анализа;
- * опросы жертв преступлений и самоотчеты;
- * анализ средств массовой информации;
- * опросы свидетелей;
- * анализ медицинской документации.

Основываясь на диалектическом принципе познания, современная виктимология в процессе сбора и обработки информации использует достаточно стандартные для конкретно-социологических и психологических исследований методы системы сбора данных (сплошное обследование, выборочное обследование, монографическое обследование), методы регистрации единичных событий (наблюдение, изучение документов и материалов, анкетирование и иные виды опроса, психоанализ, тестирование), методы обработки и анализа данных (описание и классификация, типологизация, экспериментальный анализ, статистический анализ, генетический анализ, социальное моделирование) [19].

Экспертный анализ виктимологической информации, полученной из 52 стран в 90-е годы, свидетельствует, что материалы уголовной статистики отражают только 30-40 % общеуголовных и около 10 % совершаемых сексуальных преступлений в стране. Причем, чем менее развитым является государство, тем выше латентность преступности в нем [20].

В этой связи виктимологические опросы являются одним из наиболее совершенных инструментов получения репрезентативных и валидных сведений о жертвах преступлений и преступности в целом. Естественно, их проведение предполагает создание дорогостоящей национальной сети изучения общественного мнения. Данные опросов, как правило, не отражают в полной мере сведений о преступлениях против детей, престарелых, злоупотреблений властью, случаев политического и массового социального насилия [21]. Тем не менее именно виктимологический опрос, - пожалуй, единственный инструмент, позволяющий достаточно полно охарактеризовать "виктимологическую и криминальную физиономию" общества. Недаром в мировой криминологической практике основательно закрепилась тенденция сущностного анализа преступности и ее цены через показатели и характеристики виктимизации [22].

Особый интерес представляет использование виктимологией экспериментальных методов и методик в групповой терапии и имитационном моделировании. Так, по мнению большинства преподавателей, готовящих специалистов в области виктимологической профилактики, наилучшее понимание будущим диспетчером проблемы жертвы и оптимальное предупреждение вторичной виктимизации могут быть достигнуты только тогда, когда сам диспетчер побывает "в шкуре жертвы".

В силу этого на Западе с легкой руки Джоанны Шерпланд (одного из наиболее видных английских виктимологов, впервые заставившей своих студенток пройти все унижительные тесты и обследования, которым подвергаются жертвы изнасилований, обращающиеся в полицию) обучение основам виктимологической профилактики начинается с "пропуска" студентов через горнило системы доступа жертв к уголовному правосудию.

Думается, что подобного рода практикумы и деловые игры стоило бы ввести и для отечественных студентов-юристов. Цель их - обучение будущих юристов противостоянию культивируемым в некоторых субкультурах работниками системы уголовной юстиции "обычаем" видеть в заявителе не живого, пострадавшего человека, а обезличенное "терпило", с которым можно вести себя как заблагорассудится.

Опросы оперативных работников свидетельствуют, что подобное отношение профессионалов к населению и до сих пор сохраняется в некоторых регионах. Недаром, согласно результатам исследования российского социологического центра "Статус", на вопрос: "Кого вы больше боитесь - преступников или милиции?" 37 процентов москвичей ответили, что одинаково боятся и тех и других. 43 процента москвичей, соответственно, ни при каких обстоятельствах не откроют дверь работнику милиции [23].

Проведенные сотрудниками института прокуратуры РФ в середине 90-х годов виктимологические исследования свидетельствуют, что из общего числа опрошенных в четырех крупных городах России "обращались в правоохранительные органы с заявлениями о совершенных в отношении них преступлений 247 человек, из них только 25 человек ответили, что преступник был осужден, и 30 - что преступник был установлен и освобожден от уголовной ответственности по просьбе самого потерпевшего. Другие три четверти заявителей ответили, что заявлению вообще не был дан ход, либо их не уведомили о принимавшихся мерах, либо преступник не был найден, либо он не был привлечен к уголовной ответственности и т.п. Причем нереагирование на заявление обжаловали лишь 16 %, а сами, вместо такого обжалования, приняли меры в отношении преступника и возмещения вреда - более 20 %" [24].

Показательно, что по тем же данным, ввиду боязни мести и неверия потерпевших в справедливость государства, от 50 до 80 % совершенных преступлений остаются незарегистрированными [25].

Использование социально-психологических и психологических методик исследования жертв социально-опасных проявлений предполагает также оперирование достаточно стандартным инструментарием и способами изучения взаимодействия социальной среды и личности жертвы, методиками психологии общения, разработанными и освоенными комплексом наук о человеке: социометрическим опросом, изучением документов, психоанализом личности.

Здесь, пожалуй, следует отметить, что специфика виктимологического исследования заключена в особой ранимости и незащитности предмета исследования: жертв социально-опасных проявлений и в силу этого, не отличаясь от применяемых методов по форме, предполагает упор на особую этическую, профессиональную подготовку операторов и интервьюеров.

Любое напоминание жертве о случившемся с ней травмирует ее, причиняет боль и страдания. Вот почему системная разработка методологического и методического инструментария виктимологических исследований предполагает особое внимание к проблеме формирования основ профессиональной этики виктимологов и лиц, сталкивающихся с жертвами социально-опасных проявлений.

1. См.: Криминология: Учебник (для учебных заведений МВД Украины) / Под ред. В.Г. Лихолоба, В.П. Филонова. - К.; Донецк, 1997. - С. 134-135.

2. Голина В.В. Специально-криминологическое предупреждение преступлений (теория и практика) - Дис. ... д-ра юрид. наук. - Х., 1994. - С. 87.

3. См.: Лапин Н.И. Социальные ценности и реформы в кризисной России // Социологические исследования. - 1993. - N 9. - С. 22; Здравомыслов А.Г. Фундаментальные проблемы социологии конфликта и динамика массового сознания // Социологические исследования. - 1993. - N 8. - С. 12-13.

4. См.: Viano E. The recognition and implementation of victims' rights in the United States: developments and achievements // The Victimology handbook. - New York, 1990. - P. 330.

5. См.: Туляков В.А. Проблемы развития отечественной виктимологии // Юридический вестник (Одесса). - 1994. - N 1.

6. К сожалению, разразившаяся в 1999 году война в Югославии ставит под сомнение справедливость этого тезиса.

7. См.: Costing a bomb // The Economist. - 1997. - January, 4th-10th. - P. 46.

8. Согласно экспертным оценкам, Иран, Ирак, Ливия, Сирия и Северная Корея достаточно активно помогают друг другу в разработке ракетных программ. В случае, если финансируемая Ираном и весьма интересующая Ливию разработка корейской двухступенчатой ракеты "Нодонг-2" увенчается успехом, ракета, запущенная из Ливии, сможет достичь практически любой страны Европы. См.: Circles of fear // The Economist. - 1997. - January, 4th-10th. - P. 49.

9. См.: Costing a bomb // The Economist. - 1997. - January, 4th-10th. - P. 47.

10. Недаром среди ориентировочных тем X- -еждународного Конгресса по криминологии, который состоялся в августе 1998 года, специально была выделена проблема криминологического исследования смертной казни и телесных наказаний. См.: The 12th International Congress on Criminology. Call for papers. - Seoul, 1996. - P. 11.

11. Viano E. The protection of victims: socio-political considerations and a plan for action // Quad. Psych.Forense. - 1994. - Vol. III, № 1. - P. 37.

12. См., например: Громадська програма співробітництва по запобіганню насильству в сім'ї. - Одеса, 1999. - 126 с.

13. Domestic violence // Marie Claire. - October, 1995. - № 86. - P. 132.

14. См., например: Корецкий Д.А. Предупреждение тяжких преступлений против личности, совершаемых на почве бытовых конфликтов: Автореф. дис. : канд. юрид. наук. - Х., 1980. - 24 с.; Крупка Ю. Кримінологічна характеристика побутових злочинів // Радянське право. - 1983. - № 3. - С. 65-68; Лопушанский Ф.А. Предупреждение преступлений в сфере семейно-бытовых отношений. - М., 1989. - С. 5-7, 91-97; Лопушанский Ф.А., Подзник В.П., Еременко В.В. Следственная профилактика умышленных убийств // Криминалистика и судебная экспертиза. - К., 1977. - Вып. 15. - С.

27-33; Ривман Д.В. Виктимологические факторы и профилактика преступлений. - Л., 1975. - С. 19-24; Соотак Я.Я. Некоторые вопросы взаимосвязи между разводами и преступлениями против супруга // Актуальные задачи советского права по укреплению семьи и предупреждению правонарушений несовершеннолетних в советских республиках Прибалтики: Тезисы науч.-практ. конф., 19-20 апреля 1979 года. - Рига, 1979. - Т. I. - С. 115; Старков О.В. Роль криминогенной ситуации в бытовых насильственных преступлениях: Автореф. дис. : канд. юрид. наук. - М., 1981. - С. 27; Трофимов С.В. Криминологическая характеристика лиц, совершивших преступления против личности на почве семейно-бытовых отношений // Проблемы изучения личности правонарушителя. -М.: Изд-во МГУ, 1984. - 121 с.; Шестаков Д.А. Социальное зло - алкоголизм: семья и право. - Л., 1985. - С. 17-18; его же: Предотвратить семейную драму. - Л.: Знание, 1981. -С. 37-42; его же: Семейная криминология: семья - конфликт - преступление. - С.Пб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. - С. 7-12, 39-48; его же: Конфликтная семейная ситуация как криминогенный фактор: Автореф. дис. : канд. юрид. наук. - М., 1977. - 24 с.

15. Haag R. The birthday letter // Prelipp S.A. Family violence center training manual -Green Bay, Wi., N.D. - Domestic violence Intervention Program.

16. См.: Viano E. Violence, victimization and social change: a socio-cultural and public policy analysis // *Victimology: an international journal*. - 1983. - № 8 (3-4). - P. 54-79.

17. См., например: Braithwaite J. Corporate crime in the Pharmaceutical industry. - London: Routledge & Keagan Paul., 1984.

18. Henry F., Chomicki S. Violence against children: The pharmaceutical industry // *The Victimology handbook*. - New York, 1990. - P. 61-76.

19. См.: Ядов В.А. Социологическое исследование: Методология. Программа. Методы. - М., 1972. - С. 42-43; Гречихин В.Г. Лекции по методике и технике социологических исследований. - М.: Прогресс, - 1988. - С. 58-93.

20. См., например: Латентная преступность: познание, политика, стратегия: Сб. материалов междунар.семинара. - М., 1993. - 337 с.

21. См.: International Manual On The Use And Application Of The Declaration Of Basic Principles Of Justice For Victims Of Crime And Abuse Of Power // A Draft manual designed by the 2nd UN Experts Meeting On Victims Of Crime And Abuse Of Power In The International Setting. - Washington D.C., 1996. - P. 14.

22. См.: Profiles of criminal justice systems in Europe and North America 1990-1994. - Helsinki, HEUNI, 1999. - 493 p.

23. См.: Скосырев В. Кто же в России будет защищать граждан, а не государство! // *Известия* . - 1997. - 5 апр. (№ 64). - С. 1, 3.

24. Организованная преступность-4. - М.: Криминологическая ассоциация, 1998. - С. 38.

25. Там же. - С.37.

Рассматривая проблемы становления и развития отечественной виктимологии, отметим, что на протяжении долгих лет проблема потерпевшего от преступления в советской юридической науке изучалась (да и сейчас, как правило, продолжает изучаться) в рамках процессуальных дисциплин или в связи с ними.

Определению основных прав и обязанностей потерпевшего от преступления, характеристике поведения потерпевшего в процессе предварительного расследования, судебного следствия, проблемам поведения потерпевшего от преступления в процессе подачи и рассмотрения гражданского иска в уголовном судопроизводстве посвящены работы таких выдающихся ученых, как С.А. Александров, С.А. Альперт, В.П. Божьев, В.В. Вандышев, В.А. Дубринный, Л.В. Ильина, А.А. Касымов, Л.Д. Кокорев, В.А. Лазарева, И.И. Потеружа, В.Н. Савинов, В.М. Савицкий, З.А. Шlichte, В.Е. Юрченко, П.Е. Яни.

Проблемы характеристики и значения поведения потерпевшего в уголовно-правовых исследованиях рассматривались В.Е. Батюковой, П.А. Воробьем, П.С. Дагелем, И.И. Карпецом, В.Е. Квашисом, М.И. Коржанским, Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Мальцевым, А.А. Ранецкой, М.Х. Рустамбаевым, Р.А. Сабитовым, А.В. Уссом, А.С. Якобовым и другими специалистами в области теории уголовного права.

Вместе с тем создание основ учения о месте и роли потерпевшего в механизме преступного поведения в собственно виктимологическом понимании связывается историками отечественной виктимологии с именем выдающихся советских криминалистов Г.М. Мудьюгина [1] и В.П. Колмакова [2].

Так, В.П. Колмаков при описании процесса расследования убийств обращал внимание на важность анализа общественно-политической и морально-бытовой характеристики личности потерпевшего [3].

Соответственно, в своей работе "Расследование убийств по делам, возбужденным в связи с исчезновением потерпевшего" [4] Г.Н.Мудьюгин, возможно, впервые в СССР обратил внимание на значительную роль потерпевшего в механизме преступного поведения, на необходимость исследования допреступной активности потерпевшего в процессе расследования уголовных дел и выдвижения следственных версий. По его мнению и согласно данным проведенных им эмпирических исследований, способ совершения преступления в подобных ситуациях во многом зависел от характера и особенностей личности потерпевшего от преступления.

Важное значение в понимании феномена потерпевшего от преступления для отечественной виктимологии сыграли работы других авторов, которые рассматривали проблему потерпевших от преступлений, совершенных на почве кровной мести, потерпевших от дорожно-транспортных происшествий, потерпевших от убийств [5].

Однако на самом деле первые виктимологические исследования в СССР начал проводить Л.В. Франк [6], который, по сути дела, и является общепризнанным "отцом" отечественной виктимологии.

В своих двух монографиях и значительном количестве статей Л.В. Франк, опираясь на разработки мировой виктимологической теории, с которой в СССР были практически незнакомы, сумел доказать и обосновать мнение о том, что виктимология является относительно самостоятельным (поначалу рассматриваемым в рамках криминологии) научным направлением, имеющим теоретическую и прикладную ценность

[7].

К основным, конститутивным понятиям виктимологии Л.В. Франк относил:

- * понятие виктимизации как процесса превращения лица в жертву преступления и как результата функционального воздействия преступности в целом, могущего проявляться на различных уровнях воздействия на потерпевших, членов их семей, социальных групп и общностей;

- * понятие виктимности как склонности личности становиться жертвой преступления в результате ее образа действий и социально-демографических характеристик;

- * понятие связи "преступник-потерпевший" как системы отношений между указанными субъектами в рамках криминогенной ситуации, оказывающей значительное влияние на развитие и генезис механизма преступного поведения [8].

Соответственно, основными функциями виктимологии по Л.В. Франку были:

- * получение новой информации о причинах преступности;
- * получение информации о механизме преступного поведения в целях ее использования в процессе предупреждения преступлений;

- * получение информации о механизме взаимосвязей между преступником и потерпевшим от преступления;

- * оценка истинного состояния преступности посредством анализа виктимизации;
- * использование виктимологической информации в процессе назначения наказания;
- * использование виктимологической информации для совершенствования процесса возмещения вреда потерпевшим от преступления.

Как видим, практически работы Л.В. Франка следовали в русле развития мировой теории виктимологии. Естественно, теоретическое наследие Л.В. Франка отнюдь не исчерпывается перечисленными вехами. Он проделал огромную работу по определению основных методов виктимологических исследований, описанию основных типов потерпевших от преступлений, по использованию виктимологических данных в судебно-прокурорской практике, практике криминологических и криминалистических исследований [9].

Значительное количество работ Л.В. Франка, равно как и иных советских виктимологов, было посвящено проблеме определения роли антиобщественного поведения потерпевшего в продуцировании криминогенной ситуации.

Изучению особенностей влияния поведения потерпевшего на криминогенную ситуацию и механизма различных по уголовно-правовым критериям, этиологическим и мотивационным характеристикам преступлений также были посвящены работы Ю.М. Антоняна, Б.А. Блиндера, В.В. Вандышева, Л.Д. Гаухмана, П.С. Дагеля, В.П. Коновалова, Н.Ф. Кузнецовой, В.С. Минской, Р.И. Михеева, В.И. Полубинского, Д.В. Ривмана, В.Я. Рыбальской, С.В. Соболевой, А.Д. Тартаковского и других исследователей [10].

Следует отметить значение теоретических разработок и непосредственную роль Л.В. Франка в проведении исследований виктимизации населения на массовом уровне. Так, в 1972 году группа ученых под его руководством провела изучение виктимизации населения в Таджикской ССР. Сплошному исследованию были подвергнуты потерпевшие от убийств, телесных повреждений, побоев, изнасилований, заражения венерической болезнью, злостного уклонения от уплаты алиментов, краж и грабежей личного имущества, разбоев, нарушения правил управления автомобильным транспортом, хулиганства и других составов. Группы потерпевших классифицировались по полу, возрасту, социальной принадлежности, роду занятий, степени и тесноте связей с преступником, роли потерпевших в детерминации преступного поведения.

Было выяснено, что мужчины в возрасте от 20 до 49 лет составляют основную группу потерпевших от преступлений, что риск их повышенной виктимогенности связан в основном с

антиобщественным поведением, алкоголизацией, частыми контактами с потенциальными преступниками. Значительный интерес представили полученные Л.В. Франком и его соратниками данные о "рецидивных" жертвах (8,5 % от общего числа изученных потерпевших), позволяющие глубже понять характер и механизм виктимогенных факторов, воздействующих на человека.

Результатом исследования стала разработка начал виктимологического направления в профилактике преступлений, в особенности в области учета потерпевших и контроля за потенциальными субъектами виктимологической профилактики [11].

Огромное значение для разработки теории виктимологической профилактики преступлений, а также для развития современной виктимологии сыграли и труды Д.В. Ривмана.

Исходя из того, что "лицо может обладать определенным сочетанием социальных и психологических качеств, которые в известной мере могут предопределять негативное (в иных случаях позитивное) и в то же время опасное для него поведение, т.е. приблизить его к роли потерпевшего, поставить в положение элемента ситуации, толчковым или иным образом содействующего совершению преступления" [12], Д.В. Ривман определил следующие основные направления виктимологической профилактики преступности:

- * максимальное использование оборонных возможностей потенциальных потерпевших;

- * обучение граждан приемам разрешения небезопасных ситуаций;

- * правовая пропаганда, правовое обучение;

- * использование технических средств защиты;

- * переориентация оперативно-розыскной деятельности с преступника на потерпевшего как с целью организации пресечения и предотвращения преступлений, так и с целью получения более глубокой информации о преступниках.

По мнению Д.В. Ривмана, виктимологическая профилактика преступлений складывается из трех основных направлений:

1. общая виктимологическая профилактика, направленная на выявление и коррекцию поведения виктимогенных социальных групп;

2. индивидуальная виктимологическая профилактика, направленная на выявление потенциальных потерпевших, их обучение и защиту и на защиту и коррекцию поведения реальных потерпевших от преступлений;

3. профилактика конкретных преступлений с использованием виктимологической информации, а также тактических возможностей пресечения преступлений определенного типа в зависимости от свойственных им виктимологических особенностей [13].

Вместе с тем "забытость" проблемы потерпевшего в системе советской уголовной юстиции практически ограничивала внедрение и использование профилактических схем только рамками криминологической проблематики: как теоретическое обоснование, так и специальная разработка программ, направленных на обеспечение соответствующей помощи, реституции и компенсации жертвам преступлений, практически не велись.

Помощь жертвам преступлений осуществлялась деперсонифицированно, без учета специфических потребностей жертв в рамках общей системы социального обеспечения населения [14].

Важной теоретической проблемой, достаточно долгое время изучавшейся в советской криминологии, была проблема т.н. "вины потерпевшего".

Л.В. Франк, останавливаясь на характеристике данного понятия, отмечал, что оно является собственно виктимологической категорией, не относящейся к уголовно-правовой проблематике. С точки зрения уголовного права "вина потерпевшего" относится к числу

обстоятельств, способствующих совершению преступления, но не к его субъективной стороне [15].

Исследование "вины" потерпевшего позволяет, по мнению ряда авторов, более четко выделить проблему причин индивидуального преступного поведения, значение пределиктных конфликтов для генезиса преступного поведения, определить степень участия потерпевшего в преступлении, содействовать более четкому назначению наказания правонарушителю, дифференцировать процесс реституции и компенсации, наконец, определить дополнительные процессуальные характеристики и правоограничения для потерпевших, "виновных" в совершении преступления [16].

Впоследствии несущий излишнюю эмоциональную окраску, приводящую к смешению функциональных характеристик уголовно-правовых и социологических понятий, термин "вина потерпевшего" был заменен термином "отрицательное поведение потерпевшего, способствующее преступлению".

Так, В.С. Минская и Г.И. Чечель под отрицательным поведением потерпевшего, способствующим преступлению, понимали "поступки и поведение, причинно связанные с преступлением, объективно причиняющие вред обществу при наличии в них элементов, способствующих зарождению у другого лица умысла на совершение преступления, либо его осуществление" [17].

Естественно, что природа и закономерности отношений "жертва-преступник" не могут не изучаться вне анализа поля провоцирующего поведения потерпевшего. Вместе с тем чрезмерное внимание, которое уделялось исследованию данного компонента теории виктимологии на ранних стадиях ее развития, можно, пожалуй, объяснить только приверженностью советских ученых к формально-логическому, теоретическому анализу явления виктимности в ущерб собственно прикладным разработкам.

Таким образом, 70-80-е годы в отечественной виктимологии характеризовались созданием общей теоретической базы, методологии и методики виктимологических исследований, с концентрацией внимания на проблеме роли жертвы в механизме преступного поведения и ее значения для уголовного, уголовно-процессуального права и криминологии; использованием результатов виктимологических исследований в деятельности по профилактике преступлений.

Естественно, что существовавшие идеологические установки не способствовали достаточно объективному анализу истинного положения дел: виктимология рассматривалась как отрасль криминологических исследований, способная под определенным углом зрения дать своеобразную окраску процессу детерминации преступного поведения.

Криминальная виктимология представляет собой учение о жертве преступления, становлении жертвой и социальной реакции на жертву преступления, направленное на проведение научного анализа, описание и интерпретацию моделей поведения жертвы, установление причинных и ассоциативных связей, а также вероятностных взаимосвязей с целью ограничения криминальной активности и нейтрализации причин, ее порождающих [18].

Вместе с тем, проблема понятия жертвы, ее соотношения с понятием потерпевшего от преступления, виктимизации, виктимности, виновного поведения жертвы, места и роли жертвы в механизме преступного поведения анализировалась в СССР в зависимости от социокультурных установок авторов, от принадлежности к той или иной "школе" криминологии, наконец, от политического отношения авторов к самому предмету криминологии и места и роли виктимологии в сфере научных интересов автора

[19].

Практически каждый ученый, исходя из своей мировоззренческой установки или из установки, заданной системой властеотношений в стране[20], по-своему трактовал те или иные термины, не испытывая ни малейшей нужды в создании единой, унифицированной терминологии.

"Что говорить о терминах науки, когда даже о самом определении науки трудно договориться", - писал В.И. Паниотто, характеризуя в свое время состояние понятийного аппарата социологии [21].

Сказанное в полной мере относится и к проблемам криминальной виктимологии. Прделанный авторами "Курса советской криминологии" анализ понятийного аппарата теории виктимологии, разрабатывавшегося советскими специалистами, также свидетельствует о множественности и неоднозначности восприятия используемых различными советскими школами и учеными сциентистских понятий [22].

Немудрено поэтому, что массовые исследования виктимизации в СССР в то время практически не проводились: кому необходимо было знать, что декларируемое властью предржащими положение дел в сфере профилактики преступности достаточно сильно отличается от истинного. Между тем анализ виктимизации населения в состоянии более качественно оценить истинное положение дел с интенсивностью преступности в стране, чем основанные на традиционных методах измерения статистические исследования [23].

Так, практикуемые много лет обзоры виктимизации в США свидетельствуют о высокой прикладной ценности таких исследований для понимания преступности, закономерностей ее распределения и отношения населения к проблеме преступности в стране. Например, в 1975 году, по данным Министерства юстиции США, уровень виктимизации в стране был представлен следующими показателями: на 60000 семей и 15000 организаций, подвергнутых анкетному опросу, установлено 37000000 случаев виктимизации. Из этих 37000000 случаев 55 % приходится на индивидов, 41 % - на семьи и 4 % - на организации. Около 40 % всех случаев виктимизации составляют кражи, 15 % - насильственные преступления против личности [24].

В результате от 35 до 56 % взрослых американцев ограничивали или изменяли формы своей социальной активности посредством применения личностных ограничений, защиты домовладений, создания коллективных форм защиты от преступности (общинная профилактика) [25].

С годами ситуация только усложнялась (что происходило практически во всех странах мира), поэтому приоритет цели кооперации населения с государственной политикой в области социального контроля над преступностью также включал развитие и совершенствование виктимологических исследований [26].

Указанное обстоятельство лишний раз подчеркивает уникальность ситуации, складывающейся в Украине, когда из 93 % городского населения, проживающего в самостоятельных квартирах (один из высших показателей в Европе), 2 % используют жалюзи и решетки и 3,4 % - охранную сигнализацию (один из низших показателей в Европе!) [27].

К середине 80-х - началу 90-х годов оценка роли и значения виктимологических исследований начинает понемногу меняться.

Так, развитие кризисной ситуации в странах постсоветского блока, перемены в образе жизни целого поколения, обостренные быстротечностью, разнообразием и неопределенностью

социальной ситуации, не могли не сказаться на изменении социального отношения к виктимологическим проблемам.

К концу XX столетия во всем мире, а в особенности в странах СНГ, стали проявляться тенденции, отмеченные еще в 1955 году великим футурологом Алвином Тоффлером в книге "Столкновение с будущим": в различных регионах наблюдаются предпосылки развития кризиса адаптационных возможностей человечества [28].

Люди не в состоянии противостоять постоянным нарушениям душевного равновесия, происходящим в результате ломки стереотипов и крушения идеалов, вызванных множеством причин (от влияния НТР на проблему коммуникаций, снятия барьеров и этнокультурных запретов до изменения официальной государственной идеологии и аномии как естественного фрустрационного следствия).

Ощущение приближения вселенского хаоса и конца света стало, пожалуй, достаточно часто встречаться в реальной жизни человечества и более всего - в странах СНГ, где кумуляция скрытой агрессии происходила годами. Так, свыше 80 % жителей крупных индустриальных городов Украины ощущают недостаток защиты от преступности, да и вообще лишь 3-6 % жителей удовлетворены состоянием своей безопасности [29]. Согласно данным Российского института социологии парламентаризма, 71 % российских граждан убеждены, что государство не защищает их; 59 % боятся за свою жизнь, безопасность родных и близких; 56 % взрослого населения боятся выйти на улицу с наступлением темноты; 21 % граждан не чувствует себя в безопасности в собственной квартире; 49 % граждан хотят приобрести огнестрельное оружие [30].

В этой связи забота о безопасности населения и его защите от любых видов угроз приобрела общенаучное значение.

Понятно, что, основываясь исключительно на данных криминологических исследований, криминальная виктимология, как единственное достаточно глубоко разработанное научное направление исследования виктимности, не была в состоянии полностью выполнить социальный заказ на подготовку добротных рекомендаций по обеспечению безопасности и методик выживания граждан в обстановке политического и экономического хаоса.

Колоссальное же количество появившихся переводных работ по обеспечению безопасности граждан зачастую не имели достаточной методологической базы, были оторваны от практики жизнедеятельности в постсоветском пространстве [31].

В силу этого в работах современных виктимологов постепенно появляется стремление к пониманию виктимологии как самостоятельного комплексного научного направления (криминальной, деликтной и травматической виктимологии), призванного обеспечить безопасность жертв социально опасных проявлений, т.е. любой организованной формы материи, нормальному состоянию которой был нанесен ущерб [32].

Диверсификация научного знания приводит к появлению концепций криминалистической [33] хозяйственно-правовой виктимологии [34], активно развиваются разделы виктимологической профилактики преступлений несовершеннолетних [35], виктимологии агрессивных преступлений, определения "цены" преступности с помощью методов виктимологических исследований. Растет число диссертационных исследований, выполненных по виктимологической проблематике [36]

Появляются работы, посвященные переосмыслению как традиционных проблем отечественной криминологии, так и выходу на новые рубежи познания, по идеологическим причинам закрытые ранее для исследователей [37].

Специальные курсы по виктимологии читаются в юридических вузах [38]. Развивается виктимологическая профилактика преступлений, создаются все новые и новые общественные организации, ставящие своими задачами защиту прав и свобод потерпевших от преступлений, оказание им помощи по общественным каналам [39].

Вместе с тем исторические тенденции развития любой социологической науки предполагают обращение не только к проблеме дифференциации научного знания, когда происходит выделение новых, относительно самостоятельных научных направлений и дисциплин, ранее существовавших только как раздел того или иного учения.

Познание социальных закономерностей функционирования виктимности как своеобразного вида социальных девиаций требовало интеграции научного знания, рассмотрения проблемы виктимологии в комплексе ее проявлений, взаимосвязей и взаимозависимостей [40], позволяющих понять и сформулировать теоретические основы виктимологической политики и профилактики преступлений. Именно в этих направлениях и идет развитие современной виктимологии.

1. См.: Ewa Bienkowska Zarys rozwoju wiktyologii radzieckiej // Przestepczosc na swiecie. - Warszawa, 1989. - Т. XXI. - Р. 38.

2. См.: Франк Л.В. Виктимология и виктимность. - Душанбе, 1972. - С. 53.

3. См.: Колмаков В.П. Расследование убийств: лекция для студентов ВЮЗИ. - М., 1958. - С. 14.

4. См.: Мудьюгин Г.Н. Расследование убийств по делам, возбужденным в связи с исчезновением потерпевшего. - М., 1962. - С. 35 и след.

5. См.: Барамя А.И. Борьба с преступлениями против жизни и здоровья, совершенными на почве кровной мести (по материалам Грузинской ССР). - Сухуми, 1965; Франк Л.В., Овруцкий И.Д. Некоторые показатели о пострадавших от наездов по данным экспертной практики // Вопросы криминалистики и судебной экспертизы. - Душанбе, 1965. - № 4; Дубриный В.А. Потерпевший на предварительном следствии. - Саратов, 1966.

6. См.: Франк Л.В. Об изучении личности и поведения потерпевшего (нужна ли советская виктимология) // Вопросы уголовного права, уголовного процесса и криминологии. - Душанбе, 1966. - С. 20-26.

7. См., например, такие работы Л.В. Франка как: Виктимология и виктимность (об одном из направлений в теории и практике борьбы с преступностью). - Душанбе, 1972; Потерпевший от преступления и проблемы советской виктимологии. - Душанбе, 1977; Понятие криминальной виктимологии и виктимности и некоторые ее аспекты в преступлениях против жизни и здоровья // Вопросы криминалистики, криминологии и судебной экспертизы. - Баку, 1972. - № 15. - С. 247-255; Некоторые теоретические вопросы становления советской виктимологии // Потерпевший от преступления: Сб. науч. трудов. - Владивосток, 1974. - С. 5-16; Виктимология - одно из направлений в советской криминологии // Вопросы изучения преступности и борьбы с нею: Сб.

науч. трудов. - М., 1975. - С. 183-187; Виктимность // Соц. Законность. - 1975. - № 5 - С. 96; Остроумов С.С., Франк Л.В. О виктимологии и виктимности // Сов. государство и право. - 1976. - № 4. - С. 74-79.

8. См.: Ewa Bienkowska Zarys rozwoju wiktymologii radzieckiej // Przestepczosc na swieciei. - Warszawa, 1989. - Т. XXI. - Р. 40 et al.

9. См., например, такие работы Л.В.Франка, как: Виктимология как метод описания отдельного преступления // Укрепление законности и правопорядка, совершенствование социалистического правопорядка и советской государственности: Сб. науч.трудов. - Душанбе, 1978. - № 2. - С. 145-149; Виктимологическая характеристика личности преступника // Теоретические проблемы изучения личности преступника: Сб. науч. трудов. - М., 1979. - С. 113-118; О классификации потерпевших в целях виктимологических исследований // Вопросы уголовного права, прокурорского надзора, криминалистики и криминологии: Сб. науч. трудов. - Душанбе, 1968. - С. 8-15; О виктимологических исследованиях // Вопросы уголовного права, прокурорского надзора, криминалистики и криминологии. - Душанбе, 1971. - № 3-4. - С. 18-25; Об изучении виктимности на психологическом уровне // Вопросы судебной психологии. - М., 1971. - С. 14-20; Роль виктимологических исследований в разработке криминалистической тактики // Актуальные вопросы государственного строительства и укрепления социалистической законности в Таджикской ССР: Сб. науч. трудов. - Душанбе, 1973. - С. 258-265. См. также: Франк Л.В., Коновалов В.П., Петрова Н.М. Об одном опыте изучения личности потерпевших от преступления // Проблемы теории и истории социалистического государства, права и советского строительства. - Душанбе, 1973. - № 2. - С. 231-246; Франк Л.В., Петрова Н.М. Виктимологическая информация при обобщении судебной практики // Укрепление законности и правопорядка, совершенствование советского законодательства и социалистической государственности. - Душанбе, 1977. - № 1. - С. 119-126; Франк Л.В., Соболева С.Б. Некоторые направления виктимологических исследований семейно-бытовых отношений при изучении преступности (в порядке постановки вопроса) // Актуальные вопросы теории и истории права и применения советского законодательства: Сб. науч. трудов. - Душанбе, 1975. - С. 266-274; Франк Л.В., Тартаковский А.Д. Опыт виктимологического исследования истязания // Там же. - С. 233-249; Франк Л.В., Коновалов В.П. Виктимологические аспекты хулиганства // Там же. - С. 258-266.

10. См., например: Антонян Ю.М. Роль конкретной жизненной ситуации в совершении преступления. - М., 1973; Блиндер Б.А. Объект преступления и потерпевший в преступлениях против личности // Проблемы советского государства и права. - Ташкент, 1970. - С. 5-18; Вандышев В.В. Виктимологический аспект преступлений, совершенных при превышении пределов необходимой обороны или в состоянии аффекта // Вестник ЛГУ. - 1977. - № 5. - С. 119-125; Полубинский В.И. Правовые основы учения о жертве преступления. - Горький, 1979; Минская В.С., Чечель Г.И. Виктимологические факторы и механизм преступного поведения. - Иркутск: Изд-во Иркутск. гос. ун-та, 1988. - 150 с.; Минская В.С. Опыт виктимологического изучения личности преступника // Вопр. борьбы с преступностью. - 1972. - № 17. - С. 21-31; Соболева С.В. Виктимологический аспект конфликтных ситуаций в семье // Вопр. борьбы с преступностью. - 1976. - № 25. - С. 3745; Рыбальская В.Я. Виктимологические исследования преступности несовершеннолетних // Актуальные вопросы укрепления законности и правопорядка в районах интенсивного экономического развития Урала, Сибири и Дальнего Востока: Сб. науч. трудов. - М., 1979. - С. 1243-133; ее же: Методика изучения личности потерпевшего. - Иркутск, 1975 и др.

11. См.: Коновалов В.П., Франк Л.В. Об организации виктимологического направления профилактики преступности в Таджикской ССР. (Научно-методическая информация). - Душанбе, 1976; Коновалов В.П. Виктимизация и ее статистическое выражение. - Душанбе, 1978.

12. Ривман Д.В. К вопросу о социально-психологической типологии потерпевших от преступления // Виктимологические проблемы борьбы с преступностью: Сб. науч. трудов. - Иркутск: Изд-во Иркутск. гос. ун-та, 1981. - С. 6.

13. См.: Ривман Д.В. Виктимологические факторы и профилактика преступности. - Л., 1975. - С. 106.

14. См.: Marek A. Protection and assistance to crime victims in the socialist countries of Europe: a comparative approach in outline // Eurocriminology. - 1988. - Vol 2. - P. 101-113.

15. См.: Франк Л.В. Об изучении личности и поведения потерпевшего (нужна ли советская виктимология). - С. 24 и след.

16. См.: Минская В.С. Отрицательное поведение потерпевшего - одна из категорий советской виктимологии // Сов. государство и право. - 1980. - № 7. - С. 136-139; Филановский С.И. Влияние поведения потерпевшего на ответственность субъекта преступления // Сов. юстиция. - 1972. - № 14. - С. 13-14; Дагель П.С. Уголовно-правовое значение поведения потерпевшего // Виктимологические проблемы борьбы с преступностью. - Иркутск, 1982. - С. 6-15; Ильина Л.В. Уголовно-процессуальное значение виктимологии // Изв. вузов. Правоведение. - 1975. - № 3. - С. 119-123.

17. Минская В.С., Чечель Г.И. Виктимологические факторы и механизм преступного поведения. - Иркутск: Изд-во Иркутск. гос. ун-та, 1988. - С. 28.

18. Криминология: Словарь-справочник: Пер. с нем. / Сост. Х.-Ю. Кернер; Отв. ред. перевода А.И. Долгова. - М.: Норма, 1998. - С. 23.

19. См.: Чечель Г.И. Жестокий способ совершения преступлений против личности. - Ставрополь, 1992. - С. 108-115.

20. Чем, кроме как определенной установкой, можно объяснить позицию авторов, считавших, что жертва-provocateur, своим девиантным поведением создававшая условия для реализации преступного намерения, не может считаться потерпевшим от преступления. См.: Маликов М.Ф. Виктимологические аспекты эффективности судебного приговора (состояние разработки и пути повышения) // Проблемы совершенствования законодательства и повышения эффективности деятельности правоохранительных органов в свете новых Конституций: Сб. науч. трудов. - Уфа, 1980. - С. 140-147. См. также некоторые работы В.В. Вандышева, Н.Я. Калашниковой, Л.М. Корнеевой, В.В. Коротенко, В.А. Стрёмовского, А.Л. Цыпкина и др.

21. Паниотто В.И. Качество социологической информации (методы оценки и процедуры ее обеспечения). - К.: Наук. думка, 1986. - С. 7.

22. См.: Курс советской криминологии. - М., 1985. - Т. 1. - С. 170-182.

23. См.: Конев А.А. Преступность и проблема ее реального измерения: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. - М.: Академия МВД РФ, 1993. - 35 с.

24. Мелик Дадаева И.А. О новых тенденциях буржуазной виктимологии // Научная информация по вопросам борьбы с преступностью - М., 1985. - Вып. 86. - С. 46.

25. См.: Wesley G. Skogan. On attitudes and behaviors // Reactions to crime. - Beverly Hills etc.: Sage publ., 1981. - P. 19-45.

26. См., например: Материалы IV советско-западно-германского симпозиума по проблемам криминологии, уголовного права и процесса. - К.: Наук. думка, 1990. - 160 с.

27. См.: Profiles of Criminal Justice Systems in Europe and North America 1990-1994. - P. 454.

28. См. об этом: Гуревич А. Столкновение с будущим: постсоветский вариант // Финансовая Украина. - 1996. - 30 июля. - С. 9.

29. Живем хорошо, займы горя у людей не берем... // Голос Украины. - 1995. - 16 июня. - С. 1.

30. См.: Криминальная хроника. - 1994. - Вып. 12. - С. 1.

31. См., например: Бэскинд Э. Энциклопедия личной безопасности. - М.: Аквариум, 1995. - 144 с.

32. Полубинский В.И. Правовые основы учения о жертве преступления. - Горький, 1979. - С. 10; Криминология и профилактика преступности: Учеб. пособие / Под ред. В.Г. Лихолоба. - Донецк: ДИВД, 1994. - 396 с.; Моисеев Э.М., Джужа О.М. Проблеми кримінальної віктимології (кримінологічний, психологічний та пенітенціарний аспекти). - К.: НТВ "Правник", НАВСУ, 1998. - 126 с.

33. См., например: Криминалистическая виктимология (вопросы теории и практики): Сб. науч. трудов. - Иркутск.: Изд-во Иркутск. гос. ун-та, 1980. - 159 с.; Виктимологические аспекты криминалистики: Сб. науч. трудов. - Ташкент, 1981. - 156 с.

34. См.: Клеандров М.И. Хозяйственно-правовая виктимология: концепция, методология исследований // Сов. государство и право. - 1989. - № 3. - С. 87-92.

35. См., например: Гоголева Л.Л. Виктимологические аспекты борьбы с вовлечением несовершеннолетних в преступную деятельность: Автореф. дис. : канд. юрид. наук. - К., 1989. - 26 с.; Веселуха В. Значение виктимологической профилактики в системе предупреждения преступности // Право Украины. - 1999. - № 10. - С. 67-70, 73.

36. См., например: Арефьев А.Ю. Проблемы виктимологической профилактики квартирных краж, грабежей и разбойных нападений на квартиры: Автореф. дис: канд.юр.наук. - Н.Новгород, 1994. - 21 с.; Варчук Т.В. Виктимологические аспекты профилактики имущественных преступлений в условиях крупного города (по материалам квартирных краж в гор.Москве): Автореф. дис: канд.юр.наук. - М., 1999. - 26 с.; Войтенко С.Г. Криминологическое исследование виктимности лиц с девиантным поведением: Автореф. дис: канд.юр.наук. - М., 1997. - 23 с.; Глухова А.А. Виктимологические факторы преступности: Автореф. дис: канд.юр.наук. - Н.Новгород, 1999. - 25 с., Горшенков А.Г. Виктимологический аспект предупредительного воздействия на преступность в сфере массовой информации: Автореф. дис: канд.юр.наук. - Н.Новгород, 1999. - 24 с.; Котова Н.К. Виктимологические проблемы тяжких агрессивно-насильственных преступлений: Автореф. дис: канд.юр.наук. - Алматы, 1999. - 30 с.;

Надтока С.В. Виктимологические аспекты профилактики насильственных преступлений: Автореф. дис: канд.юр.наук. -Ростов-на-Дону,1999. - 25 с.; Сафиулин Н.Х. Виктимное поведение несовершеннолетних и совершаемые против них насильственные преступления (Криминологический анализ): Автореф. дис: канд.юр.наук. - М.,1995. - 20 с.; Ситковский А.Л. Виктимологические проблемы профилактики корыстных преступлений против собственности граждан: Автореф. дис: канд.юр.наук. - М.,1995. - 21 с.; Скурту И.Г. Виктимологические аспекты профилактики преступлений в отношении несовершеннолетних: Автореф. дис: канд.юр.наук. - СПб.,1996. - 24 с.; Харченко О.В. Виктимологические проблемы предупреждения преступлений против семьи и несовершеннолетних (По материалам Санкт-Петербурга): Автореф. дис: канд.юр.наук. - СПб,1999. - 21 с.

37. См. работы А.Ю. Арефьева, В.Е. Батюковой, В. Веселухи, Я.И. Гилинского, В.В. Голины, В.Б. Гончарова, А.Н. Джужи, А.П. Закалюка, А.А. Конева, С.В. Кудрявцева, В.В. Мальцева, С.И. Моисеева, Т.Г. Рахимова, А.А. Репецкой, М.Х. Рустамбаева, В.Я. Рыбальской, И.Г. Скурту, В.Н. Сомина, А.А. Тайбакова, Е.В. Топильской, В.И. Шакуна и других исследователей виктимологических аспектов социального бытия.

38. См.: Моисеев Є.М., Джужа О.М. Проблеми кримінальної віктимології (кримінологічний, психологічний та пенітенціарний аспекти). - К.: НТВ "Правник", НАВСУ, 1988. - 126 с.; в Одесской национальной юридической академии спецкурс по виктимологии 4 года читается для студентов судебно-прокурорского факультета, вопросы виктимологической профилактики подробно рассматриваются в материалах читаемого там же спецкурса "Предупреждение агрессивных преступлений".

39. Так, например, уже создана Российская Ассоциация помощи жертвам преступлений, открыт центр помощи жертвам семейного насилия в г. Харькове, осуществляется огромная работа правозащитными организациями. См.: Хохряков Г.Ф. Криминология: Учебник / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев. - М.: Юрист, 1999. - С. 504-505.

40. См.: Туляков В. Конституционные гарантии обеспечения прав потерпевших от преступлений // Юридический вестник (Одесса). - 1997. - № 4.; См. также: Ривман Д.В., Устинов В.С. Виктимология. - Н.Новгород, 1998. - 210 с.

ПОНЯТИЕ ЖЕРТВЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Туляков В.А.

В современной юридической и социологической литературе достаточно долгое время шли дебаты об определении понятия жертвы преступления.

Ряд авторов, основываясь на положениях действующего уголовно-процессуального законодательства и материального права, утверждал, что жертвой преступления может быть только физическое лицо, которым преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред (т.н. узкое, операциональное определение жертвы) [1].

Например, канадская ученая М. Бариль определяет жертву как лицо (или группу лиц), перенесшее непосредственно посягательство на свои основные права со стороны другого лица (или группы лиц), действующего сознательно [2].

Поляк Ежи Бафия рассматривает виктимологию как "часть криминологии, занимающаяся участием физического лица-жертвы в формировании криминогенной ситуации преступности" [3].

В одной из последних работ, выполненных по виктимологической проблематике в Украине, О.Н. Мойсюк определяет жертву преступления как человека, которому в результате субъективного желания преступника или из объективно складывающихся обстоятельств причиняется физический, моральный или имущественный ущерб [4].

Другие, принимая во внимание комплексность и междисциплинарность виктимологических исследований, инструментальность и операциональность понимания жертвы в виктимологической теории, определяли жертву как любого человека или социальную общность, которой преступлением был причинен вред (т.н. широкое, общетеоретическое определение жертвы) [5].

Так, Эмилио Виано определяет жертву преступления как любое лицо (социальную группу, институт, общность), которому причинен вред или повреждения другим лицом, которое ощущает себя потерпевшим, сообщает об этом публично, нормативно верифицировано как потерпевший и, следовательно, имеет право на получение помощи от государственных, общественных или частных служб [6].

Подобное понимание жертвы преступления обосновывается следующими соображениями.

Во-первых, в Декларации основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью под термином "жертвы" понимаются лица, "которым индивидуально или коллективно был причинен вред, включая телесные повреждения или моральный ущерб или существенное ущемление их основных прав в результате действия или бездействия, нарушающего действующие национальные уголовные законы государств-членов, включая законы, запрещающие преступное злоупотребление властью... Термин "жертва" в соответствующих случаях включает близких родственников или иждивенцев непосредственной жертвы, а также лиц, которым был причинен ущерб при попытке оказать помощь жертвам, находящимся в бедственном положении, или предотвратить виктимизацию [7].

Во-вторых, основной аргумент противников концепции широкого понимания жертвы преступления об отсутствии использования понятия "потерпевший" в отношении юридических лиц или иных социальных общностей в действующем материальном и процессуальном праве ныне снят благодаря вводимым законодателями новеллам.

Так, в соответствии с Законом Украины "О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Украины" от 20 ноября 1996 года УК Украины был дополнен ст. 198-2, в соответствии с которой уголовной ответственности подлежат преступники, понуждающие потерпевшего к выполнению или невыполнению гражданско-правовых обязательств под угрозой насилия при отсутствии признаков вымогательства.

Согласно диспозиции ст. 198-2 УК Украины, потерпевшим от преступления признается любой субъект гражданско-правовых обязательств [8]. Учитывая, что субъектами установления, изменения или прекращения гражданских прав и обязанностей являются не только граждане, но и юридические лица [9], думается, нет резона говорить о невозможности признания юридического лица (иной социальной общности в случае совершения преступления геноцида или иных злоупотреблений властью против отдельных социальных, этнических групп и меньшинств) потерпевшим от преступления [10].

По указанному пути идет современная процессуальная наука [11]. Возможно, именно поэтому определение потерпевшего от преступления, предложенное в подготовленном рабочей

группой Кабинета Министров Украины проекте Уголовно-процессуального кодекса Украины, включает в себя и юридических лиц, которым преступлением причинен имущественный или моральный ущерб [12].

Как показывает развитие теории права, юридическое лицо, его активность могут быть оценены и проанализированы в бихевиоральном смысле. Фактически юридическое лицо - объективная, самостоятельная социально-правовая форма, имеющая свою "волю" и ведущая себя соответствующим образом, с точки зрения своих личных предпринимательских самостоятельных интересов и корпоративных ценностей. Естественно, что посягательства на юридических лиц как корпоративных целостностей имеют свои особенности.

Подобные особенности имеют и посягательства на отдельные социальные группы и общности, в особенности в случаях злоупотребления властью. Вместе с тем особый социально-ролевой статус потерпевших от значительного количества преступлений в сфере экономики, преступлений международного характера связан именно с корпоративностью таких потерпевших, несводимых только и исключительно к отдельным физическим лицам.

"Учреждения, корпорации, коммерческие предприятия и группы людей могут быть также виктимизированы и законно приобрести статус жертвы", - писал в одной из своих последних работ Э. Виано [13].

Наконец, в-третьих, включение социальных общностей и организаций в понятие жертвы преступления детерминировано комплексным характером виктимологических исследований, оперирующих понятием жертвы как основным инструментом в познании закономерностей взаимодействия преступности и виктимности [14].

Структурно определение жертвы преступления состоит из следующих элементов: объекта, объективно и субъективно связанного с ним источника причиненного вреда и самого вреда.

Ранее было выяснено, что жертвой преступления могут выступать как физические, так и юридические лица (социальные общности), которым непосредственно был причинен ущерб преступлением, девианты в преступлениях без жертв (первичная жертва), а также члены семьи, близкие лица, родственники, иждивенцы первичных жертв (рикошетные жертвы) [15].

Представляется не только ненаучным, но и попросту безнравственным, исключать рикошетных жертв и субъектов преступлений без жертв из совокупности объектов, охватываемых понятием "жертва преступления" по тем основаниям, что первые только опосредованно связаны с преступлением, а вторые, мол, сами своим поведением создали неблагоприятные последствия, приведшие к криминальному результату (например, преступления, связанные с немедицинским употреблением наркотиков).

Рикошетные жертвы испытывают такие же страдания и проявляют такие же симптомы психологических затруднений, как и первичные жертвы. Члены семей жертв убийств, партнеры и супруги изнасилованных женщин, родители ограбленных подростков, родственники потерпевших от краж и иных преступлений описывают сходные психологические симптомы от не прямой виктимизации так же, как и прямые жертвы.

Возможно, это связано с эмоциональными и поведенческими реакциями на причинение вреда субъекту, к которому привязана рикошетная жертва, возможно, - с обычными человеческими представлениями о безопасности и справедливости окружающего мира, нарушаемыми преступлением, возможно, - с ощущением страха и незащищенности, не покидающим нас с момента столкновения с неизвестным, возможно, - с викарным подкреплением,

возникающим при обучении типичным выходам из стрессовой ситуации, принятым в той или иной культуре. Психологи до сих пор еще спорят об этом [16].

Однако посттравматический стресс, гнев, униженность, страх и депрессия являются спутниками виктимизации рикошетных жертв точно так же, как и прямых жертв. И не помнить об этом, декларируя принципы защиты гражданских прав и свобод в государстве, нельзя.

Субъекты преступлений без жертв [17], причиняя вред общесоциальным ценностям как охраняемому уголовным законом благу, одновременно причиняют вред и себе, травмируя свое психическое здоровье [18].

Таким образом, с криминологической точки зрения в круг лиц, относимых к жертвам преступлений, следовало бы также включить не только субъектов, которым был непосредственно причинен ущерб преступлением, но и тех, чье законное благо было поставлено преступлением (или покушением на него) под угрозу [19].

Вообще, согласно данным ученых криминалистов, число предусмотренных уголовным законом преступлений, причиняющих ущерб психической неприкосновенности личности, составляет около 70 % [20]. Известно, что психологические последствия преступления могут носить непосредственный, краткосрочный и долгосрочный характер.

Непосредственные реакции жертвы на совершенное в отношении нее преступление выражаются в шоке, отрицании, гневе, озлоблении, депрессии и ощущениях незащищенности, изолированности, никому ненужности (т.н. синдром посттравматического стресса). Эти симптомы обычно длятся от нескольких часов до нескольких суток. В течение нескольких недель после пребывания жертвой потерпевшие указывают на изменения сознания, фобии, боли, переполненность негативными эмоциями.

Жертвы зачастую указывают на переполненность чувством вины, потерю самоуважения, снижение самооценки, беспомощность, депрессию. Они также могут испытывать вновь ощущение участия в преступлении в форме кошмаров или маний. В течение этого периода жертвы описывают возникающие у них страхи одиночества, боязнь быть похищенным, а также ощущение того, что преступление в отношении них вновь совершится.

Несмотря на то, что большинство из этих симптомов исчезает с течением времени, многие жертвы свидетельствуют о наличии у них долгосрочных психологических реакций на преступление: заниженной самооценки, депрессии, тревожности, трудностей в интимных отношениях [21].

Аналогичным образом и имеющая сложные био-психо-социодуховные предпосылки болезненная зависимость наркоманов от психостимуляторов реализуется у них в идентичных для большинства потерпевших от иных преступлений психических переживаниях, эмоционально волевых расстройств, психических болезнях, фобиях.

По данным немецких виктимологов, у лиц, ставших жертвами ограблений или краж со взломом, наблюдаются такие симптомы: нервозность - 86 % и 81 %; истерический плач - 78 % и 60 %; страх - 75 % и 70 %; шок - 50 % и 38 %; нарушения памяти - 20 % и 5 %; гнев - 38 % и 42 % [22].

Сходные психологические реакции наблюдаются и у рикошетных жертв. Так, телефонный опрос 12500 респондентов жителей США показал, что 2,8 % выборки были членами

семьи жертв убийства, 3,7 % были отдаленными родственниками убитых, а 2,7 % - близкими друзьями убитых.

Таким образом, 9,3 % выборки составили лица, явившиеся ricochetными жертвами умышленных убийств. Анализ психологических реакций этих ricochetных жертв показал, что 23,4 % из них испытывали полноценный синдром посттравматического стресса, около 40 % соответствовали показателям синдрома посттравматического стресса хотя бы по одному диагностическому критерию [23].

С точки зрения криминальной виктимологии жертвой преступления признается только лицо, пострадавшее от запрещенного национальным уголовным законом деяния (действия или бездействия).

"Связанность" понятия жертвы преступления формальными рамками уголовно-правовых явлений четче ограничивает предмет криминальной виктимологии. Это позволяет проникнуть в сущность проблемы жертв преступлений, сочетая анализ многоаспектных поведенческих, психологических и соционормативных проявлений человеческой активности с комплексной, междисциплинарной оценкой феномена жертвы преступления.

В свое время в криминологической литературе появлялись предложения расширить предмет изучения криминальной виктимологии всеми типами жертв социально опасных проявлений.

Так, Матти Йотсен, анализируя в своих ранних работах феномен изменчивости преступности и его связи с жертвами преступлений, предлагал вслед за группой разработчиков первого варианта Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью включить в понимание жертвы как жертв традиционных (конвенциональных) преступлений, так и жертв т.н. "неконвенциональных" преступлений (злоупотреблений властью, нарушений трудового законодательства и прочих, тесно связанных с преступностью, но некриминализованных проявлений отклоняющегося поведения) [24].

Не отрицая теснейших взаимосвязей между различными типами виктимизации и виктимности, предполагающими их комплексный, системный анализ, подчеркнем все же, что углубленное изучение отдельных элементов предмета виктимологических теорий среднего уровня содействует познанию глубинных закономерностей виктимологии в целом.

Именно поэтому впоследствии в Декларации основных принципов правосудия появилось специальное определение жертв злоупотребления властью как лиц, "которым индивидуально или коллективно был причинен вред, включая телесные повреждения или моральный ущерб или существенное ущемление их основных прав в результате действия или бездействия, еще не представляющего собой нарушения национальных уголовных законов, но являющегося нарушением международно признанных норм, касающихся прав человека" [25].

Преступник, преступление и жертва связаны друг с другом сложной системой взаимоотношений.

С одной стороны, виктимизация жертвы может быть определена самим состоянием и/или отклоняющимся, провоцирующим поведением жертвы. В теории уголовного права справедливо отмечается, что обязательным структурным элементом любого общественного отношения является социальная связь, которая "справедливо рассматривается и как содержание самого отношения. Такой вывод обусловлен тем, что социальная связь является как бы зеркалом внутренней структуры общественного отношения, в ней отражаются его сущность и основные свойства" [26].

Анализ связей взаимодействия, контроля, отношений [27] между преступником и его жертвой помогает выяснить сущность и содержание отдельных элементов механизма преступного поведения, определить основные поведенческие характеристики виктимности.

"Жертву преступления следует рассматривать как фактор, генетически и динамически влияющий на преступность", - писал Ежи Бафия [28].

В настоящей части работы нет необходимости анализировать приводимые суждения относительно общей социолого-психологической характеристики взаимосвязей между преступником, преступлением и жертвой. Отметим, однако, что именно эти конститутивные черты социальных связей между преступником, преступлением и жертвой определяют особенности виктимологической профилактики преступлений.

С другой стороны, в формально-логическом определении понятия жертвы речь может (и должна) идти не столько об объективно-субъективной характеристике социальной связи, сколько о связи детерминации, когда носящее предметный характер преступление объективно предваряет процесс виктимизации жертвы либо сопутствует ему, а жертва, соответственно, осознает свой специфический социально-правовой статус, возникший в связи и по поводу совершения в отношении нее преступления.

"Виктимизация поражает сферу "самости" жертвы. Включенными здесь являются не столько индифферентные и тривиальные черты, сколько личный мир жертвы и иных лиц, тесным образом связанных с жертвой. Готовность преодолеть стереотипы, оценивая себя как жертву и признавая чью-то виктимизацию, важна по другому существенному основанию: она служит предпосылкой начала восстановительного процесса. Понимание растворяет шок и смятение и открывает путь для преодоления трудностей" [29].

Именно эти фиксированные и подлежащие формализации элементы подлежат отражению в определении жертвы преступления.

Взаимосвязь между преступлением и жертвой с неизбежностью приводит к определенным последствиям (причиняемому жертве и системе связанных с ней отношений вреду). В юридической литературе все виды преступного вреда, в зависимости от характера и механизма нарушения общественного отношения, подразделяются на несколько типов.

Так, вызываемые преступным действием изменения С.В. Землюковым подразделяются на четыре типа.

"Первый тип вредного изменения объекта посягательства характеризуется утратой материального или нематериального блага. Это вредное изменение возникает при совершении разрушающего действия. Второй тип вредного изменения состоит в определении вредного состояния, положения. Третий тип вредных изменений объекта посягательства состоит в осуществлении запрещенной законом деятельности, результатом которой является создание (производство) вредных для общества запрещенных продуктов. Четвертый тип вредного изменения состоит в недостижении (ненаступлении) общественно-полезного блага... " [30].

Соответственно, при преступном бездействии первый тип "состоит в том, что воздержание лица от совершения результативного общественно-полезного действия не приводит к появлению общественно-полезного результата, определенного обязанностью. Ненаступление общественно-необходимого блага как объекта соответствующего общественного отношения приводит к тому, что отношение теряет свою социальную значимость, прерывается. Второй тип

вредных изменений происходит при воздержании субъекта отношения от совершения сохраняющих, подавляющих и пресекающих действий. Этим допускается возникновение вредных изменений либо продолжение их развития. Вследствие этого происходит утрата или повреждение общественно-полезного блага как объекта этого отношения" [31].

Указанные изменения могут быть связаны с причинением ущерба физическому здоровью жертвы, материальными потерями, с психическими травмами, с дезадаптацией и десоциализацией жертвы преступления.

Проблема причинения вреда физическому здоровью, телесной и психической неприкосновенности жертвы, анализ характеристик материального ущерба достаточно глубоко исследованы в теории уголовного права и криминологии [32].

Так, физический ущерб, помимо причинения вреда телесной неприкосновенности лица, подвергшегося криминальному нападению, может включать: увеличение адреналина в крови жертвы, повышение давления, судороги, слезливость, сухость во рту, переживание событий в замедленном темпе, ухудшение работы органов чувств, потерю аппетита, мускульного тонуса, насморк, снижение либидо:

Соответственно, типичный финансовый ущерб от преступления включает: восстановление поврежденной (украденной) собственности, установку средств безопасности, обращение к медицинским учреждениям, участие в деятельности системы уголовной юстиции, привлечение профессиональных консультантов (адвокатов, психологов, психоаналитиков), уменьшение количества продуктивного рабочего времени и связанное с этим сокращение заработка, расходы на похороны, проблемы с последующим трудоустройством у ролевых жертв [33].

В наиболее общем виде подвергались криминологическому анализу и такие моральные последствия преступления, как психические переживания, психологический стресс, посттравматические стрессовые расстройства (эмоционально-волевые расстройства: чувство утраты, беспомощности, безнадежности, чувство унижения, опущенности, ощущение неадекватности происшедшего потребностям и установкам потерпевшего), психические болезни и акцентуации.

Например, в психиатрии и теории обращения с жертвами преступлений является аксиомой тот факт, что любая жертва, как правило, страдает от посттравматического стрессового расстройства, основными симптомами которого являются [34]:

а) рекуррентное постоянное и беспокоящее переживание травмы через неприятные воспоминания, сны, навязчивые действия и чувства, как будто бы событие повторялось (перепроживание травм, иллюзии, галлюцинации, внезапные, яркие и реалистичные, вспышкообразные возвращения травмирующих переживаний);

б) постоянное избегание стимулов, которые напоминают о травме. Например, пациент избегает мысли и чувства, ассоциирующиеся с травмой, избегает ситуации и сферы деятельности, которые пробуждают травматические воспоминания;

в) психогенная амнезия;

г) снижение интереса к значимым видам деятельности (который присутствовал до того, как травма произошла). Например, пациенты проявляют уменьшенный интерес в значимых сферах жизнедеятельности; они могут чувствовать отчужденность (отстраненность) от других людей;

набор их реакций может быть ограничен либо они могут чувствовать отсутствие будущего, снижение спектра эмоций;

д) постоянные симптомы повышенного возбуждения, которое включает в себя раздражительность и вспышки гнева, проблемы с концентрацией внимания, гиперактивность, неадекватное реагирование; они проявляют физиологическую реакцию на события или ситуации, которые отображают в символической форме или походят на травму;

е) расстройство вызывает значительный дистресс или дезадаптацию в социальной, профессиональной и других важных областях жизнедеятельности;

ж) пациент должен был испытывать данную симптоматику не менее одного месяца, после чего можно диагностировать наличие у него посттравматического синдрома.

По данным американских психиатров, всего лишь 10 % жертв сексуального насилия не проявляют никакого нарушения своего поведения после совершения преступления. Поведение 55 % жертв умеренно изменено, и деятельность 35 % жертв сопровождается серьезной дезадаптацией.

Спустя несколько месяцев после нападения 45 % женщин каким-то образом способны адаптироваться к жизни; 55 % жертв испытывают длительные воздействия травмы.

Согласно данным немецких криминологов, "жертвы переживают три стадии травмирования:

1. реакция на происшедшее и ее развитие;
2. осознание понесенного ущерба;
3. поиск выхода.

Для первой стадии травмирования характерны шок, сомнения и т.п., для второй - страх, огорчение, гнев. На третьей стадии жертва "вытесняет" нанесенный ей психический вред, направляя свою энергию на другие сферы деятельности" [35].

К сожалению, в отечественной литературе проблемы дезадаптированности жертвы преступления, которая не в состоянии ни с чем справиться после совершенного на нее нападения, привлекали несколько меньшее внимание.

Так, психологическая адаптация служит условием формирования побуждения к совершению значимых действий. В процессе адаптации человек формирует свой социальный статус, выражающийся в воплощенной в его деятельности системе отношений к определенным нормам и ценностям. Соответственно, поломка механизмов адаптации ведет к невыработанности необходимых для нормальной жизнедеятельности социальных качеств, к ухудшению взаимоотношений жертвы и общности, жертвы - с системой уголовной юстиции, к совершению неадекватных, дезадаптивных аморальных проступков [36].

В юридической и социологической литературе неоднократно отмечалось: "Чем дальше психологическая установка адресата норм и его мировоззрение от официально выраженных в законе позиций, тем ниже качество и объем правомерного поведения" [37].

Немудрено, что дезадаптивное отклоняющееся поведение является как предпосылкой и следствием виктимности, так и предтечей будущей криминальной активности индивида. В дальнейшем мы подробнее остановимся на месте и роли дезадаптации в генезисе виктимного поведения. Сейчас же отметим: приобретаемый опыт жертвы в социальных конфликтах ведет не только к рецидиву виктимности, но и к последующему преступному поведению. Не случайно в семьях несовершеннолетних, совершивших агрессивные преступления,

наблюдается высокая доля родителей, грубо относившихся к своим детям: около 80 % правонарушителей выросли в семьях, где им не уделялось должного внимания [38], в 39 - 46 % случаев в подобных семьях отмечались неоднократные агрессивные конфликты, сопровождавшиеся ссорами, оскорблениями, избиениями, применением телесных наказаний к подросткам [39].

За исключением физического вреда, связанного с нарушением телесной неприкосновенности и причинением повреждений здоровью и безопасности человека, в наиболее общем виде остальные перечисленные виды негативных воздействий преступления на жертву могут быть охарактеризованы как материальный и нематериальный вред, причиняемый жертве преступления.

По мнению С.В. Землюкова, "материальный преступный вред - это изменение общественных отношений, регулирующих материально-предметную деятельность людей в сфере производства, распределения, потребления материальных благ, состоящее в уничтожении, повреждении, утрате материальных благ (ценностей) либо связанное с производством и распределением запрещенных вещей, предметов, веществ.

Нематериальный преступный вред - это изменение общественных отношений в политической, правовой и духовной сферах общества, связанное с уничтожением, ущемлением, ограничением нематериальных благ (ценностей) либо с производством и распространением антиобщественных идей, взглядов, форм морали" [40].

Указанные обстоятельства, как правило, изучаются при криминологическом исследовании "цены" преступности и ее составляющих.

Вместе с тем вред, причиняемый жертве преступлением, не ограничивается только прямым и непосредственным ущербом, наступившим в результате первичной виктимизации. Не меньшее значение имеют и последствия вторичной виктимизации, связанные с отношением к жертве преступления лиц из ближайшего социального окружения, органов социального контроля, врачей, адвокатов правонарушителей и т.п. [41].

Предубежденность значительного числа работников системы уголовной юстиции в виновности жертвы, оскорбительные, а порой и унижительные процедуры, которым подвергается жертва после обращения ее в органы уголовной юстиции, несбалансированность прав жертвы и обвиняемого в уголовном процессе, некорректное поведение медицинских работников, журналистов, отчуждение близких и родственников, винящих жертву в происшедшем, - вот далеко не полный перечень стрессовых факторов, способствующих усилению дезадаптации жертвы, ухудшению ее морального состояния, ее деградации.

Подытоживая изложенное, отметим, что анализ науковедческих, статусных, поведенческих, нормативно-правовых оснований и характеристик определения потерпевших от преступлений дает основание утверждать, что жертвой преступления признается любое физическое лицо (социальная общность, организация), которому преступлением причинен физический, материальный или моральный ущерб.

1. См.: Красиков А.Н. Сущность и значение согласия потерпевшего в советском уголовном праве. - Саратов, 1976. - С. 40-42; Ривман Д.В. Виктимологические факторы и профилактика преступлений. - Л., 1975. - С. 8; Чечель Г.И. Жестокий способ совершения преступлений против личности. - С. 109-114.

2. См.: Baril M. La criminologie et la Justice a l'heure de la victime // *Revue Internationale de criminologie et de Police technique*. - 1981. - № 4. - P. 342. - Цит. по: Тюрин Д.П. Рассмотрение проблемы виктимологии по материалам исследований, проводимых в Канаде // *Научная информация по вопросам борьбы с преступностью*. - М., 1985. - № 86. - С. 60.

3. Бафия Е. Проблемы криминологии: диалектика криминогенной ситуации. - М.: Юрид. лит., 1983. - С. 106.

4. См.: Мойсюк О.М. Віктимологічна профілактика порушень безпеки дорожнього руху (ст. 215 КК України): Автореф. дис. : канд. юрид. наук. - К., 1999. - С. 7.

5. См.: Курс советской криминологии. - Т.1. - С. 174.; Остроумов С.С., Франк Л.В. О виктимологии и виктимности // *Сов. государство и право*. - 1976. - № 4. - С. 76; Дагель П.С. Потерпевший в советском уголовном праве. - Владивосток, 1974. - С. 20. Близка к указанной и позиция М.С. Строговича, включавшего юридических лиц в состав потерпевших от преступлений. См.: Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. - М., 1968. - Т. 1. - С. 256.

6. См.: Viano E. Stereotyping and prejudice: crime victims and the criminal justice system // *Scandinavian studies on crime and crime prevention*. - 1996. - Vol 5. - № 2. - P. 182.

7. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью. - Ст.ст. 1, 2. - С. 4.

8. О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Украины: Закон Украины от 20 ноября 1996 г. № 530/96 ВР.

9. См.: Гражданский кодекс Украины. - К.: Политиздат Украины, 1995. - Гл. 2, 3.

10. В настоящее время Австралийский институт криминологии и Межрегиональный институт социальной защиты провели международное исследование, касающееся основных характеристик виктимизации юридических лиц во всем мире. Проектом предусмотрено изучение виктимизации предпринимательства и в Украине в 2000 году.

11. См.: Михайленко А.Р. Расследование преступлений. Законность и обеспечение прав граждан. - К., 1999. - С. 121; Шаповалова Л. Підстави визнання юридичної особи потерпілим у кримінальному процесі // *Право України*. - 2000. - № 1. - С. 95-96.

12. См.: Кримінально-процесуальний кодекс України (проект за станом на 1999 рік). - К., 1999. - Ст. 51. - С. 20.

13. См.: Viano E. Stereotyping and prejudice: crime victims and the criminal justice system // *Scandinavian studies on crime and crime prevention*. - 1996. - Vol 5. - № 2. - P. 182.

14. См.: Курс советской криминологии. - Т. 1. - С. 172. См. также: Хохряков Г.Ф. Криминология: Учебник / Отв.ред. В.Н. Кудрявцев. - М.: Юристъ, 1999. - С. 390-391.

15. См.: Невалинний М. Определение понятия семьи и членов семьи потерпевшего // *Право Украины*. - 1996. - № 8. - С. 52-53.

16. David S. Riggs, Dean G. Kilpatrick Families and friends. Indirect victimization by crime // Victims of crime: problems, policies and programs. - London, Sage, 1990. - P. 126-135.

17. Использование термина "преступления без жертв" есть скорее дань излишней метафоричности понятийного аппарата некоторых учений постольку, поскольку, с точки зрения объективного научного знания, термин "преступления без жертв" несет такую же смысловую нагрузку, как и термин "безмотивные преступления": любое преступление, причиняя вред общественным отношениям, приводит к возникновению своей жертвы.

18. См., например: Чугунова И. Наркомания: одинокий вызов приговору // Elle. - 1997. - № 6 (февраль). - С. 84-90.

19. Кстати, процессуальное законодательство Польши, Венгрии и Югославии оговаривало, что к числу потерпевших от преступления относятся лица, законные блага которых были нарушены или поставлены под угрозу в результате совершения преступления. См.: Защита прав потерпевшего в уголовном процессе: (Сравнительное исследование). - М.: Наука, 1993. - 245 с.

20. См.: Землюков С.В. Преступный вред: теория, законодательство, практика: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. - М., 1993. - С. 20.

21. См.: Freize I.H., Hymer S., Greenberg M.S. Describing the crime victim: psychological reactions to victimization // Professional Psychology Research And Practice. - 1987. - № 18. - P. 222-315.

22. Криминология: Словарь-справочник. - С. 26.

23. См.: Riggs D., Kilpatrick D.G. Families and friends: Indirect victimization by crime // Victims of crime: problems, policies and programs. - 1990. - P. 124.

24. См.: Joutsen M. Topic III of the Tentative agenda of the Seventh United Nations Congress on the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders: Victims of crime - the needs of victims and priorities in victim policy // Course on United Nations criminal Justice Policy. - Helsinki, 1985. - № 6. - P. 151-152. - (HEUNI series).

25. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и жертв злоупотребления властью. - Ст. 18. - С. 6.

26. Таций В.Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. - Х.: Вища школа, 1988. - С. 58.

27. См.: Социология / Г.В. Осипов, Ю.П. Коваленко, Н.И. Щипанов, Р.Г. Яновский. - М.: Мысль, 1990. - С. 61.

28. Бафия Е. Проблемы криминологии: диалектика криминогенной ситуации. - М.: Юрид. лит., 1983. - С. 105.

29. Viano E. Victimology today: Major issues in research and public policy // Crime and its victims / Ed. E. Viano. - Washington, D.C., 1989; Viano E. Stereotyping and prejudice: crime victims and the criminal justice system // Scandinavian studies on crime and crime prevention. - 1996. - Vol. 5, № 2. - P. 183.

30. Землюков С.В. Преступный вред: теория, законодательство, практика: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. - М., 1993. - С. 16.

31. Там же. - С. 17.

32. См., например: Даньшин И.Н. О правовом понятии насилия // Тяжкие насильственные преступления против личности: уголовно-правовые и криминологические проблемы предупреждения: Сб. науч. трудов. - Минск, 1992. - С. 8; Назаров П.Н. К вопросу о насилии при грабеже и разбое // Труды Киевской ВШ МООП СССР. - К., 1968. - Вып. 1. - С. 92; Симонов В.И. Уголовно-правовая характеристика физического насилия: Дис. ... канд. юрид. наук. - Свердловск, 1972. - С. 93; Гаухман Л.Д. Насилие как средство совершения преступления. - М., 1974. - С. 75-91; Сабиров Р.Д. Уголовно-правовая борьба с насильственными групповыми посягательствами: Дис. ... канд. юрид. наук. - Свердловск, 1981. - С. 38-39. См. также работы М.И. Бажанова, Н.В. Кривошековой, В.В. Сташиса.

33. См.: Handbook on justice for victims. On the use and application of the United Nations Declaration of Basic Principles of Justice for Victims of Crime and Abuse of Power // Doc. E/CN.15/1997/CRP.11 / Rev. ed. - April 1998. - P. 5-6.

34. Diagnostic and statistic manual for mental disorders, Vol iV (DSM IV). - Washington, D.C.: The American psychiatric Association, 1994; Danieli Y. Preliminary reflections from a psychological perspective // The right to restitution, Compensation and Rehabilitation for victims of gross violations of Human rights and fundamental freedoms / Netherlands Institute of human rights, 1992. - Special issue № 12. - P. 196-213; Posttraumatic stress disorder: DSM IV and beyond / Eds.: J.R.T. Davidson, E.B. Foa. - Washington, 1993; Keane T.M., Wolfe J., Taylor K.I. Post-traumatic stress disorder: Evidence for diagnostic validity and methods of psychological assessment // Journal of clinical Psychology. - 1987. - Vol. 43. - P. 32-43.

35. Криминология: Словарь-справочник. - С. 27.

36. Сходные явления, кстати, наблюдаются и при анализе генезиса преступного поведения несовершеннолетних правонарушителей. См., например: Тузов А.П. Мотивация противоправного поведения несовершеннолетних. - К., 1982. - С. 163; Андгуладзе Т.Ш. Формирование установки антисоциального поведения у несовершеннолетних правонарушителей: Дис. ... канд. психол. наук. - Тбилиси, 1980. - С. 79, 93.

37. Лазарев В.В. Выявление закономерностей правомерного поведения // Сов. государство и право. - 1983. - № 11. - С. 25; НТР и социально-этические проблемы: Сб. науч. трудов. - М., 1977. - С. 171.

38. См.: Мансуров Н.С. Социальные и общественно-психологические причины отклоняющегося поведения подростков. - М., 1974. - С. 7. См. также работы В.Н. Дремина, В.М. Кормщикова, А.И. Миллера.

39. Кормщиков В.М. Изучение механизмов влияния неблагополучной семьи на формирование личности несовершеннолетнего - важное условие профилактики правонарушений // Личность правонарушителя и проблемы предупреждения преступности несовершеннолетних. - М., 1977. - С. 61; Печенюк А.М. Особенности перевоспитания трудных подростков с отклонениями в эмоционально-волевом развитии: Дис. ... канд. педагог. наук. - М., 1975. - С. 169. См. также работы Е.И. Голубевой, Г.Н. Дорониной, Л.М. Зюбина, Н.И. Мидлера, Г.М. Миньковского, В.Г. Соловьевой, Е.А. Хоршака и др.

40. Землюков С.В. Преступный вред: теория, законодательство, практика: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. - М., 1993. - С. 18.

41. См.: Криминология: Словарь-справочник. - С. 27-28.

ГЕНЕЗИС ОТКЛОНЯЮЩЕГОСЯ ПОВЕДЕНИЯ И КЛАССИФИКАЦИЯ ЖЕРТВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ Туляков В.А.

В 1986 году мы попытались с позиций системного анализа на материалах исследования агрессивных девиаций раскрыть особенности развития антиобщественной активности личности в онтогенезе (путем описания взаимодействия деструктивных-ситуативных и рациональных-предумышленных проступков). Было установлено, что это выражается в зависящем от ситуативных и личностных факторов становлении и развитии устойчивых типов антиобщественного поведения, дифференцируемых по характеру их мотиво- и целесообразности на:

- * импульсивные;
- * утилитарно-ситуативные;
- * установочные;
- * рациональные проступки.

В наиболее общем виде генезис агрессивных девиаций проявлялся как становление устойчивых типов агрессивного поведения, затем их дезорганизация в форме недостаточности для удовлетворения актуализируемых потребностей субъекта, которая выступает условием перехода к становлению иного, качественно отличного по мотивационному характеру и целевой направленности типа девиации.

Этапами генезиса, соответственно, были названы:

- * дезадаптивная маргинальная активность - совершение импульсивных девиаций, находящихся под потенциальным контролем сознания;
- * формирование готовности к агрессивному поведению, усвоение агрессивных норм и правил поведения среды обитания, дезадаптивное конфликтогенное поведение -утилитарно-ситуативная агрессивная активность как средство выхода из типичного повторяющегося межличностного конфликта;
- * безнаказанное совершение утилитарно-ситуативных проступков, активное утверждение ранее усвоенных и подкрепляемых насильственных обычаев и правил поведения в повседневной деятельности субъекта - формирование агрессивно-установочного варианта поведения;
- * преобразование установки на агрессию как самоцель жизнедеятельности личности в рациональное агрессивное поведение, отличающееся целесообразностью, независимостью от конфликтной ситуации и инструментальной направленностью.

При этом каждый вид агрессивных девиаций определялся соотношением степени деформации личности (глубины ее социально-психологической дезадаптации или степени десоциализации) и характеристикой наличного воздействия социальной среды (в форме фрустрационной, конфликтной или иной критической ситуации) [1].

Впоследствии в 1989 году на заседаниях Всесоюзной школы молодых ученых и специалистов, проводимых МВД СССР, ЦК ВЛКСМ и Академией МВД СССР в Минске, данная классификация была дополнена еще одним видом активности: ретретистским поведением ("уход в себя", суицидальная активность, алкоголизм, наркотизм), характеризующим особую степень дезадаптации личности, возникающую как результат вытеснения рациональности человеческой активности с целью поддержания гомеостаза

"личность-среда обитания". По Р.Мертону, одной из заслуг которого в развитии теории аномии явился подробный анализ реакций субъектов на фрустрационные ситуации, ретретизм "отличается отрицанием как целей, одобряемых обществом, так и институциональных средств их достижения" [2]. Таким образом, генезис девиантного поведения можно попытаться выразить в виде циклограммы:

Обозначения:

Связь детерминации

Связь порождения

Рис. 1. Развитие отклоняющегося поведения личности

Импульсивные девиации как форма реакции на крайне негативные раздражители внешней среды, по сути дела, имеют природные предпосылки. "С начала культурной эволюции у человека в противоположность агрессивным и защитным действиям развился интерес к неизвестному. Оценка неизвестного как угрожающего или интересного является продуктом архаических реакций конечного мозга: Если господствуют спонтанные страхи, то сигналы промежуточного мозга подчинят и вытеснят физиологически более слабые процессы конечного мозга. Поэтому сочувствие, терпимость, компромиссное поведение и другие положительные социальные приобретения могут быть не реализованы из-за чувства небезопасности, социального давления, страха и стрессов всех видов, возникающих во время угрозы" [3]. Отсюда потребность в личной безопасности, детерминируемая оборонительным рефлексом (бессознательный уровень психической активности), в критической, конфликтной ситуации (представляющей реальную или мнимую угрозу для субъекта) может реализовываться в экспрессивных девиантных действиях, практически не обдумываемых субъектом.

Впоследствии, при частоте повторяемости однотипных критических ситуаций, безнаказанности актов девиантного поведения, сопровождающихся усвоением субъектом диктуемых культурой его общности правил разрешения конфликта, индивид начинает использовать конкретные девиантные способы разрешения конфликта в конкретной жизненной ситуации.

Девиация становится утилитарной формой реакции индивида на конкретную жизненную ситуацию. Так, избалованные дети, пытаясь получить что-либо от своих родителей, ведут себя неадекватно (громкий плач, истерика, замещенная агрессия и пр.) в случаях, когда знают, что именно эта форма поведения вызвала требуемые реакции от реципиентов девиации.

Если вызванное дефектами социального общения отчуждение личности от положительных норм и принципов поведения влечет за собой переход к усвоению утилитарных нравов, рассматривающих девиацию как инструмент для разрешения критической ситуации, то интернализация указанных норм снижает избирательность и самоконтроль сознания в регуляции поведения личности.

При попадании в стандартные критические ситуации указанное лицо, не задумываясь, поступает в соответствии с правилами девиантного поведения его микросоциальной среды, рассматривающими девиацию как наиболее удобный, утилитарный способ разрешения конфликта.

При накоплении опыта использования отклоняющегося поведения как средства разрешения и/или нейтрализации конфликта любые ситуации межличностного взаимодействия могут оцениваться субъектом как стимулы к демонстрации собственного привычного девиантного поведения, выступающего средством самоутверждения себя самого. Тогда же утилитарное использование девиаций может вызвать и отрицательную реакцию сообщества, ведущую к дезадаптации субъекта и, при определенных условиях, к усилению девиантных тенденций.

"Даже ребенок, с которым никто не хочет играть, стремится вступить в общение со своими сверстниками через драку или поддразнивание их: Подростки, страстно желающие выглядеть не хуже других, избивают и заставляют унижаться тех, кто им кажется выше по престижу" [4].

Длительность, безнаказанность и частота повторяемости девиаций ведет к усвоению полезности девиантного поведения уже не в связи с необходимостью обороны или позитивного разрешения конкретного конфликта, а в связи со сформировавшейся у лица установкой на девиантные действия как самоцели собственной деятельности (психология хулигана, домашнего тирана, готовых "взорваться" по поводу любых внешне не значимых посягательств на их самость - вот типичные формы реализации установочных девиаций). Такая девиация приобретает "личностный смысл" (А.Н. Леонтьев).

При дальнейшем подкреплении девиантных тенденций в образе жизни индивида вполне возможным является формирование у лица отношения к девиантному поведению не только как к вынужденному способу разрешения конфликтной ситуации либо как к самоцели жизнедеятельности, но и как к инструменту для достижения любой цели.

Готовность субъекта к применению девиации в качестве инструмента удовлетворения любой потребности способствует завышенной самооценке личности, стремлению к лидерству в негативном смысле этого понятия.

С психологической стороны подобное поведение характеризуется наличием сознательного расчета в целевом использовании девиации, полным отрицанием социально-приемлемых способов разрешения поставленной задачи, удовлетворения определенной потребности.

Совокупность указанных качеств является субъективным стимулом осознанного отклоняющегося поведения и свидетельствует о достаточно сформировавшейся антисоциальной направленности личности, ищущей в девиации способ удовлетворения любого рода потребностей вне зависимости от желательности или нежелательности такого поведения для общества.

Рациональное девиантное поведение является высшим этапом генезиса девиаций, объединяя в себе как крайнюю осмысленность и бездуховность девиантных проступков, так и значительную степень десоциализации личности, ее практическую оторванность от социально-одобряемых связей и отношений. В общественной жизни подобные лица характеризуются крайним рационализмом, подсчитывая выгоду от своих поступков и действуя в соответствии с собственными правилами поведения "сильной" личности.

Вместе с тем рационализация человеческой активности имеет и свое продолжение. Используя свойство человеческой психики к вытеснению (З. Фрейд), рациональная личность, руководствуясь социокультурными установками общества, стремится к "снятию" аккумулируемых психических результатов рациональной активности. Возникает психологическая готовность к очищению, к подавлению собственных деструктивных тенденций их обращением на себя. Возникает ретретистская форма девиантной активности, реализующаяся в алкоголизации, наркотизме, суицидальных тенденциях и пр.

Так, теории психологии агрессии известен один из компонентов агрессии, носящий ретретистский характер: дефицитарная агрессия. "Дефицитарная агрессия характеризуется низким уровнем активности, снижением возможностей человека к творчеству, а также формированием астенических и депрессивных состояний, обсессивно-компульсивных расстройств, аутоагрессивных феноменов" [5].

Усиление ретретистских форм социальной активности, ведя к деградации психики и личности в целом, понижает пороги торможения, ломая устоявшиеся запреты и стереотипы, приводя, соответственно, к усилению импульсивности и иррациональности человеческих девиаций.

Круг замкнулся. Хотя, если точнее, в онтогенезе мы встречаемся не столько с циклом, сколько со спиралью: каждая новая форма девиаций, "порождая" следующую, служит отрицанием предыдущей и компонентом новой формы активности. "При этом наблюдается постоянное влияние высших форм на более простые, и в то же время происходит закрепление сложных форм саморегуляции в более простых, стереотипичных формах" [6].

Вместе с тем признание наличия генетических связей порождения между различными по своей мотивосообразности формами девиаций не может охарактеризовать достаточно полно все многообразие связей и взаимозависимостей между ними.

Так, в криминологическом плане определенное значение имеет выявление связей детерминации, когда девиации, имея общую психологическую природу, способствуют возникновению сходных себе проявлений на более высоких уровнях самоорганизации личности (и, кстати, наоборот). Указанное обстоятельство подробно было раскрыто в концепции иерархических установок (диспозиций) личности, получившей определенное распространение в современной криминологической литературе [7].

Так, детерминируемое бессознательным психическим импульсивное поведение связывается с социально приобретенным в результате стереотипизации девиантной активности установочным. Установочная девиация при длящейся деградации личности порождает ретретизм как сопутствующую форму мотивировки. Ретретизм, обеспечивая гомеостаз субъекта со средой, предполагает использование определенных видов девиаций для достижения поставленной цели (утилитарных проступков), которые, в свою очередь, способствуют рационализации человеческой активности. Рациональные девиации, многократно повторяясь и стереотипизируясь, ведут к увеличению импульсивности и т.д. Имея под собой общую основу (невозможность удовлетворения потребностей социально приемлемыми способами), указанные формы девиантности взаимодействуют и взаимопроникают друг в друга, способствуя антиобщественному развитию личности.

Естественно, что данная схема лишь в наиболее общем (и, нужно сказать, чересчур упрощенном) виде описывает особенности развития девиантной активности и, как любое теоретическое описание многообразия человеческой активности, является в определенном смысле усеченной и ущербной. Однако следует отметить, что указанные положения отразили общие тенденции стратификации криминальной активности в современной криминологической литературе.

Например, анализируя агрессивную преступность в Украине, О.М. Литвак выделяет инструментальные и импульсивные агрессивные преступления [8].

Соответственно, авторский коллектив под руководством А.И. Долговой, осуществляя структурный анализ преступности, определяет сегодня в общем ее массиве системно взаимосвязанные между собой:

- * преднамеренную (рациональную);
- * актуально-установочную (характеризующуюся мгновенным избранием лицом преступного варианта поведения в подходящей ситуации);
- * виктимно-ситуативную (характеризующуюся определенной виной преступника в попадании в провоцирующую ситуацию);
- * случайно-ситуативную (когда ситуация совершения преступления для лица была непредсказуемой) преступность [9].

Причем, как совершенно верно отмечает А.И. Долгова: "Основой взаимосвязи выделенных подструктур преступности является сама преступная деятельность в ее развитии. При определенных условиях один вид преступности порождает другой (другие) или влияет на них" [10].

Указанное утверждение можно, по-нашему мнению, применить и к описанию взаимосвязей преступного и виктимного поведения. Используя вышеприведенную схему генезиса девиантной активности и основываясь на тезисе о взаимосвязанности и взаимозависимости различного рода отклонений [11], рассмотрим генерализованный процесс взаимосвязи виктимных и преступных девиаций.

Таблица 1

Взаимосвязь виктимной активности и преступления

Преступление	Виктимная активность, отклоняющаяся от норм безопасности
Импульсивное	Установочная
Утилитарно-ситуативное	Рациональная
Установочное	Ретретистская
Рациональное	Импульсивная
Ретретистское	Утилитарно-ситуативная

Так, установочное стремление к подавлению другой стороны в конфликте чаще всего вызывает импульсивные криминальные реакции. Провоцирующее рациональное поведение жертвы-преступника корреспондирует с утилитарно ситуативными преступлениями как средством ликвидации зачинщика конфликта. Алкоголизирующаяся ретретистская активность жертвы служит классическим стимулом для установочных преступлений. Импульсивные страхи и подавленность - наилучший объект для рациональных преступников. Наконец, утилитарно-ситуативное навязывание моделей поведения, разрешения конкретного внутриличностного конфликта связано с ретретизмом как формой "ухода" в себя в "преступлениях без жертв". Указанные модели взаимодействий будут рассмотрены нами более подробно при анализе криминогенного значения виктимности.

Здесь же представляется возможным их использование при попытке классификации жертв преступлений. Естественно, мы понимаем, что классификация жертв по ведущей форме виктимной активности в криминальном конфликте не является оптимальной.

Значимые проявления личности в различных сферах жизнедеятельности еще не характеризуют личность как целостность. Рациональная жертва-provokator вполне может стать рецидивной жертвой в результате импульсивных реакций страха, вызванных агрессивным воздействием. Универсальным критерием таксономии жертв преступлений являются психологические свойства и качества личности. Однако в таком случае нам пришлось бы

выполнить работу Карла Линнея, классифицировав весь общественный организм в целом. К сожалению, отсутствие репрезентативных исследований психологии жертв преступлений существенным образом затрудняет эту работу.

В силу этого в зависимости от характеристики мотивации ведущей виктимной активности представляется возможным выделить следующие виды жертв преступлений:

1. Импульсивная жертва, характеризующаяся преобладающим бессознательным чувством страха, подавленностью реакций и рационального мышления на нападения правонарушителя (феномен Авеля).

2. Жертва с утилитарно-ситуативной активностью. Добровольные потерпевшие. Рецидивные, "застревающие" жертвы, в силу своей деятельности, статуса, неосмотрительности в ситуациях, требующих благоразумия, попадающие в криминальные ситуации.

3. Установочная жертва. Агрессивная жертва, "ходячая бомба", истероид, вызывающим поведением провоцирующий преступника на ответные действия.

4. Рациональная жертва. Жертва-provokator, сама создающая ситуацию совершения преступления и сама попадающая в эту ловушку

5. Жертва с ретретиристской активностью. Пассивный provokator, который своим внешним видом, образом жизни, повышенной тревожностью и доступностью подталкивает преступников к совершению правонарушений.

Развитие моделей поведения жертв в указанном направлении открывает, на наш взгляд, определенные перспективы исследований взаимодействия преступника и его жертвы и познания новых закономерностей виктимизации населения.

1. См.: Туляков В.А. Криминологические проблемы борьбы с социально-негативным поведением (на материалах изучения агрессивных антиобщественных проступков): Дис. : канд. юрид. наук. - К., 1986. - С. 6, 93-94.

2. Фокс В. Введение в криминологию. - М.: Прогресс, 1985. - С. 127.

3. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология: учебник для вузов. - М.: ЮНИТИ, 1999. - С. 271.

4. Скрипник А.П. Нравственные отклонения и пути их преодоления. - М.: Знание, 1986. - С. 56.

5. Антонян Ю.М. Психология убийства. - М.: Юрист, 1997. - С. 9.

6. Архангельский Л.М. Марксистская этика: (предмет, структура, основные направления). - М.: Мысль, 1985. - С. 79. См. также: Назаретян А.П. Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры (Синергетика исторического прогресса): Курс лекций. - М.: Наследие, 1996. - 184 с.

7. См., например, работы П.П. Голубева, А.Ф. Зелинского, Ю.Н. Кудрякова.

8. Литвак О.М. Злочинність, її причини та профілактика. - К.: Україна, 1977. - С. 54-57.

9. См., например: Криминология: Учебник / Под ред А.И. Долговой - М.: Инфра М - Норма, 1997. - С. 82-83.

10. Там же. - С. 85.

11. См.: Социальные отклонения. - М.: Юрид. лит., 1989. - С. 242.

СОЦИАЛЬНЫЕ ОБЩНОСТИ КАК ЖЕРТВЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Туляков В.А.

Проблема классификации жертв преступлений отнюдь не сводима только и исключительно к физическим лицам. Требуется особое внимание и разработка классификации жертв преступления применительно к юридическим лицам, другим формальным и неформальным социальным группам и коллективам [1]. В недалеком будущем, в связи с интернационализацией криминальной активности и ростом злоупотреблений властью со стороны государственных и межгосударственных формирований, потребуются и классификация социальных общностей как жертв транснациональных и международных преступлений.

В теории социологии принято, что социальная общность представляет собой "совокупность людей, которую характеризуют условия их жизнедеятельности (экономическое, социально-статусное, уровень профессиональной подготовки и образования, интересы и потребности и т.д.), общие для данной группы взаимодействующих индивидов (нации, классы, социально-профессиональные группы, трудовые коллективы и т.п.); принадлежность к исторически сложившимся территориальным образованиям (город, деревня, регион), принадлежность изучаемой группы взаимодействующих индивидов к тем или иным социальным институтам (семья, образование, наука, политика, религия и т.д.)" [2].

Нетрудно заметить, что распределение общностей по условиям жизнедеятельности, групповому единству, территориям, социальным институтам имеет определенное значение для описания феноменологии виктимности и особенностей виктимизации отдельных групп.

Виктимность семьи, институциональной организации, общественного образования (религиозные группы, группы совместного проведения досуга, общественные организации), территориальной общности, нации, координирующих действия своих членов посредством социокультурных предписаний, - вот далеко не полный перечень вопросов, подлежащих разрешению в будущем. Особый интерес в связи с этим вызывает проблема конфликта социальных ролей, исполняемых индивидом в различных социальных общностях как фактора, повышающего виктимность. Однако это тема для отдельного исследования.

Психология современного общества во многом утилитарна, определяясь элементами общей культуры, диктуемой средствами массовой информации (а точнее, их владельцами) [3]. В ряду сидящих перед голубыми ящиками реципиентов одинаковых новостей, шоу-программ и вечеров классического балета в некоторой мере стираются классовые и культурные различия, образуется масса. Масса, легко управляемая и контролируемая.

Г.И. Шнайдер в своих работах, посвященных криминогенному влиянию средств массовой информации, показал возможности использования СМИ в манипуляции общественным сознанием и формировании уголовной политики [4]. И несмотря на отсутствие реальных репрезентативных доказательств абсолютной криминогенности (антикриминогенности) воздействия СМИ на формирование личности преступника и механизм преступного поведения,

культивируемая в прессе истерия в вопросах борьбы с преступностью не может не сказаться на общественном сознании, во многом определяя состояние криминофобии, боязни преступности как чего-то неизвестного и чуждого, содействуя тем самым виктимизации граждан и социальных общностей в целом.

"Человеку страшнее всего прикосновение неизвестного. Он должен видеть, что его коснулось, знать или, по крайней мере, представлять, что это такое. Он везде старается избегать чужого прикосновения. Ночью или вообще в темноте испуг от внезапного прикосновения перерастает в панику. И одежда не дает безопасности: она легко рвется, сквозь нее легко проникнуть к голой и гладкой незащитной плоти.

Все барьеры, которые люди вокруг себя возводят, порождены именно страхом прикосновения. Они запираются в домах, куда никто больше не может войти, и только там чувствуют себя в относительной безопасности. Боязнь грабителей проистекает не только из-за беспокойства за имущество, это ужас перед рукой, внезапно хватающей из темноты. Его повсюду и всегда символизирует рука, превращенная в когтистую лапу" [5].

Исследования психологии масс, проведенные в XX веке, подтверждают, что обезличивание, паралич инициативы, инстинктивные страхи, алогичность и аномия, скептицизм, пессимизм, апатия, сомнения, к сожалению, являются постоянным спутником современного массового сознания [6].

Так, видный российский политик Ирина Хакамада в одном из интервью журналистам радио "Свобода" следующим образом охарактеризовала социально-психологическую обстановку в современной России: ":полное равнодушие, страшное раздражение всеми этими перетрясками, стратегия на выживание независимо от того, что там происходит, неверие и может быть, надежда, что хотя бы себя приведут в порядок и не будут мешать. Чуда никто не ждет" [7].

В этих условиях формирование "образа врага" и виктимизация определенных социальных групп являются естественным регулятором общественных настроений, которым, кстати, успешно пользуются и некоторые политики. Ненависть к мигрантам, кавказофобия, антисемитизм, виктимизирующие определенные социальные группы, -обычное явление для современных славянских государств [8].

Представляется, что классификация социальных общностей, изучение системных связей между характеристиками общественного мнения, общественного настроения [9] и виктимизацией определенных социальных групп позволит глубже понять механизм формирования и криминогенность виктимности.

1. См.: Франк Л.В. Виктимология и виктимность. - Душанбе, 1982. - С. 49.
2. Социология / Г.В. Осипов, Ю.П. Коваленко, Н.И. Щипанов, Р.Г. Яновский. - М.: Мысль, 1990. - С. 60.
3. Так, Виктор Пелевин в своем романе "Generation П" прозорливо указал на роль СМИ в формировании общественного мнения и управлении коллективным разумом современного социума. См.: Пелевин В. "Generation П" - М.: Вагриус, 1999. - 302 с.
4. См.: Schneider H.J. Crime in the mass media // Eurocriminology. - Warszawa, 1989. - Vol. 2. - P. 6-8.

5. Канетти Э. Масса и власть. - М., 1997. - Цит по: Психология масс. Хрестоматия. - Самара: Бахрах, 1998. - С. 315.

6. См.: Психология масс. Хрестоматия. - Самара: Бахрах, 1998. - 592 с.

7. Жуковский Я. Ирина Хакамада любит побеждать // Киевские новости. -1999. - 22 июня (№ 31). - С. 6.

8. См.: Нетерпимость в России: старые и новые фобии / Под. ред. Г. Витковской, А. Малащенко. - М.: Внешторгиздат, 1999. - 195 с.

9. См. об этом: Горшков М.К. Общественное мнение: История и современность. -М.: Политиздат, 1988. - 384 с.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВИКТИМНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ВИКТИМОЛОГИИ Туляков В.А.

Формулировка основных понятий учения о жертве преступления предполагает как минимум два подхода.

Первый, сциентистский, - основан на формально-логическом анализе существующих воззрений и определений иных авторов; выборе наиболее подходящего определения, соответствующего ориентациям и гипотезам самого исследователя; на его анализе, совершенствовании и дополнении ("привнесении чего-то нового"), который завершается предложением собственной системы.

Второй, нормативно-содержательный, - предполагает вычленение "главного", универсального понятия системы научных знаний, его анализ и использование в качестве базиса построения научной теории, ее аксиом и закономерностей.

Нетрудно заметить, что и первый и второй подходы отнюдь не противоречат друг другу: новое научное знание обязательно строится на фундаменте предыдущих исследований, но не обязательно должно представлять компилятивно-аналитическое исследование[1].

Современный научный аппарат виктимологии, встречающиеся операциональные или теоретические определения некоторых виктимологических понятий страдают определенными недостатками. Они, как правило, вызваны динамичностью развития и молодостью самой науки. Сказанное отчетливо проявляется при анализе центрального системообразующего понятия современной виктимологии - понятия виктимности.

Так, известный польский криминолог Брунон Холыст в свое время в качестве основного конститутивного понятия теории криминальной виктимологии предложил использовать понятие виктимогенного потенциала, включающего в себя:

- а) состояние индивидуальной и групповой виктимизации в конкретный исторический момент;
- б) процесс виктимизации;
- в) виктимологическую стимуляцию;
- г) функциональный механизм соотношения: "жертва-виновник преступления".

По мнению Б. Холыста, виктимогенный потенциал представляет собой "такую систему свойств индивида, группы или организации, которая создает опасность совершения преступных действий... Виктимогенный потенциал или виктимологическая дисфункция является видом внутренней неадекватности элементов культурного стандарта - как в статическом, так и в динамическом состоянии"[2].

Нетрудно заметить, что понятие виктимогенного потенциала во многом совпадает с характеристиками криминогенности того или иного явления. Между тем система виктимологических понятий является отличной от понятий криминологии в силу того, что жертва преступления есть самостоятельный феномен, не сводимый только и исключительно к элементу и характеристике криминогенного комплекса.

По нашему мнению, центральным элементом в системе понятий криминальной виктимологии должна быть виктимность.

Несмотря на то, что криминальная виктимология естественно представляет из себя учение о жертве преступления, основным элементом ее предмета является виктимность.

Как писал Л.В. Франк, виктимология - это "...межотраслевая, научная, практическая и учебная дисциплина, изучающая виктимность во всех ее проявлениях в целях совершенствования борьбы с преступностью"[3].

И это очевидно, поскольку анализ виктимности и ее составляющих позволяет глубже понять феномен жертвы, разработать необходимые и социально обоснованные меры по виктимологической профилактике правонарушений.

"Виктимность является специальным предметом в целях выяснения основного вопроса виктимологии, в силу каких причин и при наличии каких условий некоторые лица становятся жертвами преступлений, в то время как других эта опасность минует"[4].

В работах отечественных виктимологов виктимность в наиболее обобщенном виде характеризуется как системное универсальное свойство организованной материи становиться жертвой преступления в определенных конкретно исторических условиях[5].

Подвергаясь логико-семантическому, сущностному анализу, виктимность может рассматриваться как:

- * определенное функционально зависимое от преступности явление;
- * образ действий определенного лица [6];
- * индивидуальная (описывающая потенциальную возможность лица стать или становиться жертвой преступления);
- * видовая (характеризующая жертв определенных групп преступлений);
- * групповая (определяющаяся ролевыми, социальными, демографическими, биофизическими качествами и характеристиками жертв преступлений);
- * массовая (как наличие реальной или потенциальной возможности для определенной социальной группы становиться жертвой преступлений или злоупотребления властью);
- * характерологическая и поведенческая особенность жертвы преступления [7].

Некоторые ученые выделяют два конститутивных типа виктимности:

- * личностную (как объективно существующее у человека качество, выражающееся в субъективной способности некоторых индивидуумов в силу образовавшихся у них совокупности

психологических свойств становится жертвами определенного вида преступлений в условиях, когда имела реальная и очевидная для обыденного сознания возможность избежать этого);

* ролевую (как объективно существующую в данных условиях жизнедеятельности характеристику некоторых социальных ролей, выражающуюся в опасности для лиц, их исполняющих, независимо от своих личностных качеств подвергнуться определенному виду преступных посягательств лишь в силу исполнения такой роли)[8].

Замечаемый "разнобой, существующий в понимании виктимности, и отсюда нечеткость предлагаемых разными авторами определений, - по мнению авторов "Курса советской криминологии", - не позволяют на данном уровне знаний дать общее и четкое определение понятия виктимность"[9].

Перефразируя известное сравнение Р. Йеринга, можно сказать, что основанному на презумпции универсальности и неистребимости вреда определению виктимности не достает чеканки и в нынешнем виде оно скорее кусок металла, чем монета.

Вместе с тем данный недостаток легко снимается при попытке определения криминальной виктимности через социально-отклоняющуюся активность субъекта [10], через совокупность отклонений от безопасного поведения, от безопасного образа, стиля жизни, ведущую к повышенной уязвимости, доступности, привлекательности такого субъекта для правонарушителя.

Методологически концептуальный анализ любого понятия предполагает:

- а) анатомирование;
- б) реконструкцию;
- в) конструирование понятий.

Профессор Джованни Сартори считает, что в анатомирование входит вычленение составляющих элементов данного понятия, т.е. его характеристик, свойств.

Под реконструкцией подразумевается перестановка и расположение этих элементов в упорядоченном и логически стройном виде.

И, наконец, конструирование понятий включает в себя выбор определения или определений на четких и ясных основаниях[11].

Было бы естественным в связи с этим попытаться проанализировать общетеоретическое содержание основного понятия виктимологии - виктимности.

Изучение криминальными виктимологами свойств субъекта, объекта, среды и тех звеньев, которые оприходуют их криминальное взаимодействие, приводит к выводу, что понятие виктимности следует рассматривать как свойство отклоняющейся от норм безопасности активности личности, что ведет к повышенной уязвимости, доступности и привлекательности жертвы социально опасного проявления. Указанное соционормативное понимание виктимности зиждется на определении безопасного поведения, на презюмировании существования "виктимологической" нормы.

Вот здесь-то мы и сталкиваемся с той широко известной гносеологической трудностью, которую крайне сложно преодолеть: определить, что такое норма безопасного поведения?

Учитывая, что в современной системотехнике норма воспринимается не как статическое образование, набор стандартов, а как динамический процесс, определяющий

оптимальность функционирования системы в согласовании со средой[12], логически правильно было бы определить состояние социальной безопасности и свойственные ему нормативные регуляторы и через них - охарактеризовать виктимные отклонения от подобного рода норм.

Безопасность как состояние либо качество защищенности от реальных либо потенциальных угроз, страха, неуверенности, депривации и иных лишений[13] играет важную роль в современной концепции миропонимания.

Гарантии безопасности - естественная потребность каждого человека, да и общества в целом[14]. Усиление эффективности Хельсинского процесса в упрочнении безопасности в Европе и мире в общечеловеческом, политическом, военном, экономическом смыслах подчеркивалось многими участниками Лиссабонского 1996 года саммита стран членов ОБСЕ, посвященного разработке модели общей и всеобъемлющей безопасности для Европы XXI века[15]. Концептуальные основы системы национальной безопасности созданы и в Украине[16].

В силу этого рассмотрение проблем общих характеристик, объектов, факторов и угроз безопасности является основной проблемой создания современной системы обеспечения безопасности любого объекта: будь то личность, организация либо государство, общество в целом[17].

История познания нормы социального (в том числе и безопасного) поведения чревата многочисленными перипетиями. С традиционной, легалистской точки зрения ее и как таковой вовсе не существует, - есть история развития общества, которая и детерминирует понятие нормы и отклонения от нее в конкретном политико-правовом континууме.

"Бытие социальных норм - метасистемное. Это означает, что они существуют одновременно в разных системных состояниях и проявлениях. Иначе говоря, социальные нормы суть структуры общественных отношений, остающиеся тождественными (инвариантными) в различных системах - реальных, концептуальных, бихевиоральных и т.д. В статистическом аспекте эти образующие коренное качество социальных норм структуры выступают как статистические системы-процессы", - писал, анализируя функциональную природу социальных норм, один из виднейших советских философов В.Д. Плахов[18].

Процесс познания социальных норм и отклонений как проявлений социальной формы описан многими учеными. В работах В.Я. Афанасьева, Я.И. Гилинского, В.Н. Кудрявцева, П. Сорокина, А.М. Яковлева и других выдающихся специалистов мы сталкиваемся с анализом девиаций, попытками охарактеризовать их сущность и значение, с построением системно-логических оснований социологии отклоняющегося поведения как специальной социологической теории. Нет нужды останавливаться на описании всего разнообразия подходов к понятию девиации: здесь мы рискуем отойти от главного, -девиация трактуется как отступление от нормы, норма же предполагается нам понятием данным и достаточно устоявшимся в конкретном обществе, социальной группе.

Критикуя эту позицию, Нейл Смелзер отмечал: "Девиация с трудом поддается определению, что связано с многообразием социальных ожиданий, которые часто представляются спорными. Эти ожидания могут быть неясными, меняющимися со временем, кроме того, на основе разных культур могут формироваться разные социальные ожидания. С учетом этих проблем социологи определяют девиацию как поведение, которое считается отклонением от норм группы и влечет за собой изоляцию, лечение, исправление или другое наказание"[19].

Применительно же к нормам-регуляторам мы наблюдаем со стороны ученых приверженность классической социологической позиции, которая, основываясь на релятивизме ценностно-нормативной структуры общества, предполагает множественность ее нарушений.

Однако это обстоятельство, наряду с неоднородностью и неравнозначностью различных по силе и императивности действия социальных норм, накладывает определенные ограничения на операциональное применение подобного толкования девиации. Ведь в данном контексте, если мы попытаемся формально довести до логического конца категориальное описание нормы и патологии, обнаружим, что критерии индивидуальной нормы и патологии зависят не от общества, а от индивида, самостоятельно определяющего, что ему полезно, а что вредно ("всяк молодец на свой образец").

Попытки познания норм безопасного поведения в обыденном смысле как среднестатистических, устоявшихся правил и принципов социальной активности, которые выражаются в абсолютной приспособленности и адаптированности к окружающей среде, также не дадут ожидаемого результата. В таком контексте лишь нравственная ненормальность лиц, прячущих себя в "башне из слоновой кости", будет являться нормой.

М.Е. Салтыков-Щедрин по этому поводу заметил когда-то: "Неправильно полагают те, кои думают, что лишь те пискари могут считаться достойными гражданами, кои, обезумев от страха, сидят в норах и дрожат. Нет, это не граждане, а по меньшей мере бесполезные пискари. Никому от них ни тепло, ни холодно, никому ни чести, ни бесчестия, ни славы, ни бесславия... живут, даром место занимают да корм едят"[20].

Основной реакцией на подобные подходы к пониманию нормы в социальных науках стало появление в работах обществоведов ссылок на общечеловеческие принципы и понятия. Так, например, в одной из работ Д.А. Ли, характеризуя конвенциональность девиантного поведения, указывал, что "любое действие человека не может быть рассмотрено с заранее заданных позиций, оно, на наш взгляд, по сути своей нейтрально, направлено в первую очередь на самосохранение человека как личности. И только затем, в результате рассмотрения конкретного действия с позиций формального права, мы оцениваем его как преступление или как действие, не подлежащее юрисдикции действующего уголовного права, со всеми вытекающими последствиями"[21].

И это естественно, поскольку подобный подход диктуется самой логикой развития научного познания. "Если негативные критерии указывают (и то весьма приблизительно) границу между обширными областями нормы и патологии, если статистические и адаптационные критерии определяют нормальность как похожесть на других и соответствие требованиям окружающих, если культурный релятивизм все сводит к микросоциальным установкам... , то данный подход пытается выделить то позитивное... , что несет в себе нормальная личность", - писал выдающийся отечественный психолог Б.С. Братусь[22].

Интерес к проблеме общечеловеческих ценностей как основных регуляторов социальной активности в наши дни вполне закономерен. Люди устали от неизвестности, от агрессивной внешней среды, политики и политиканства, от страха за свою жизнь и благосостояние, от явно или скрыто проявляемых и, нужно сказать, идеологически обоснованных тенденций к агрессивной глобализации и монополизму.

Антигуманизм и жестокость любой бюрократической системы, принижая значимость личности, способствуют дегуманизации общественного сознания, формированию агрессивных стереотипов поведения, снижению значимости человеческой личности как самоценности.

Сегодня уже нет нужды говорить о повышенной криминогенности такой политики [23]. Достаточно указать хотя бы на факты распространенности в школах Запада массового насилия среди подростков, с детства воспитывавшихся в обстановке превозношения эгоцентризма и допустимости применения насилия для достижения любых целей.

Так, 1 декабря 1997 года в г. Вест-Падукан, США, 13-летний подросток, открыв стрельбу в школе, убил троих и ранил семь человек; 24 марта 1998 года в г. Джонсборо, США, два мальчика 9 и 11 лет расстреляли пятерых соучеников; 29 апреля 1999 года в г. Литлтон двое учеников застрелили 12 школьников и учителя в школе "Коламбайн", после чего покончили жизнь самоубийством; 20 мая 1999 года в Джорджии, США, 15-летний подросток ранил шестерых учеников; 1 ноября 1999 года в Германии подросток, открыв стрельбу из своего окна, убил двоих и ранил шестерых прохожих, после чего застрелил свою сестру и покончил с собой; 6 декабря 1999 года 13-летний подросток, открыв стрельбу в школе ранил четверых учеников и учителя; 6 декабря 1999 года в г. Вигель, Нидерланды, 15-летний мальчик ранил из пистолета четырех учеников[24]. И этот ежегодный мартиролог можно продолжать до бесконечности.

"Физиологам стоило бы хорошенько задуматься, прежде чем объявлять инстинкт самосохранения основным инстинктом, присущим органическому существу. Ведь живому организму прежде всего хочется "выпустить" свою силу, - сама жизнь есть воля к власти, а самосохранение - лишь одно из косвенных и наиболее частых последствий этого...", - писал Ф. Ницше[25].

В противовес подобной идеологии основные мировые религии, переходя от ортодоксальной вражды к мировоззренческому консенсусу и реализуя детерминированную развитием цивилизации тенденцию снижения жесткости нормативных санкций, во главу угла ставят человека как самоценность.

Так, Будда в Бенаресской проповеди повествовал о четырех благородных истинах, изменивших мировоззрение значительной части населения земного шара: "Всякое существование есть страдание. Мир полон страдания. В нем существуют болезни и смерти, разлука с теми, кто нам дорог, душевные муки. Страдание имеет причину, которая заложена в самом человеке. Ум человека жаждет наслаждений, славы, власти, богатства. Не имея чего-то, он страдает, завидуя тому, кто владеет большим. Получив, все равно не может успокоиться, поскольку не хочет довольствоваться тем, что имеет, и всегда хочет большего. Страдание можно прекратить, для чего нужно освободиться от привязанности к жизни. Освободиться от привязанности к жизни не значит умереть. Смысл в том, чтобы радоваться тому, что имеешь, не зависеть от этого обладания, не быть к нему привязанным и отпускать с миром то, что уходит... Существует путь, ведущий к избавлению от страданий. Это благородный срединный восьмеричный путь, состоящий из праведного воззрения, праведного стремления, праведной речи, праведного поведения, праведной жизни, праведного учения, праведной медитации, праведного созерцания"[26].

Указанные принципы праведной жизни, повторяясь в том или ином воплощении в большинстве мировых религий, указывают путь нейтрализации бессознательного стремления людей к самоуничтожению, к агрессии и насилию. Нет нужды говорить о том, что развитие цивилизации, культуры, формирование гармоничных социальных отношений волей-неволей способствует нейтрализации деструктивных социальных тенденций.

"Интенсивность кар (и наград), - отмечал П. Сорокин, - тем более велика каждый исторический момент, чем более примитивно данное общество и чем больше антагонистической разнородности в психике и поведении его членов. И обратно, чем более культурно данное

общество и чем более однородна психика и поведение его членов - тем менее жестоки кары и менее интенсивны награды"[27].

Христос в Нагорной проповеди учил: "Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены Сынами Божиими"[28]. Православные идеи синергии и исихии как состояний единения человеческой культуры и духовно свободной личности с канонами Веры встречают все большее число своих поклонников и последователей.

"Свобода в человеке и есть образ Божий. Христианство не ограничивает свободу, но освобождает человека от детерминизма падшего мира", - писал один из теоретиков аскетики православия протоиерей И. Мейендорф[29].

В этой связи все большее внимание привлекает к себе современная концепция ненасилия, исходящая из того, что в человеческой природе изначально заложены не только агрессивность и иные деструктивные тенденции, но и такие рациональные качества, как самосохранение, солидарность, нравственный долг, рациональная гармония и совершенствование.

"Поэтому рациональность человека, - писали М.-А. Робер и Ф. Тильман, - заключается не только в мыслительном акте, неподвластном законам восприятия, сколько в самой перцептивной реорганизации, связанной с опытом. Разумный человек, решая проблему, расширяет полк решений, рассматривает все большее число возможных последствий своих действий и их вероятности и яснее осознает свои потребности, стоящие перед ним социальные требования и ценности, которые он выбирает"[30].

Соответственно, основанное на законе самосохранения нормальное безопасное поведение личности связано с тем, что "человека инстинктивно влечет к жизни и благу, он боится смерти, избегает всего, что может быть вредно, старается сохранить уже приобретенные блага и всеми доступными ему способами стремится к приобретению все большего и большего блага. Этот закон побуждает человека беречь свою особу, заботиться о ней и обставлять ее наилучшими условиями существования"[31], ограничивая деструктивные проявления страстей человеческих (чревоугодия, блуда, сребролюбия, печали, гнева, уныния, тщеславия, гордости)[32].

"Вести к снижению числа и исчезновению умышленных убийств могут, вероятно, лишь процессы, ведущие к такому изменению отношений между людьми, при которых жизнь индивидуального лица, в какой бы форме и условиях она ни была реализована, является самооценностью, выражающейся в отношении ее безусловного принятия", - писал Е.Г. Самовичев[33].

По сути дела, безопасное поведение связано с сохранением и поддержанием родовой человеческой сущности в противовес дегуманизированным и деструктивным энтропийным тенденциям. "Человечество обречено вечным и безграничным возможностям злой воли (произвола) противопоставлять добрую волю, то есть волю, согласованную с законами природы. Иного способа достижения безопасности не существует", - писал, рассматривая проблемы криминологической безопасности, А.Н. Костенко[34]. По нашему мнению, такая родовая человеческая сущность, выражается в творческом характере жизнедеятельности, способностях к самоотдаче и любви, являясь нормой безопасного поведения.

Понимая "отрыв от родовой сущности" отклонением от нормального поведения, можно согласиться с Б.С. Братусем. По его мнению, смысловыми условиями и критериями аномального развития (и, наверное, в значительной мере отклоняющегося поведения) следует считать: "отношение к человеку как к средству, как к конечной, заранее определяемой вещи (центральное системообразующее отношение); эгоцентризм и неспособность к самоотдаче и любви; причинно

обусловленный, подчиняющийся внешним обстоятельствам характер жизнедеятельности; отсутствие или слабую выраженность потребности в позитивной свободе; неспособность к свободному волепроявлению, самопроектированию своего будущего; неверие в свои возможности; отсутствие или крайне слабую внутреннюю ответственность перед собой и другими, прошлыми и будущими поколениями; отсутствие стремления к обретению сквозного общего смысла своей жизни"[35].

В этой связи виктимность как способность субъекта становиться жертвой социально-опасного проявления и выступает в ее общетеоретическом понимании как явление социальное (статусные характеристики ролевых жертв и поведенческие отклонения от норм безопасности), психическое (патологическая виктимность, страх перед преступностью и иными аномалиями) и моральное (интериоризация виктимогенных норм, правил поведения виктимной и преступной субкультуры, самоопределение себя как жертвы).

Виктимность, как и любой иной вид девиаций, определяется соотношением демографических и социально-ролевых факторов, ориентирующих индивида (социальную группу) на удовлетворение определенных потребностей безопасного поведения с заданными обществом возможностями их удовлетворения, равно как и иными общими политическими, социальными и экономическими условиями жизнедеятельности общества.

Индивидуальная виктимность как отклонение от норм безопасного поведения, от процесса самосохранения человека (общности) детерминруется также антагонизмом между уровнями признания (социальный аспект), возможностей (психический аспект) и притязаний (моральный аспект).

Конечно, нельзя не признать определенной логической ущербности данного определения: моральное всегда социально. Однако если в первом случае мы говорим об объективно существующих поступках людей, то область моральных отклонений - гораздо более широкое поле исследования, обладающее своими определенными и специфическими закономерностями развития.

Таким образом, теоретически весьма привлекательной выглядит высказанная В.П. Коноваловым идея о том, что понятие виктимности как свойства отклоняющейся от норм безопасности активности личности, приводящего к повышенной уязвимости, доступности и привлекательности жертвы социально опасного проявления, зиждется на определении безопасного поведения, на определении "виктимологической" нормы.

Понятие виктимности относится к сфере сущности. Применение соционормативного подхода к определению виктимности приводит к тому, что в нем фиксируются не какие-то случайные, поверхностные черты виктимного поведения, а черты существенные, закономерные; черты, особенно характерные для различных видов активности членов той или иной социальной общности.

Провоцирующее поведение хулигана, мазохистские тенденции сексуального перверта, виктимные перцепции и страхи правопослушного населения, ритуальная виктимность социальной общности - есть ни что иное, как отклонения от общечеловеческой системы ценностей, признающей безопасность и свободное развитие личности основным условием формирования нормального общества.

Вместе с тем, определяя виктимность как проявление девиантной активности, нельзя, на наш взгляд, обойтись без характеристики субъективной стороны процесса нарушения социальной нормы, т.к. именно интериоризация виктимогенных норм и ценностей, объявление "нарушения права своим правом" (Гегель), самостигматизация себя как потенциальной жертвы во

многим определяют дальнейшую социальную оценку и виктимогенный потенциал самой виктимности организованной материи. "Жертва несет свою долю вины за то, что с ней произошло, происходит или произойдет", - писал П.С. Таранов[36].

В этом плане следует осторожно относиться к попыткам ограничения понимания поведения только его внешней, объективированной стороной. Например, М.Ф. Орзих в одной из своих ранних работ разграничивал поведение, под которым понималось только внешнее проявление активности личности, и деятельность, охватывающую, по его мнению, как внешне проявляемую активность, так и внутреннее состояние, внутреннюю сторону поведения личности. С учетом разработок отечественных и зарубежных специалистов в области психологии и социологии отклоняющегося поведения, такой отрыв поведенческих актов от их внутренней, этиологической основы не может быть признан полностью правомерным[37].

"Интернализация, присвоение социальных норм в качестве регулятивной системы поведения определяется статусом личности в данном обществе, возможностью личности достигать цели, в том числе и престижные цели, удовлетворять свои насущные и престижные потребности социально адаптированными способами. И если общество создает возможность для эффективной жизнедеятельности на легитимной основе - это общество обладает чертами нормального здоровья. Если же общество не создает условий для законопослушного достижения своих целей, своих устремлений, не обеспечивает возможности личностной самореализации на социальной основе, возникает всем известное со времен Эмиля Дюркгейма явление аномии, т.е. выход личности из-под социального контроля. Личность пускается в "автономное плавание", она начинает искать свои способы самореализации и достижения своих целей, удовлетворения своих насущных потребностей и становится перед дилеммой выполнять или не выполнять закон. Если выполнение закона сопряжено с депризацией потребностей, то личность переступает грань закона, потому что, как правило, не закон определяет поведение, а поведение людей определяет закон".[38]

Указанная цитата из работы российских криминологов, подтверждая распространение дюркгеймовской идеологии по отношению к преступности как функции общества, лишний раз указывает и на основную закономерность виктимности: отклонение от нормы безопасности (поведенческое, социально-психологическое, культурное) напрямую зависит от противоречия между заданными обществом возможностями и культурно-детерминируемыми потребностями личности.

Степень интернализации виктимогенных норм и правил человеческой активности может быть различной и зависит как от личностных качеств субъекта, так и от всего состояния ценностно-нормативной структуры общества и его отдельных социальных групп, являющихся референтными для конкретного индивида.

Так, примером чрезмерной интериоризации виктимогенных норм и ценностей может служить поведение групп "искателей приключений".

"Необходимость природного насилия предусмотрена нашей генетической программой, - писал В. Леви, - и мы испытываем в нем потребность, хотя и не осознаем ее. Нам нужны напряжение и борьба"[39]. Сегодня, когда блага цивилизации сводят на нет возможность самореализации в агрессивных охотничьих, военных действиях, некоторые категории населения находят возможность для себя выработки дополнительного адреналина и получения катарсиса в различных по степени индивидуальной опасности девиациях.

Психологически это чувство прекрасно описал А.С. Пушкин:

"...Есть упоение в бою,

И бездны мрачной на краю,

И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы.
Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья -
Бессмертья, может быть, залог,
И счастлив тот, кто средь волненья
Их обретать и ведать мог"[40].

При всей кажущейся социальной нейтральности подобных действий и стиля жизни ("пусть их бесятся") они не только обладают повышенным деликтогенным потенциалом, но и, возможно, способствуют снижению порога защитных сил человеческого организма. Виктимность как природно-психическое явление, по-видимому, наделена определенной энергетикой тонких полей, изучение которых - дело рук будущего. Можно с осторожностью предположить, что у каждого человека существует установленный природой (Творцом) уровень защитных сил, бездумная растрата которого может повлечь необратимые последствия. "То, что я знаю, скорее всего, не существует, ибо знание мое всегда ограничено и в неизвестной мне степени ложно. То, чего я не знаю, существует наверняка, в бесконечной степени существует. Это доказывает история и наука, доказывает вся жизнь"[41].

Тонкий психолог и великолепный писатель Андрей Битов очень зорко подметил эту закономерность истощения "защитных полей" у искателей приключений:

"Вообще смерть людей, рискующих жизнью, столь часто нелепа и случайна, что это не может не навести на мысль. Именно они, избегающие смерти профессионально благодаря мастерству и таланту (чувству жизни в скобках), подвержены нелепым заболеваниям и кирпичам с балконов. То ли потому, что естественно человеку, только что рисковавшему жизнью, расслабиться, когда ему ничто уже ни грозит, то ли потому, что они истратили уже много раз всю безопасность, которая отпущена господом на одну жизнь, но они в большинстве своем все-таки гибнут, а не умирают, причем гибнут всегда не от того.

Евгений Абалаков, человек, первым взошедший на пик Победы, тонет в Москве в собственной ванне.

Джон Гленн врезается в гуся.

Гагарин гибнет в легком учебном полете.

Гонщики попадают на улице под машины.

Они тонут и гибнут на обыденных тренировках и в отпусках, на собственных машинах и от таинственных гриппозных осложнений. Они гибнут от пропущенной ими гибели, от гибели, которую они избежали"[42].

Укажем сразу же: виктимогенность подобного обыденного риска отнюдь не связана с героизмом, с подвигом. Подвиг, жертвенность во имя людей - это высшая степень воплощения самоорганизации, всей концепции нормативного безопасного поведения. "Человек, который ни секунды не раздумывая бросается спасать утопающего, на первый взгляд не отдает себе отчета в своих действиях. Однако дело обстоит наоборот. Человек поступает так именно вследствие высокоразвитого уровня самоконтроля, самосознания. Всем ходом предшествующей жизни и

воспитания у него был выработан такой образ мыслей и стиль поведения, который исключает размышления, когда человек попадает в беду. Единственно приемлемой для него формой реакции является оказание помощи, причем это становится настолько привычным, что превращается в психический навык, реализующийся в дальнейшем автоматически, бессознательно", - писал об особенностях самоуправяемого сознательного нормативного поведения Л.П. Гримак[43].

Приведем еще одну цитату:

"Поступок - форма воплощения человека. Он непрехотлив на вид и исключительно труден в исполнении. Подвиг требует условий, подразумевает награду. Восхищение, признание, хотя бы даже посмертные, для него обязательны. Поступок существует вне этого. И подвиг я могу понять лишь как частный вид поступка, способный служить всеобщим примером", - отмечал А. Битов[44].

В приведенных высказываниях отчетливо прослеживается свойство изменчивости виктимных девиаций, их прогрессивная новаторская функция. Вместе с тем на практике мы чаще встречаемся с негативно оцениваемыми отклонениями поведения жертвы от норм и правил безопасности, зачастую закономерно служащими катализатором преступной активности.

Гений и злодейство, преступность и виктимность - две стороны одной медали, теснейшим образом связанные и переплетенные друг с другом.

Поэт, драматург Юрий Арабов в своей книге "Механика судеб и механика замысла", анализируя закономерности развития человеческого поведения на основании изучения биографий исторических личностей, прозорливо указывает по этому поводу: "Последовательное движение по пути зла награждает человека потерей воздаяния. Это очень страшно. Но как только у человека, вступившего на эту стезю, возникают какие-то пробоины человечности, - все, наказание настигает тут же"[45].

Выше мы характеризовали виктимность как отклонение от норм безопасного поведения, реализующееся в совокупности социальных, психических и моральных проявлений. Упор на поведенческую характеристику виктимности уже встречался в отечественной криминологии. Так, Г.В. Антонов-Романовский и А.А. Лютов еще в начале 80-х годов предприняли попытку определить виктимность поведения через описание социальной ситуации, в которой лицо своими действиями подвергает себя опасности стать жертвой преступления.

"Причем виктимными являются только те действия, которые отличаются от обычного поведения большинства жертв преступлений в сходных ситуациях. Эта необычность действия повышает вероятность совершения преступления именно в отношении лиц, допускающих виктимные поступки"[46].

С нашей точки зрения подобный, социологический, нормативистский подход к описанию виктимности заслуживает одобрения. Вместе с тем избрание классификационного основания "обычное-необычное" не может не вызвать возражений в силу нечеткости определения "необычность" и конвенциональности нормативной структуры в различных социальных группах.

Однако именно комплексное, системное определение феномена криминальной виктимности как социального, психического и морального отклонения от норм безопасного поведения, обуславливающего потенциальную или реальную способность субъекта становиться жертвой преступления, снимает отраженную многими авторами противоречивость любой односторонней концепции виктимности: от описания поведенческой, биопсихической предрасположенности к формированию виктимного потенциала до ее полного отсутствия.

Прав, по нашему мнению Д.В. Ривман, указывавший: "Лицо может обладать определенным сочетанием социальных и психологических качеств, которые в известной мере могут предопределить негативное (в иных случаях позитивное) и в то же время опасное для него поведение, т.е. приблизить его к роли потерпевшего, поставить в положение элемента ситуации, толчковым или иным образом содействующего совершению преступления"[47].

Дополнение анализа преступности и иных форм негативного отклоняющегося поведения вероятностно-детерминистическим анализом различных проявлений виктимности как формы отклоняющейся от норм безопасности активности снимает смысловые противоречия понимания хаотичности взаимодействия преступников и их жертв на индивидуальном уровне в совокупности с закономерными, автономными и неисчерпаемыми тенденциями взаимосвязи, взаимопроникновения и развития на уровне социальном.

"Главная гносеологическая сущность принципа дополнительности состоит в том, что любое суждение, сколь строго оно не было бы доказано, в своей сущности содержит альтернативу, и чем категоричнее суждение, тем глубже альтернатива. Это источник самой глубинной, самой важной неопределенности"[48].

Предлагаемый системный подход к анализу виктимности через существующую ценностно-нормативную структуру общества, с учетом специфики проявления отклонений в деятельностно-практической, интеллектуально-волевой и информационной сферах, позволяет определить как статические отклонения, приводящие к фатальной предрасположенности становиться жертвой преступления, так и динамические характеристики девиаций, описывающие вариативность виктимности населения в конкретно-исторических условиях.

Вместе с тем у данной точки зрения имеются и противники. Так, Марк Ансель, предполагая, что соционормативный подход не сумеет избежать присущего позитивизму сползания к бихевиористским схемам социального контроля, отмечал: "Речь идет о потенциальных жертвах-рецидивистах и даже о врожденных жертвах. Было бы досадно, если бы виктимология замкнулась на серии стереотипов, в той или иной мере копирующих стереотипы делинквентов. Будет еще более досадно, если виктимология попытается строить свое изучение жертвы так, как это имело место в отношении изучения делинквентов, т.е. вокруг понятия ответственности, или даже сконструировать "виктимную личность" по аналогии с преступной личностью"[49].

Человеческое поведение, являющееся реальным измерителем личностных свойств и качеств как разнообразно, так и достаточно типизировано. "Такое положение является результатом действия двух тенденций. Первую тенденцию можно назвать центробежной. Она проявляется в разнообразии поведения, его вариативности... На упорядочение разнородных вариантов поведения направлена противоположная (центростремительная) тенденция к унификации поведения, его типизации, выработке общепринятых схем и стандартов поведения. Эта вторая тенденция выражается в том, что всякое общество, заботясь о своей целостности и единстве, вырабатывает систему социальных кодов (программ) поведения, предписываемых его членам", - отмечал этнограф А.К. Байбурин[50].

Подчеркнем в связи с этим, что вариативность и изменчивость поведения человека предполагает все-таки существование определенного типа ролевых жертв, притягивающих как магнит удары судьбы, болезни и прочие беды.

В Америке герои самых странных смертей становятся обладателями премии Дарвина как лица, изъязвившие свой вклад из генофонда человечества самым нелепым образом.

Так, Я. Ойлиг в 1996 году пытался покончить жизнь самоубийством путем самосожжения. Когда он поджег себя, то испугался и прыгнул в водоем, чтобы потушить огонь. Но он забыл, что не умеет плавать, и утонул...

Два западногерманских автомобилиста погибли в результате "лобового" столкновения. Был сильный туман, и оба медленно ехали, высунув головы в окно. Смерть наступила в результате столкновения лбами[51].

Сиднейца Джона Малнеса признают самым невезучим в Австралии человеком, которого дважды кусали гадюки, трижды сбивали машины, четырежды мотоциклы и т.п.

По мнению английского криминолога Колина Уилсона, "прирожденная жертва" есть личность, страдающая от дефицита жизненных сил, в большинстве случаев уверенная, что ее неудачи вызваны ее фатумом, запрограммированностью, ничуть не пытаясь их изменить. Такая личность предпочитает жить в мире собственных фантазий и прячется от трудностей реального мира. Столкновение же с ними порой ведет к фатальному результату[52].

Бывают, правда, и обратные примеры повышенного энергетического противодействия личности внешним виктимизирующим факторам.

Например, американец Рамперт 5 раз пытался покончить жизнь самоубийством. Но... пистолет дал осечку, попытка отравиться газом кончилась неудачей - газ отключили; съеденное снотворное вызвало только рвоту; поезд остановился, не доехав нескольких метров до Рамперта, лежавшего на рельсах; попытка утопиться закончилась спасением рыбаками. С тех пор Рамперт больше не пытается оборвать жизнь самостоятельно[53].

Колин Уилсон описывает историю англичанина Дж. Ли, осужденного в 1885 году за убийство к повешению, которого пытались казнить трижды, и трижды виселица, которую палачи неоднократно проверяли, ломалась. Ли провел 22 года в тюрьме и, выйдя на свободу, умер в 1933 году. В своих заметках он написал: "Это была рука Господа, не позволившего закону забрать мою жизнь..."[54].

Нет нужды упоминать и о существовании неисправимых ролевых правонарушителей[55], анализ деятельности и личностных характеристик которых позволяет все-таки говорить о существовании определенных социальных типов девиантов, обладающих особыми личностными свойствами и характеристиками, особой энергетикой.

Подводя итоги сказанному, отметим, что одно лишь поведение в процессе совершения преступления не может служить классификационным критерием определения видов и характеристик виктимности. Личность человека - сложное образование, не сводимое исключительно к единовременным проявлениям социальной активности. В основе подобных классификаций должна лежать деятельность личности, ее социальные роли, психический и энергетический потенциал.

1. Паниотто В.И. Качество социологической информации (методы оценки и процедуры ее обеспечения). - К.: Наук. думка, 1986.

2. Холыст Б. Факторы, формирующие виктимность // Вопросы борьбы с преступностью. - М., 1984. - Вып. 41. - С. 73-74.

3. Франк Л.В. Виктимология и виктимность. - Душанбе, 1972. - С. 112.

4. Курс советской криминологии. - М., 1985 - Т. 1. - С. 177.
5. См.: Ривман Д.В. Виктимологические факторы и профилактика преступлений. - Л., 1975. - С. 14.
6. См.: Франк Л.В. Виктимология и виктимность. - Душанбе, 1972. - С. 20, 29.
7. См.: Полубинский В.И. Правовые основы учения о жертве преступления. - Горький, 1979. - С. 34-36.
8. Коновалов В.П. Виктимность и ее профилактика // Виктимологические проблемы борьбы с преступностью. - Иркутск, 1992. - С. 25-26.
9. Курс советской криминологии. - Т. 1. - С. 179.
10. "Активность - это всеобщее атрибутивное свойство материи, выражающее собой ее способность к взаимодействию и самодвижению" (Сабитов Р.А. Посткриминальное поведение (понятие, регулирование, последствия). - Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1985. - С. 11).
11. Sartori J. The method: guidelines for concept analysis // Social science concepts - Beverly Hills etc., 1984. - P. 9-88.
12. См., например: Балабанова Л.М. Судебная психология (вопросы определения нормы и отклонения). - Донецк: Сталкер, 1998. - С. 344.
13. См.: Webster's new collegiate dictionary / Merriam Webster, G. & C. Merriam company, Springfield, Mass., 1980. - P. 1037.
14. См.: Безопасность и здоровье нации в аспекте преступности. - М.: Криминологическая ассоциация, 1996. - 192 с.
15. См.: Писанская В. Безопасность одна на всех // Голос Украины. - 1996. - 30 нояб. (№ 225). - С. 1, 10.
16. См.: О концепции (основах государственной политики) национальной безопасности: Постановление Верховной Рады Украины от 16 января 1997 г. № 3/97/ВР. См., например, также: Постановления Кабинета Министров Украины "О создании Национального Совета по вопросам безопасной жизнедеятельности населения" от 15 сентября 1993 г. № 733, "Об утверждении нового состава Национального Совета по вопросам безопасной жизнедеятельности населения" от 20 июля 1996 г. № 820, "О национальной программе улучшения состояния безопасности, гигиены труда и производственной среды на 1996-2000 годы" от 2 ноября 1996 г. № 1345 и "О концепции создания и деятельности Европейского центра техногенной безопасности (TESEC)" от 17 ноября 1996 г. № 1259.
17. См.: Украинцев В. Угрозы не так уж страшны, если их знать в лицо: система взглядов на обеспечение безопасности коммерческих структур // Телохранитель. - 1995. - № 1. - С. 58-61; Джатиев В.С. О некоторых аспектах обеспечения национальной безопасности // Криминологическая ситуация и безопасность в обществе: Материалы Первого Международного Причерноморского социально-девиантологического симпозиума. - Кишинев, 1995. - Т. 1. - С. 82-87.

18. Плахов В.Д. Социальные нормы. Философские основания общей теории. - М.: Мысль, 1985. - С. 250.
19. Смейлзер Н. Социология: Пер. с англ. - М.: Феникс, 1994. - С. 239.
20. Салтыков-Щедрин М.Е. Господа Головлевы. Сказки. - М.: Худож. лит., 1984. - С. 305.
21. Ли Д.А. Уголовно-статистический учет: структурно-функциональные закономерности. - М., 1998. - С. 19.
22. Братусь Б.С. Аномалии личности. - М.: Мысль, 1988. - С. 14.
23. См.: Преступления, совершаемые с особой жестокостью (научный обзор результатов исследования) / Кол. авт. под рук. А.П. Закалюка. - К., 1989. - С. 19; Самовичев Е.Г. Причины умышленных убийств и проблемы исполнения наказаний за их совершение: Автореф. дис. : д-ра юрид. наук. - М., 1991. - С. 43-44; Туляков В.А. Криминологические аспекты агрессивной преступности молодежи // Радянське право. - 1989. - № 12. - С. 10.
24. См.: Дети стреляют не только в Америке // Коммерсантъ-Власть. - 1999. - 14 дек. (№ 49). - С. 39.
25. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Вопр. философии. - 1989. - № 5. - С. 130.
26. Алексеев А. Принц и нищий // Домовой. - 1997. - № 5. - С. 49.
27. Питирим Сорокин. Наказание и кара. Подвиг и награда. - С.Пб.: Изд-во Я.Г. Долбышева, 1914. - С. 424.
28. От Матфея. 5:9 // Новый Завет и Псалтирь. - Нэшвилл: Гидеоновы братья, 1996. - С. 134.
29. Мейендорф И. Духовное и культурное возрождение XIV века и судьбы Восточной Европы // Синергия. Проблемы аскетики и мистики Православия: Науч. сб. - М.: Ди-Дик, 1995. - С. 21.
30. Робер М.-А., Тильман Ф. Психология индивида и группы // - М.: Прогресс, 1988. - С. 102.
31. Балу А. Учение о христианском непротавлении злу насилием. - М., 1908. - С. 109. - Цит. по: Иванов В.М. Христианство и ненасилие // Принципы ненасилия. - М.: Прогресс, 1991. - С. 47.
32. См.: Хорунжий С.С. Аналитический словарь исихастской антропологии // Синергия. Проблемы аскетики и мистики Православия: Науч. сб. - М.: Ди-Дик, 1995. - С. 55-56.
33. Самовичев Е.Г. Причины умышленных убийств и проблемы исполнения наказаний за их совершение: Автореф. дис. : д-ра юрид. наук. - М., 1991. - С. 44.

34. Костенко О.М. Проблеми кримінологічної безпеки // Правова держава. - 1999. - Вип. 10. - С. 337.
35. Братусь Б.С. Аномалии личности. - М.: Мысль, 1988. - С. 51.
36. Таранов П.С. Методы 100 %-ной победы. - Симферополь: Реноме, 1997. - С. 86.
37. См.: Орзих М.Ф. Право и личность. Вопросы теории правового воздействия на личность социалистического общества. - К.; Одесса: Вища шк., 1978. - С. 130.
38. Эминов В.Е., Еникеев М.И., Кочетков О.Л. Психолого-криминологические аспекты здоровья нации и общественной безопасности // Безопасность и здоровье нации в аспекте преступности. - М., 1996. - С. 33.
39. Леви В. Везет же людям... (Психология здоровья). - М.: Физкультура и спорт, 1988. - С. 26.
40. Пушкин А.С. Пир во время чумы // Полн. собр. соч. - М.: Наука, 1964. - Т. 5. - С. 419.
41. Леви В. Указ. соч. - С. 204.
42. Битов А. Книга путешествий. - М.: Известия, 1986. - С. 177-178.
43. Гримак Л.П. Резервы человеческой психики. Введение в психологию активности. - М.: Политиздат, 1987. - С. 267.
44. Битов А. Указ. соч. - С. 116.
45. Арабов Ю. Механика судеб и механика замысла - М., 1996. - Цит. по: Кладо Е. Юрий Арабов: Лучше стать проституткой, чем Глобой: Открыты законы судьбы // Собеседник. - 1997. - № 9. - С. 20.
46. Антонов-Романовский Г.В., Лютов А.А. Виктимность и нравственность // Вопр. борьбы с преступностью. - М., 1980. - Вып. 33. - С. 40.
47. Ривман Д.В. К вопросу о социально-психологической типологии потерпевших от преступления // Виктимологические проблемы борьбы с преступностью: Сб. науч. трудов. - Иркутск, 1981. - С. 6.
48. Дружинин В.В., Конторов Д.С., Конторов М.Д. Введение в теорию конфликта. - М.: Радио и связь, 1989. - С. 109.
49. Ancel M. Le probleme de la victime dans le droit penal positif et la politique criminelle modern // Revue Internationale de criminologie et de Police technique. - 1981. - № 4. - Р. 342. - Цит. по: Тюрин Д.П. Рассмотрение проблемы виктимологии по материалам исследований, проводимых в Канаде // Научная информация по вопросам борьбы с преступностью. - М., 1985. - № 86. - С. 60. См. также: Налетов И.З. Причинность и теория познания. - М.: Мысль, 1975. - С. 48, 121.

50. Байбурин А.К. Некоторые вопросы этнографического изучения поведения // Этнические стереотипы поведения. - Л.: Наука, 1985. - С. 7.

51. Даже перед смертью судьба может посмеяться над Вами // Комсомольская правда. -1999. - 17 июля. - С. 11.

52. См.: Colin Wilson. The Mammoth book of true crime. - London, 1988. - P. 608.

53. Даже перед смертью судьба может посмеяться над Вами. - С. 11.

54. Colin Wilson. Op. cit. - P. 191-192.

55. См., например: Багрий-Шахматов Л.В. Уголовная ответственность и наказание. - Минск: Вышэйш. шк., 1976; Антонян Ю.М. Психология убийства -М.,1998. - С. 241-259.

ВИДЫ И ПРОЯВЛЕНИЯ ВИКТИМНОСТИ

Туляков В.А.

Виктимность как отклонение от норм безопасного поведения реализуется в совокупности социальных (статусные характеристики ролевых жертв и поведенческие отклонения от норм индивидуальной и социальной безопасности), психических (патологическая виктимность, страх перед преступностью и иными аномалиями) и моральных (интериоризация виктимогенных норм, правил поведения виктимной и преступной субкультуры, виктимные внутриличностные конфликты) проявлений.

Используя это определение, мы можем попытаться рассмотреть виктимность как отклонение на поведенческом уровне, девиацию на уровне психологии личности и социальной общности и, наконец, как отклонение определенных социокультурных характеристик индивидуального и группового сознания.

Нетрудно заметить определенную аналогию в описании и анализе видов и форм проявления преступности и виктимности. Так, известно, что в мировой криминологии, в зависимости от идеологических установок, уровня и задач исследования [1], преступность рассматривается не только как социальное явление, общественный институт, выполняющий в обществе и мире определенные функции (crime), - социальный уровень обобщения, но и как элемент функционирования общины и определенных социальных общностей - социально-психологический уровень анализа и оценки (crime in the media), и как проблема понимания индивидуального отбора преступников и их моральных установок в сравнении с правопослушными гражданами - морально-психологический уровень (criminality).

Нередко эти уровни анализа пересекаются, переплетаются; закономерности, выявленные для одних форм проявления, редуцируются на другие. Однако это вполне объяснимо.

С одной стороны, руководствуясь как марксовым, так и позитивистским подходом, мы привыкли анализировать массовые социальные явления только через проявления индивидуальной активности, нередко впадая в "грех" переноса индивидуальных качеств и свойств поведения личности на масштабные социальные процессы. Однако в теории системотехники прекрасно известно, что "коллективный разум формируется и развивается по иным законам, чем индивидуальный, из-за количественного (информативности) и качественного (физической природы) различия языка связи... " [2].

С другой стороны, отрицание психологических составляющих в криминологических исследованиях порой вело к вульгарному социологизму и упрощенчеству при криминологическом моделировании.

Указанное обстоятельство объясняется как молодостью криминологической науки, так и непрекращающимся процессом познания новых закономерностей взаимодействия преступности и общества, происходящим сквозь призму междисциплинарного, синергетического подхода. Иного пути попросту нет.

"Междисциплинарный синтез,- как верно заметил В.В. Агеев, справедливо указавший на сходные проблемы, возникающие в социальной психологии при анализе больших социальных групп, - блестяще доказавший свою плодотворность в естественных науках, возможен только на основе осознания принципиальной предметной и методической специфики, и означает он как раз нечто прямо противоположное междисциплинарной размытости и аморфности" [3].

Рассмотрение виктимности как формы отклонения от норм и правил безопасного поведения предполагает, во-первых, возможность классификации форм виктимной активности в зависимости от интенсивности такого отклонения.

Впервые такую попытку предпринял Д.В. Ривман, указавший, что существует нулевой уровень виктимности, нормальная, средняя и потенциальная виктимность всех членов общества, обусловленная существованием в обществе преступности. Индивид не приобретает виктимность, он просто не может быть не виктимным [4].

Не возражая в принципе против выделения потенциальной виктимности общности в целом, детерминированной генетическими связями виктимности и преступности на уровне социального целого, отметим, что на индивидуальном уровне особый интерес представляет рассмотрение тесноты связи виктимности и преступного поведения как классификационного критерия виктимной активности.

Указанное обстоятельство подтверждается ролью и значением анализа виктимности при оценке характеристик механизма преступного поведения. Выше мы уже упоминали о значении связи детерминации между преступлением и виктимной активностью, когда носящее предметный характер преступление объективно предвращает процесс виктимизации жертвы либо сопутствует ему. Сама жертва, соответственно, осознает свой специфический социально-правовой статус, возникший как в связи и по поводу совершения в отношении нее преступления, так и в связи со своей специфической активностью, предвращающей процесс совершения преступления.

В этой связи выдающийся японский виктимолог Коити Миядзава выделял как общую виктимность, зависящую от социальных, ролевых и гендерных характеристик жертвы, так и специальную, реализующуюся в установках, свойствах и атрибуциях личности. Причем, по утверждению К. Миядзавы, при наложении этих двух типов друг на друга виктимность увеличивается [5].

Представляется, что по степени связи с преступным поведением виктимность может проявляться в двух основных формах:

- а) эвентуальная (от латинского "эвентус" - случай) виктимность;
- б) децидивная (от латинского "децидо" - решение) виктимность. [6]

Предлагаемая классификация форм виктимности основана на известном положении о том, что социальная активность (в том числе отклонения от безопасных форм поведения) может "побуждаться разными обстоятельствами. Она может быть причинно обусловленной, т.е. вытекающей из сложившихся условий, которые являются непосредственно причинно-порождающими для данной деятельности. Она может расцениваться как причинно-сообразная, т.е. сообразующаяся с кругом породивших ее условий-причин, но уже не прямо и непосредственно вытекающая из них. Она может быть целесообразной, т.е. в качестве главной ее характеристики, согласованной, с заранее поставленными целями. Наконец, она может быть целеобусловленной, т.е. по преимуществу определяемой, производной от цели. Понятно, что в первых двух случаях (причиннообусловленности и причинносообразности) источник деятельности локализуется в прошлом, в уже сложившейся ситуации; в двух остальных случаях (целесообразности и целеобусловленности) - в будущем, в том, что предстоит" [7].

Эвентуальная виктимность (виктимность в потенции), означающая возможность при случае, при известных обстоятельствах, при определенной ситуации стать жертвой преступления, и включает в себя причинно обусловленные и причинно сообразные девиации. Естественно, что характеристики эвентуальной виктимности в основном определяются частотой виктимизации определенных слоев и групп населения и закономерностями, присущими такой виктимизации.

Например, Г.И. Чечель, пытаясь представить всеобъемлющую классификацию жертв преступлений в зависимости от деятельностного критерия - степени выраженности антиобщественного поведения потерпевших, на самом деле определил закономерности распределения виктимизации потерпевших.

Согласно данным вышеуказанного исследования, невиновная (идеальная) социально активная жертва была выявлена в 8,7 % изученных случаев, невиновная (пассивная) жертва - в 10,9 %; жертва с неодобряемым поведением - в 4,3 %; жертва с неосмотрительным поведением - в 12 %; жертва с аморальным поведением - в 15,2 % случаев; жертва с провоцирующим поведением - в 17,4 % случаев; жертва с преступным поведением - в 31,5 % случаев изученных преступлений, связанных с причинением тяжких последствий личности [8].

Децидивная виктимность (виктимность в действии), охватывающая стадии подготовки и принятия виктимогенного решения, да и саму виктимную активность, соответственно, включает в себя целесообразные и целеобусловленные девиации, служащие катализатором преступления [9].

Так, по мнению психологов, люди, сознательно или бессознательно избирающие социальную роль жертвы (установка на беспомощность, нежелание изменять собственное положение без вмешательства извне, низкая самооценка, запуганность, повышенная готовность к обучению виктимному поведению, усвоению виктимных стереотипов со стороны общества и общины), постоянно вовлекаются в различные криминогенные кризисные ситуации с подсознательной целью получить как можно больше сочувствия, поддержки со стороны, оправданности ролевой позиции жертвы [10].

Например, согласно результатам исследований Дж. Сутула, приведенным в работе Б.Л. Гульмана, классический портрет жертвы изнасилования включает черты фатализма, робости, скромности, отсутствие чувства безопасности, выраженную податливость внушению [11].

Трусость и податливость могут сочетаться с повышенной агрессивностью и конфликтностью жертв-психопатов, истероидов, избирающих позицию "обиженного" с целью постоянной готовности к взрыву негативных эмоций и получению удовлетворения от обращения негативной реакции общества на них, усилению ролевых свойств жертвы.

Рассматривая виктимность как психическую и социально-психологическую девиацию (патологическая виктимность, страх перед преступностью и иными аномалиями), следует отметить особую роль страха перед преступностью как основной ее формы проявления на индивидуальном и групповом уровне.

Обычно мы определяем страх как эмоцию, возникающую в ситуациях угрозы биологическому или социальному существованию индивида и направленную на источник действительной или воображаемой опасности [12].

Один из выдающихся психологов Фриц Риман, рассматривая с точки зрения теории синергетики страхи как форму реализации противоречия между человеческими стремлениями к устойчивости, определенности бытия и индивидуальными потребностями в переменах, утверждает, что в основном страхи, являясь органичными составляющими нашей жизни как биологических и социальных существ, напрямую связаны с "соматическим, душевным и социальным развитием, с овладением новыми функциями при вступлении в общество или содружество. Страх всегда сопровождает каждый новый шаг по пересечению границ привычного, требующий от нас решимости перейти от изведанного к новому и неизвестному" [13].

Страх естественно присущ нашему бытию и является его неизбежной принадлежностью, служа условием приобретения опыта социального взаимодействия. Будучи также отражением коллективного и личного опыта, страх с помощью механизмов социализации, социально-психологического заражения, внушения, подражания и конформизма [14] возникает всякий раз, когда мы оказываемся в трудной ситуации.

Страх может быть выраженным как в форме специфической боязни определенных ситуаций или объектов (страх перед незнакомцем, насильником, темнотой), так и в форме генерализованного и расплывчатого состояния, определяемого воздействием коллективного опыта виктимизации (боязнь преступности вообще), коллективного поведения (массовая паника, страх перед терроризмом), воздействия средств массовой информации (страх перед эрзац-преступностью: "маньяками, мафией и наркоманами").

Страх напрямую связан с нашими психическими установками, самочувствием, системой ценностей и опытом социального общения. По Ф. Риману, основными формами страха являются:

- * страх перед самоотвержением, переживаемый как утрата "Я" и зависимость;
  - * страх перед самостановлением (стагнацией "Я"), переживаемый как незащитность и изоляция;
  - * страх перед изменением, переживаемый как изменчивость и неуверенность;
  - * страх перед необходимостью, переживаемый как окончательность и несвобода
- [15].

Как правило, люди в состоянии достаточно легко преодолевать те или иные страхи, за исключением ситуаций кумуляции определенных страхов с детства, подпитываемых личным опытом виктимизации, рикошетным заражением от знакомых, соседей и близких и некритическим восприятием средств массовой информации. В таких случаях естественной реакцией субъекта на страх перед любым объектом может быть паника, невроз, реактивное состояние психики.

Криминогенное значение подобных реакций достаточно велико и будет рассмотрено несколько позже. Здесь же отметим, что страх перед преступностью, в отличие от элементарных правил предосторожности, как правило, иррационален и проявляется во всех выделенных Ф. Риманом формах, приводя к истерическим паническим реакциям, застревающим ступорным состояниям, депрессивному "молчанию ягнят", агрессивно-шизоидным фобиям.

С виктимологической точки зрения определенный интерес представляет рассмотрение также и уровней страха перед преступностью (от нормы к патологии). Здесь, думается, мы можем выделить:

1. Общее состояние страха перед преступностью. Практически это связанный с опытом социализации и с социально-психологическим состоянием общества в целом сигнал, предупреждающий о приближающейся угрозе и мотивирующий определенные и естественные защитные реакции. В норме они выражаются в ситуативной профилактике возможных криминогенных ситуаций, в принятии защитных мер безопасности личности, имущества, семьи. Патологический страх перед преступностью выражается в панике, навязчивых фобиях стать жертвой, в восприятии любого окружения как социально опасного, в неадекватных агрессивных реакциях. Формирование массовых патологических реакций достаточно важно для политической элиты, поскольку именно оно обуславливает принятие любых законопроектов, ограничивающих права и свободы граждан в угоду общественной безопасности, отводит глаза народа от реального состояния дел, позволяет манипулировать общественным сознанием [16].

2. Культурные состояния страха перед преступностью могут определяться как рикошетной виктимизацией близких, членов референтных групп и связанными с этим стрессами и невротическими состояниями (синдром виктимной субкультуры), так и вызванной нарушением прав человека политикой угнетения определенной расы, нации, народности (боязнь злоупотребления властью, отверженность, синдром париев). В наиболее острых формах могут проявляться в беспомощности и подавленности и связанных с ними депрессивных состояниях: уход от социальных контактов, печаль, раздражительность, страдания, ослабление интересов и способностей, аморфность поведения, алкоголизация, наркотизм, неадекватные реакции, суицидальная активность.

3. Детерминированные опытом виктимизации личностные виктимные фобии. В норме выражаются в накопленном негативном опыте общения с правонарушителем, рациональном поиске выхода из нее и определенных опасениях попадания в сходные криминогенные ситуации. Патологическое развитие влечет за собой неврозы, психотические состояния, дифункциональность реакций при попадании в ситуацию, хотя бы мельком напоминающую ситуацию виктимизации, опасения вновь и вновь стать беспомощной жертвой, параноидальный бред преследования.

4. Острые состояния страха в критической ситуации. В зависимости от состояния психики, темперамента и иных личностных качеств, опыта разрешения конфликтных ситуаций могут варьироваться от попыток поиска рационального выхода из конфликта до героических поступков и патологической трусости.

Как видим, страхи наши достаточно многообразны, как и виды реакций на них. Однако именно преодоление страхов, рациональное осмысление своего пути, места человека в этом мире дает возможность его дальнейшего развития и самосовершенствования. Обратная же дорога, кумуляция страхов, ведет к стагнации, снижению адаптивных черт и качеств личности и ухудшению криминогенной обстановки.

К числу психических девиаций виктимного характера нами были отнесены и определенные расстройства психической деятельности, затрудняющие социальную адаптацию и в определенных случаях носящие патологический характер (мазохизм, садизм, эксгибиционизм, патологический эротизм-нимфомания). Не останавливаясь подробно на анализе указанных форм виктимных девиаций, рассматривающихся обычно в работах по психоанализу и психиатрии [17], отметим, что садистско-мазохистские комплексы порой находят свое выраженное проявление в среде жертв преступлений, могущих, с определенной долей допущения, быть отнесенными к рецидивным жертвам.

Так, Колин Уилсон [18] описывает случай, когда банковский клерк из Штутгарта Марлен Пантстух на протяжении нескольких лет приезжала в Италию в отпуск с целью найти молодого мускулистого любовника, который связывал бы ее, избивал и резал ножом в любовной игре. Так продолжалось несколько лет до тех пор, пока она не встретила мужчину - "покорителя женских сердец", обладавшего явно выраженным садистским комплексом, который однажды, по ее просьбе нанося ей удары ножом, в процессе соития перерезал М. Пантстух горло. Убийца и прирожденная жертва нашли друг друга [19].

Вместе с тем для рецидивных "прирожденных" жертв свойственны не только виктимные девиации психики.

"Прирожденная жертва чаще всего оказывается лицом, страдающим от дефицита жизненности, человеком, который очень опасается, что его невезучесть является его виной, не пытаясь это никак изменить. Такое лицо предпочитает жить в мире собственных фантазий, прячась от реалий современного мира, поэтому стороннее воздействие, столкновение с действительностью, когда оно происходит, зачастую бывает фатальным" [20].

Здесь мы подходим к описанию третьей формы реализации виктимности - виктимных моральных отклонений. Выше мы уже отмечали, что интериоризация виктимогенных норм, правил поведения виктимной и преступной субкультуры, виктимные внутриличностные конфликты могут играть значительную роль в формировании провоцирующего поведения. Поведения, связанного с усвоением и воплощением в образе жизни субъектов виктимных стереотипов и состояний. Поведения, связанного с оценкой самого себя как жертвы, переживанием собственных бед и неудач как детерминированных исключительно личностными качествами либо, наоборот, - враждебным окружением.

"Когда понятие невинности истребляется даже в сознании невинной жертвы, над этим обреченным миром окончательно воцаряется культ силы. Вот почему омерзительные и страшные ритуалы покаяния так распространены в этом мире, где разве что камни избавлены от чувства вины", - писал Альбер Камю, характеризуя социально-психологические истоки терроризма и злоупотреблений властью в социальных системах [21].

Эта цитата как нельзя более точно подчеркивает социальную опасность переживания чувства виновности жертвы, моральной оценки жертвы обществом как заранее виновной в совершении преступления. Помимо эскалации страха и враждебности, самоотчуждения и взаимного отчуждения, такое состояние влечет за собой аномию и увеличивающуюся агрессивность, войну "всех против всех".

В этой связи осознание себя жертвой, виновной в причинении ей вреда, покаяние и переживание этого состояния не могут не признаваться определенными отклонениями от нормативов безопасного поведения, ведущих к виктимным поведенческим реакциям.

Проблема самостигматизации себя как жертвы правонарушения, не бывшей в состоянии нормально адаптироваться к существующим условиям социального развития, определенным образом связана с состоянием внутриличностного конфликта. Сходные зависимости возникают и в восприятии и в воплощении в соответствующем поведении виктимных правил и норм соответствующей субкультуры.

Следует отметить, что проблема внутриличностных конфликтов не получила своего адекватного воспроизведения и оценки в криминальной виктимологии. Определяя конфликт как

дезинтеграцию приспособительной деятельности, возникающую в результате столкновения самостоятельных ценностей, внутренних побуждений, специалисты исследуют его в рамках теории психоанализа и когнитивной психологии, интеракционизма и бихевиоризма [22].

Внутриличностный конфликт как переживание, вызванное столкновением различных структур внутреннего мира личности, может приводить к снижению самооценки, сомнениям, эмоциональному напряжению, негативным эмоциям, нарушениям адаптации, стрессам. К основным видам внутриличностного конфликта специалисты в области конфликтологии относят: мотивационный конфликт (между стремлениями к безопасности и обладанию), нравственный конфликт (между моральными принципами и личными привязанностями), конфликт нереализованного желания или комплекса неполноценности (между желаниями и возможностями), ролевой конфликт (между ценностями, стратегиями или смыслами жизни), адаптационный конфликт (при нарушении процесса социальной и профессиональной адаптации), конфликт неадекватной самооценки (при расхождении между притязаниями и реальной оценкой своих возможностей), невротический конфликт (невозможность выхода из состояния фрустрации, порождающая истерию, неврастение и прочие психические заболевания) [23].

Во многом возникновение внутриличностных конфликтов имеет виктимологическое значение только тогда, когда они перерастают в жизненные кризисы и ведут к виктимным поведенческим реакциям. Так, при негативном развитии событий неспособность человека справиться с экстремальной ситуацией, личный опыт боязни правонарушителей, собственной слабости и беспомощности может кумулироваться, скрываясь от сознания и проявляясь в изменениях реакций, постоянных стрессах, эмоциональном ступоре, необоснованных, неадекватных действиях при попадании в сходную ситуацию. Умение же справиться с бедой как самостоятельно, так и с помощью общества, друзей и близких ведет к укреплению личности, ее нравственному совершенствованию.

Нереализованные и неразрешенные внутриличностные конфликты ведут к формированию связанных с психическими и физиологическими реакциями организма, а также с отторжением жертвы своим ближайшим окружением виктимных комплексов:

а) комплекса мнимой жертвы (трусость, паникерство, предположения о наличии постоянных угроз безопасности со стороны окружающих);

б) комплекса притворной жертвы (своим нытьем и страхами притягивающей беду).

Ролевые межличностные конфликты, по нашему мнению, могут приводить к формированию следующих специфических виктимных комплексов, при стечении обстоятельств реализующихся в деструктивном поведении:

а) комплекс жертвы-дитяти (воспроизводство депрессивных состояний посредством провоцирования межличностных конфликтов своим поведением при полном "детском" нежелании ничего исправлять, а только далее и далее играть роль жертвы в межличностных отношениях - "пожалуйста, не пинайте меня, я не виновата, так получается");

б) комплекс жертвы-подкаблучника (коллекционирование депрессивных состояний в силу осознания своей беспомощности, немочи, несостоятельности, загнанности обстоятельствами и собственными обязательствами - "я не о'кей, я такой слабый");

в) комплекс безвинной жертвы (самооправдание, непогрешимость и невиновность - вот основные черты такого состояния, приводящего к чувству вины со стороны окружающих и постоянному контролю над ними - "это все из-за тебя").

Список подобного рода состояний можно продолжать до бесконечности. Специалисты по транзакционному анализу утверждают, что, эксплуатируя свои комплексы и манипулируя другими, люди провоцируют других и играют определенные роли с целью потакания себе в чувствах вины, боли, страха, возникавших ранее в сходных ситуациях [24]. Конечно, если такое поведение имеет целью перестройку ценностей и свойств личности и выход из внутриличностного конфликта, это может быть оправдано.

В противном же случае кумуляция виктимных свойств и обид ведет к нарастанию напряженности и соответствующим поведенческим реакциям, вплоть до совершения преступлений. Недаром специалисты в области семейной криминологии отмечают криминогенность ущемления мужского авторитета при женоубийствах [25]. Думается, что анализ внутриличностных конфликтов как форм проявления виктимности может способствовать более глубокому познанию причин отклоняющегося поведения и разработке мер по его коррекции. Однако эта проблема требует дальнейшего глубокого и всестороннего междисциплинарного исследования.

Говоря о роли восприятия и воплощении в соответствующем поведении виктимных правил и норм соответствующей субкультуры, следует отметить определенную значимость конфликтов между требованиями двух систем морали: первой, отстаивающей необходимость и дозволенность безопасного поведения, и двух других, выражающих точки зрения социальных групп аутсайдеров: групп, стремящихся к повышенному риску в собственной жизни ("экстремалы"), и групп, стремящихся спрятаться в "башню из слоновой кости", отгородиться и переждать.

К основным состояниям, связанным с интериоризацией норм подобных групповых субкультур, могут быть отнесены:

а) гипервиктимность (стремление к бездумному, ничем не контролированному риску, достижение эйфории от преодоления чересчур опасных препятствий, провоцирование критических и конфликтных ситуаций);

б) гиповиктимность (обеспечение повышенной безопасности, закомплексованность, ограниченность общения и социальных контактов, уход от трудностей и реалий современной жизни).

Специалисты отмечают, что в моральных конфликтах такие неморальные нормы выходят на первый план, определяя основные характеристики жизнедеятельности субъектов. "Отклоняющаяся от нормы "донкихотствующая" личность в лучшем случае погружается в бездну разочарования и отчаяния, как это произошло с героем Сервантеса, а в худшем случае носитель конфликта просто уходит из жизни, не имея сил справиться с ее противоречиями" [26].

Комплексный анализ компонентов виктимности, ее форм и проявлений в различных сферах социальной жизни позволяет глубже понять социальные и психологические корни отклонений от безопасного поведения, "создающих" жертв преступлений, определить особенности взаимодействия жертвы и преступника в механизме преступного поведения.

При таком понимании основными компонентами виктимности, подлежащими анализу при дальнейших разработках, являются:

- * ситуационный (социально-ролевой) (описывающий виктимность с точки зрения соотношения виктимогенной ситуации и личностных качеств потенциальной жертвы, а также типичные реакции людей в конкретной виктимогенной обстановке);

- * интеллектуально-волевой (описывающий характеристики сознательной, целесообразной и целеобусловленной виктимности);

- * аксиологический (описывающий ценностно-ориентационные, потребностные характеристики виктимности);

- * деятельностно-практический (описывающий типовые формы поведенческой активности типичных жертв, формы, природу и закономерности взаимоотношений между жертвами и правонарушителями);

- * эмоционально-установочный (описывающий психологические факторы, соотносящиеся с виктимностью);

- * физико-биологический (описывающий основные природные детерминанты виктимности).

В частности, опыт изучения особенностей виктимности населения Украины свидетельствует, что основными характерными чертами виктимности современных жертв преступлений [27] является совокупность нижеперечисленных показателей.

Расстройства эмоционально-установочной и аксиологической сферы. Эти расстройства выражаются как в нарушении потребности в обеспечении безопасности (как гипервиктимность, приводящая к бездумному риску, так и гиповиктимность, выражающаяся в застревающем стремлении к обеспечению повышенной безопасности), так и в формировании под влиянием особенностей личностных характеристик жертв преступлений препятствия в реализации потребности в обеспечении безопасности.

К последним относятся виктимные комплексы (комплекс жертвы-дитяти, супруга-подкаблучника, супруга-насильника), патологическая страсть к приключениям, оценка окружения как враждебного (синдром провокационности окружения), общее состояние страха перед преступностью (как сигнала, предупреждающего о приближающейся угрозе и мотивирующего защитные реакции) [28], детерминированные опытом личностные виктимные фобии, острые состояния страха в критической ситуации, культурные состояния страха перед преступностью (синдром виктимной субкультуры), наконец, околосонные виктимные иллюзии (характеризующие поведение субъектов, эмоциональное состояние которых детерминировалось особенностями прошедшего сна и боязнью того, что сон сбудется, - "не с той ноги встал").

Нарушения норм безопасного поведения, реализующиеся как на ситуационном, так и на деятельностно-практическом и интеллектуально-волевом уровнях. Формами проявления такой виктимной активности служат различного рода комплексы неполноценности, связанные с психологическими и соматическими дисфункциями организма (психическими аномалиями, заболеваниями), а также с отторжением жертвы своим ближайшим окружением и формированием у нее комплекса мнимой жертвы (трусливо предполагающей наличие постоянных угроз ее безопасности) и/или притворной жертвы (своим нытьем и страхами притягивающей беду).

В указанную группу включаются также типичные виктимные отклонения (мазохизм, садизм, эксгибиционизм, патологический эротизм-нимфомания) и нетипичные виктимные девиации (проституция, алкоголизм, гомосексуализм), как правило, отягощенные виктимными тенденциями социогенного характера (социально-демографические и социокультурные особенности личности и поведения жертв преступлений). Наконец, сюда же относится наиболее изученная форма виктимной девиации - преступность.

Достаточно сказать, что по данным представительных криминологических исследований агрессивность, грубость, неуживчивость, склонность к употреблению спиртных напитков характерны для большинства потерпевших от тяжких насильственных преступлений.

Стало уже аксиомой, что около половины жертв убийств, потерпевших от нанесения телесных повреждений, сорок девять процентов жертв изнасилований своим неосторожным, неправоммерным, отрицательным или провоцирующим поведением создавали определенные условия, способствующие преступному посягательству.

Практически из примерно тридцати трех тысяч человек, ставших жертвами тяжких насильственных преступлений в Украине за последние 12 лет, многие остались бы живы и здоровы, если бы не их собственное неумение, а то и нежелание вовремя выйти из нарастающего конфликта. Страшная статистика.

Однако она станет еще страшнее, если мы укажем, что и сегодня, в годы разгула экономической преступности, большинство тяжких насильственных преступлений произрастает на бытовой почве. И оказывается, что типичный убийца - не какой-нибудь киллер-профессионал или маньяк типа Чикатило, а обычный гражданин, нервозный, распушенный, взрывчатый, ставший от трудностей жизни достаточно озлобившимся на всех и на все, порой злоупотребляющий алкоголем, словом, человек, живущий рядом и среди нас. И в значительной части случаев его тяжкое преступление явилось результатом острого либо длящегося конфликта с потенциальным потерпевшим, в 60 - 70 % случаев являвшимся родственником или знакомым преступника.

В 80-е годы нам довелось опрашивать группу лиц, осужденных за совершение тяжких насильственных преступлений в Юго-Западном регионе Украины [29]. Оказалось, что около 90 % из них характеризовалось повышенным участием в различного рода агрессивных конфликтах, связанных с применением угроз насилием и оскорблений либо физического насилия. В среднем за трехлетний период, предшествовавший совершению преступления, 28 % осужденных применяли насилие минимум два раза, 22 % - от двух до четырех раз, 10 % - от четырех до шести раз и 7,1 % преступников более шести раз участвовали в избиениях и драках. Не случайно из 84 % насильственных преступников, ранее участвовавших в драках и избиениях, 47,1 % совершили тяжкое преступление в процессе обыденного конфликта, сопровождавшегося применением физического насилия. При этом 78 % опрашиваемых преступников оценили предшествующее преступлению поведение потерпевшего как провоцирующее, обидное, унижающее, создающее нетерпимую обстановку в семье и в быту [30].

Попытки анализа жизни привычных преступников свидетельствуют, что они, начиная с раннего возраста, подвергались унижениям, издевательствам и эксплуатации, были предоставлены самим себе. Практически большинство насильственных преступников происходило из того же круга, что и их будущая жертва, да и сами они неоднократно в прошлом становились жертвами преступлений. Во многом именно отсутствие должной реакции общества на факты жестокого отношения к человеку озлобляло будущих преступников, приучая их к мысли о вседозволенности и возможности применения любых средств для достижения поставленной цели. Конфликтно-агрессивные стереотипы поведения становятся типичными для таких людей. В особенности это касается лиц, впоследствии совершающих преступления с особой жестокостью [31].

В этой связи культивируемый в обыденных представлениях образ убийцы-чужака ("врага из-за угла"), оказывается, имеет столь же мало сходства с действительностью, сколько представление о том, что земля плоская. Гораздо большее значение здесь играет само поведение потенциального потерпевшего.

По сути дела, подобные преступления (впрочем, как и большинство остальных) теснейшим образом связаны с самим потерпевшим: его личностью, поведением, предшествующим совершению преступления, взаимоотношением между преступником и потерпевшим, возникшим задолго до совершения преступления либо непосредственно ему предшествующим.

Вместе с тем очевидно, что вызываемые виктимным поведением кризисные ситуации порождены отнюдь не самой преступностью, а, как уже указывалось ранее, гомеостатическим взаимодействием преступности, виктимности и иных социальных факторов и процессов в конкретно-исторических условиях. Дальнейшая проработка данного вопроса в указанном направлении позволит более четко и ясно определить движущие силы различных видов виктимности, содействуя тем самым повышению эффективности профилактики преступлений.

1. См.: Crime and criminal justice in Europe and North America 1986-1990 / Ed. Kristina Kangaapusta. - Helsinki, 1995. - P. XXV-XXVIII; Бабаев М.М. Социальные последствия преступности - М., 1982; Вицин С.В. Системный подход и преступность. - М., 1980; Джекебаев У.С. Преступность как криминологическая проблема. - Алма-Ата, 1974; Изменения преступности и проблемы охраны правопорядка. - М., 1994; Латентная преступность: познание, политика, стратегия. - М., 1993; Матти Лайне. Криминология и социология отклоненного поведения. - Хельсинки, 1994; Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. - М., 1980; Преступность и правонарушения: Стат. сб. - М., 1992; Преступность в Украине // Бюллетень законодательства и юридической практики Украины. - 1994. - № 2; Лунеев В.В. Юридическая статистика: Учебник. - М.: Юрист, 1999. - С. 343-370.

2. Дружинин В.В., Конторов Д.С., Конторов М.Д. Введение в теорию конфликта. - М.: Радио и связь, 1989. - С. 97.

3. Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. - М.: Изд-во МГУ, 1990. - С. 103-104.

4. Ривман Д.В. О содержании понятия "виктимность" // Вопросы теории и практики борьбы с преступностью. - Л.: ВПУ МВД СССР, 1974. - С. 25-27.

5. См.: Уэда К. Преступность и криминология в Современной Японии: Пер. с япон. / Под ред. Н.Ф.Кузнецовой, В.Н.Еремина. - М.: Прогресс, 1989. - С. 64-65.

6. См.: Туляков В. Виктимность и ее выражение // Юридична освіта і правова держава: Зб. наук. праць. - Одеса, 1997. - С. 224-232.

7. Братусь Б.С. Аномалии личности. - М.: Мысль, 1988. - С. 31.

8. См.: Чечель Г.И. Жестокий способ совершения преступлений против личности. - Ставрополь, 1995. - С. 129-139.

9. См.: Бестужев-Лада И.В. Нормативное социальное прогнозирование: возможные пути реализации целей общества. - М.: Наука, 1987. - С. 11.

10. См.: Багрий-Шахматов Л.В., Туляков В.О. Виктимність як криминогенний чинник // Вісник Академії правових наук України. - 1994. - № 6. - С. 53; Малашок С. Хватит быть неудачником - станьте победителем // Ведомости Daily. - 1996. - 23 нояб. (№ 216). - С. 4.

11. См.: Гульман Б.Л. Сексуальные преступления. - Х., 1994. - С. 43. См. также: Merenyi Kalman. A szexuális eroszak (Kutatási beszámoló). - Budapest, 1987. - P. 296-300.

12. Краткий психологический словарь / Под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. - М.: Политиздат, 1985. - С. 344.

13. Рима́н Ф. Основные формы страха / Пер. с нем. Э.Л. Гушанского. - М.: Алтейа, 1999. - С. 16.

14. О роли данных механизмов в социализации личности делинквента см. работы В.Н. Дремина. Например: Дремин В.Н. Изучение криминогенного влияния ранее судимых лиц на несовершеннолетних // Проблемы соц. законности: Межвуз. сб. науч. трудов. - Х., 1982. - Вып. 9. - С. 142-145.

15. Рима́н Ф. Основные формы страха. - С. 24.

16. См. обзор реакций жителей России на теракты в Москве в 1999 году, а также жителей иных государств на подобные ситуации в подборке статей: Топография страха // Итоги. - 1999. - 21 сент. - С. 12-31. Аморфность и бессистемность воззрений, готовность согласиться с любыми крайними мерами правительства по защите личной неприкосновенности, формирование образа врага - вот далеко не полный перечень типичных состояний, детерминированных страхом перед терроризмом.

17. См., например: Старович З. Судебная сексология. - М.: Юрид. лит., 1991. - С. 68-70; Кон И.С. Введение в сексологию. - М.: Медицина, 1989. - С. 180-184, 226.

18. Colin Wilson. The Mammoth book of true crime. - London, 1988. - P. 605.

19. Относясь достаточно скептически к феномену "прирожденных" жертв, нельзя не отметить, что эта проблема требует достаточно тщательного и длящегося исследования, а отнюдь не забвения и абсолютного отрицания, как это порой бывает с идеями, не вписывающимися в традиционную научную парадигму.

20. Colin Wilson. The Mammoth book of true crime. - P. 608.

21. Камю А. Бунтующий человек. - М., 1990. - Цит. по.: Психология человеческой агрессивности: Хрестоматия / Сост. К.В. Сельченко. - Минск: Харвест, 1999. - С. 349.

22. См.: Василюк Ф.Е Психология переживания. - М.: Изд-во МГУ, 1984. - С. 42-44.

23. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология: Учебник для вузов. - М.: ЮНИТИ, 1999. - С. 292-299.

24. Джеймс М., Джонгвард Д. Рожденные выигрывать. Трансакционный анализ с гештальтупражнениями: Пер. с англ. / Общ ред. и послесл. Л.А. Петровской. - М.: Издательская группа "Прогресс", 1995. - С. 210.

25. См., например: Шестаков Д.А. Семейная криминология. - С.Пб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. - С. 13.

26. Анисимов С.Ф. Мораль и поведение. - М.: Мысль, 1985. - С. 98.

27. При определении данных видов виктимной активности была использована классификация девиаций, приведенная в работах З. Старовича. См.: Старович З. Судебная сексология. - М.: Юрид. лит., 1991. - С. 10-16.

28. См.: Хекхаузен Хайнц. Мотивация и деятельность. - М.: Педагогика, 1986. - Т. 1. - С. 134.

29. Объем выборки - 174 субъекта, осужденных по ст.ст. 93, 94, 101 УК Украины.

30. См.: Туляков В.А. Уголовно-правовые и криминологические аспекты участия в драках // Вопросы борьбы с преступностью. - М., 1987. - Вып. 45.

31. См.: Преступления, совершаемые с особой жестокостью. (Науч. обзор результатов исследования) / Кол. авт. под рук. А.П. Закалюка. - К., 1989. - С. 20-21.

ВИКТИМИЗАЦИЯ В УКРАИНЕ

Туляков В.А.

На VII Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями были приняты Руководящие принципы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития и нового международного экономического порядка. Согласно положениям данного документа, государствам-членам ООН для обеспечения оптимизации процесса профилактики преступлений было рекомендовано "принять необходимые законодательные и другие меры в целях обеспечения жертв преступлений эффективными средствами правовой защиты" [1].

Законами Украины "О действии международных договоров на территории Украины" от 10 декабря 1991 года и "О международных договорах Украины" от 22 декабря 1993 года [2] украинские законодатели в стремлении обеспечить нерушимость установленных международным сообществом прав и свобод личности признали международные договоры и декларации, заключенные и ратифицированные Украиной, частью национального законодательства. В отношении не требующих ратификации (присоединения) деклараций международных организаций и органов, членом которых является Украина, действует принцип добровольности признания изложенной в декларациях доктрины [3].

Следует отметить, что с развитием и становлением новых экономико-правовых институтов молодого украинского государства в национальное законодательство постепенно внедряются и основные принципы Декларации основных принципов правосудия для жертв преступления и жертв злоупотребления властью. Напомним, что к ним относятся:

- * внедрение международных стандартов доступа потерпевших к системе правосудия и государственной поддержки;

- * создание системы криминально-правовой реституции;

- * организация компенсации потерпевшим от преступлений из специальных государственных фондов;

- * оказание необходимой материальной, медицинской, психологической и социальной помощи потерпевшим по правительственным, добровольным, общинным и местным каналам;

- * обеспечение специальных средств защиты жертв злоупотребления властью.

Так, положения, касающиеся защиты жертв преступления и злоупотребления властью, нашли определенное отражение в принятой 28 июня 1996 года Конституции Украины. Например, в Конституции Украины специально указывается на право граждан на свободное развитие личности (ст. 22), на защиту своих прав и свобод посредством использования системы правосудия и судебной власти, а также возможность их защиты любыми, не запрещенными законом

способами (ст. 55), наконец, на возмещение за счет государства материального и морального вреда, причиненного лицу незаконными действиями органов государственной власти, местного самоуправления, незаконным осуждением (ст.ст. 56, 62) [4]. Вместе с тем вопросы, касающиеся организации специальной защиты потерпевших от преступлений, в Конституции оговорены практически не были.

Такая же ситуация возникла и при организации законодательного обеспечения прав жертв преступлений на получение компенсации за ущерб, причиненный преступлением и злоупотреблением властью. Нельзя не отметить, что некоторые попытки в этом направлении были сделаны.

Например, в соответствии с Постановлением Верховного Совета Украины "О состоянии исполнения законов и постановлений Верховного Совета Украины по вопросам правопорядка и мерах по усилению борьбы с преступностью" от 26 января 1993 года Кабинету Министров Украины было рекомендовано принять меры по созданию специального Государственного фонда возмещения ущерба потерпевшим от преступлений и злоупотребления властью.

Положения, касающиеся организации Государственного фонда помощи потерпевшим от преступлений, содержатся в Распоряжении Президента Украины "О мерах по активизации борьбы с коррупцией и организованной преступностью" от 10 февраля 1995 года [5]. О государственной поддержке жертв преступных посягательств и злоупотребления властью говорилось и говорится в Государственных программах борьбы с преступностью в Украине и в Законах Украины "Об организационно-правовых основах борьбы с организованной преступностью", "О порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда" [6] и в целом ряде иных нормативных актов. Тем не менее о компенсационной поддержке потерпевшим от преступления на государственном уровне мы чаще всего только можем мечтать.

Как отстаивать свои права потерпевшему - об этом закон говорит скупое. Пожалуй, сегодня этим вопросам посвящены лишь несколько статей Уголовно-процессуального Кодекса Украины и ряд положений Закона Украины "Об обеспечении безопасности лиц, принимающих участие в уголовном судопроизводстве" от 23 декабря 1993 года с последующими изменениями и дополнениями [7]. Рассмотрение данных проблем выходит за рамки нашего исследования, однако нельзя не отметить, что указанные обстоятельства ограниченности правовой защищенности личности жертвы определенным образом отразились и на характеристиках виктимизации в Украине.

С одной стороны, обвальное падение преступности, вызванное изменениями вектора политической и экономической стратегии развития постсоветских государств, не мог не сказаться на характеристиках и состоянии виктимизации в республике, с другой - незащищенность личности, невыработанность либо пробуксовка механизмов реальной защиты граждан от преступных посягательств определили повышенное чувство страха перед преступностью и связанные с этим аномию и виктимизацию.

Указанное обстоятельство проявляется особенно очевидно при описании тенденций преступности в Украине. Так, основные показатели распределения зарегистрированной за последние годы преступности и судимости в Украине представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Преступность и судимость в Украине

Год Зарегистрировано преступлений Осуждено лиц / % к зарегистрированным

1990	369809	104199/28,2
1991	405516	108553/26,8
1992	480478	115260/24,0
1993	539299	152878/28,3
1994	571891	174959/30,5
1995	641860	212915/33,2
1996	617262	284124/39,2
1997	589208	237790/40,3
1998	575982	232598/40,4

Приведенные цифры говорят сами за себя. Переходный период повлек за собой небывалый всплеск преступности (даже без учета ее изрядной латентности), сопровождающийся тотальным отставанием деятельности органов социального контроля и неспособностью коррекции криминальной ситуации.

Существующие "ножницы" между количеством зарегистрированных преступлений и количеством осужденных свидетельствуют отнюдь не в пользу эффективности действующей государственной машины.

График отражает динамику зарегистрированных преступлений в Украине за указанный период времени.

График 1.

Динамика преступности в Украине

Определенные изменения коснулись и структурных характеристик преступности. Так, в 1998 году на территории Украины по линии уголовного розыска было зарегистрировано 456559 преступлений, из них убийств - 4563 (~1 % от общего числа преступлений), тяжких телесных повреждений - 6943 (~1,5 %), изнасилований - 1334 (~0,3 %).

Общая численность зарегистрированных в 1998 году в Украине преступлений в сравнении с 1995 годом снизилась на 10,3 % (с 641860 до 575982 преступлений) [8]. Коэффициент преступности по Украине в 1997 году составил 115,9, в 1998 - 113,6 случаев на 10 тысяч населения.

В 1997 году по Украине с применением огнестрельного оружия было совершено 300 убийств, что составило 4,9 % от общего числа убийств, совершенных за год; в 1998 году - 223 убийства, что составило 6,6 % от общего числа убийств, совершенных за год. Это говорит о том, что на долю убийств с применением огнестрельного оружия приходится примерно каждое двадцатое убийство. В целом же за последние 5 лет более 1,5 миллиона человек в Украине стали жертвами общеуголовных преступлений - убийств, изнасилований, грабежей, разбоев, краж, хулиганства. Общая же цифра потерпевших от всех преступлений за указанный период времени до сих пор неизвестна, хотя, безусловно, является достаточно высокой.

За 10 месяцев 1999 года в Украине, по данным Госкомстата, было зарегистрировано 464,8 тысячи преступлений, что на 2,9 % меньше в сравнении с таким же периодом предыдущего года. При этом обращает на себя внимание и такой факт, что более трети зарегистрированных преступлений относится к тяжким, а больше половины преступлений (56,3 %) совершено с корыстной направленностью (кражи, грабежи, разбойные нападения, мошенничество, хищения государственного и коллективного имущества путем присвоения, растраты либо злоупотребления служебным положением). Выявлено 264,7 тысячи лиц, подозреваемых в совершении преступлений. Из них 17 % составляют женщины, 8,8 % - несовершеннолетние. Около двух третей лиц, совершивших преступления, не работали и не учились. Каждый третий из общего числа правонарушителей совершил преступление в группе, каждый шестой - раньше совершал преступления, практически каждый седьмой совершил преступление в состоянии алкогольного опьянения.

Вместе с тем колоссальная латентность значительной части преступлений в сфере экономики и имущественных преступлений не дает возможности увидеть истинные характеристики преступности без учета данных о виктимизации.

Следует отметить, что на государственном уровне массовые виктимологические опросы в Украине не проводились.

Обзор виктимизации, осуществленный в 1996 году в рамках Третьего международного обзора виктимизации, представил собой выборку жителей Киева и Киевской области (1000 респондентов) и их опрос по методикам Мирового общества виктимологии (Лейденская группа и UNICRI).

Показательно, что результаты опроса подтвердили переориентацию криминальной мотивации большинства деяний в сторону активизации экономических злоупотреблений, что явилось очевидным для всех стран, находящихся на переходном периоде развития экономики.

Несколько попыток организации иных виктимологических опросов носили узконаучный характер и не претендовали на целостное видение проблемы.

Так, среднегодовая виктимизация от имущественных преступлений в странах Центральной и Восточной Европы [9] (коэффициенты на 10000 населения) по данным UNICRI приведена в таблице 2.

Таблица 2.

Виктимизация в странах Центральной и Восточной Европы

Берглэри	Попытка берглэри	Кража автомобилей (у владельцев)	Кража из автомобилей (владельцы)	Владение автомобилями
Эстония	7,2	6,2	4,2	24,3 48,7
Польша	2,5	3,1	2,7	15,7 56,7
Чехия	4,0	3,0	2,7	15,7 65,8
Словакия	6,5	2,2	2,9	24,7 60,7
Россия	2,5	4,0	6,3	22,2 37,3
Словения	2,8	2,9	0,4	9,4 83,5
Латвия	2,9	6,2	5,2	13,3 46,0

Румыния 1,1 2,2 0,7 16,4 45,5 Венгрия 2,5
 1,6 3,0 11,5 61,4 Югославия 2,9 2,7 2,0 13,7
 67,4 Албания 3,4 2,9 1,0 22,9 21,3
 Македония 2,3 1,3 0,6 9,9 74,0 Хорватия
 0,9 1,4 1,4 5,6 71,0 Украина 3,6 4,5 4,1 10,1
 33,9 Беларусь 1,5 1,5 2,0 8,7 34,5 Болгария
 5,8 5,7 1,9 19,5 64,0 Литва 5,5 3,9 1,9 18,8
 56,3

Как видим, Украина занимает средние позиции по характеристикам преступности в списке стран постсоветского блока. Указанные обстоятельства подтвердились и при анализе характеристик распределения виктимизации в Украине и их соотношения с данными уголовной статистики. Таблица 3 более четко отражает указанные тенденции посредством сравнительного анализа среднегодовых коэффициентов виктимизации и преступности в Украине (на 100000 населения)

Таблица 3. Структура
 виктимизации и преступности в Украине

Виктимизация (90-97) Преступность (90-95)
 Насильственные преступления 7,2 7,9 (убийства) Берглэри
 3,6 51,7 (разбои)
 Насилие против женщин 5,5 3,7 (изнасилования) Кражи
 автомобилей 4,1 17,3 (владельцы)

Определенная несопоставимость показателей виктимизации и преступности вызвана разными системами учета преступлений в наших правовых семьях и невозможностью получения адекватной информации о структуре виктимизации в Украине по западным стандартам. Вместе с тем приведенные показатели отражают явно выраженную тенденцию латентности определенной части криминальных деяний.

Согласно данным Третьего Международного обзора жертв преступлений (ICVS), 38 % респондентов в городских регионах Украины стали жертвами преступлений в 1986 году. Этот показатель относит Украину на 5 место в числе государств, представивших сведения для обзора.

По отдельным преступлениям, как видно из таблицы, уровень виктимизации составлял 3,6 % для берглэри, 3,9 % - для нападений и угроз, 4,6 % - для краж из автомобиля.

1,9 % женщин сообщили, что они были жертвами сексуального насилия.

Уровень разбойных нападений (5,7 %) и карманных краж (17,7 %) также является одним из наиболее высоких в Европе.

График 2 отражает расчетное количество лиц, погибших на территории Украины в результате преступной активности и вероятностный прогноз тенденций виктимизации, выполненный с помощью метода экстраполяции

График 2.
 Тенденции криминального насилия

Как видим, несмотря на определенную стабильность сглаженной кривой экстраполяции, успокаиваться рано. Возможно, имевшие место в 1995 году "пиковые" показатели

криминального насилия были связаны с ростом фрустрированности и аномии в условиях галопирующей инфляции и нестабильности экономического развития. Определенная стабилизация отношений в обществе снижает уровень агрессивности. Хотя, признаемся, накопленный с годами в нашем обществе агрессивный потенциал вполне может реализоваться в новом всплеске криминального насилия при неблагоприятном развитии экономической ситуации и определенных политических процессах.

Серьезные опасения насилия и страх перед преступностью и злоупотреблениями властью породили мнение респондентов о том, что они опасаются посещать определенные места по соседству с их местом проживания вечером и ночью. Указанный показатель является вторым по уровню в Европе и Северной Америке [10].

В 1994-1995 годах коллектив преподавателей и студентов Юридического института Одесского государственного университета им. И.И. Мечникова (позднее -Одесской национальной юридической академии) по адаптированным методикам Американского университета и Мирового общества Виктимологии (идея Э. Виано) провел опрос 4000 граждан Украины (случайная, несистематическая выборка), проживающих в Южном и Юго-Западном регионе, с целью выявления их виктимных перцепций и общих характеристик виктимизации.

Впоследствии для проведения более углубленного анализа были отобраны 1000 интервью методом квотной выборки, отражающей половозрастные характеристики населения на момент проведения исследования.

Текст интервью был разработан таким образом, чтобы определить: * основные деяния, могущие служить индикаторами виктимизации (кражи автотранспорта, квартирные кражи, грабежи и разбои, кражи личного имущества, сексуальные правонарушения, насильственные преступления);

* виктимные перцепции респондентов (страх перед преступностью, отношение к правоохранительным органам, меры по индивидуальной защите),

а затем отработать вопросы оценки соотношения характеристик виктимизации и преступности.

Первичные выводы, полученные нами, выглядели следующим образом: 1. Уровень виктимизации в среднем в 2, 2,5 раза превышает уровень регистрируемой преступности в Украине.

2. Если в общественном сознании виктимизация отождествляется с насилием, то в основном она имеет дело с кражами и иными преступлениями корыстного характера. Это стабильная тенденция для большинства государств. Известно, что уровень виктимизации по насильственным преступлениям составляет примерно 28/1000; по карманным кражам и иным похищениям личного имущества - 68/1000; по кражам с проникновением, мошенничествам и автокражам - 170/1000.

3. Виктимизация распространяется среди населения неравномерно: чем выше степень тяжести преступления, тем реже проявляется виктимизация.

4. Существуют гомеостатические связи между преступностью и виктимизацией: чем выше преступность, тем ниже виктимизация в случаях, когда общество обеспокоено состоянием преступности, и наоборот, стабильность социальных отношений, понижая страх перед преступностью, выравнивает показатели виктимизации и преступности.

5. Риск виктимизации связан с дефектами образа жизни и обыденной активности, равно как и с проецирующимися ими индивидуальными отклонениями.

Как и в иных европейских странах, время виктимизации тяготеет к вечеру и ночи (насильственные преступления - вечер/ночь, кражи - ночь).

Общая характеристика потерпевших также ничем не отличается от их стандартного распределения среди иных европейских государств.

Пик виктимизации по возрасту попадает на 16-24 года, за исключением краж личного имущества, сохраняющих стойкую тенденцию относительно равномерного распределения между всеми возрастными группами.

Виктимизация по преступлениям против личности у мужчин в два, два с половиной раза выше, чем у женщин.

В имущественных преступлениях также преобладают мужчины, хотя разница не так заметна.

Лица, состоящие в браке, менее виктимизированы, чем холостые и вдовцы.

Маргинальность и низкий уровень дохода являются спутниками виктимизации. Вместе с тем с ростом достатка растет и страх перед ограблениями, а, следовательно, и вероятность быть ограбленными.

Риск виктимизации зависит также от ряда индивидуальных факторов социализации будущей жертвы в детстве (неправильное воспитание, отсутствие такового, неудачный брак родителей, доминирование в семье одного из родителей, социальное отчуждение ребенка), а также индивидуальных психологических факторов (низкая самооценка, подавленность, психопатии, невротизм, профессиональные фрустрации, психосексуальные травмы, фобии), антиобщественного образа жизни, опыта и частоты предыдущей виктимизации, а также отклоняющегося поведения потенциальной жертвы.

Социокультурные факторы, выделяемые нами в качестве дополнительных детерминант виктимизации (урбанизация, безработица, маргинализация, мода, стереотипы виктимного поведения и пр.), по-видимому, играют одинаковую роль в формировании комплекса причин и условий существования и развития отклоняющегося поведения во всех его проявлениях.

Указанные обстоятельства, а также проделанный нами многофакторный анализ основных характеристик виктимизации в Украине позволяют определить ряд теоретических положений, касающихся распределения тенденций виктимизации и закономерностей ее ограничения.

1. Руководящие принципы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития и нового международного экономического порядка // Международные соглашения и рекомендации Организации Объединенных Наций в области защиты прав человека и борьбы с преступностью: Сб. междунар. документов. -М.: Академия МВД СССР, 1989. - С. 154.

2. См. Законы Украины: "О действии международных договоров на территории Украины" от 10 декабря 1991 г. // Ведомости Верховного Совета Украины. - 1992. - № 10. - Ст. 137; "О международных договорах Украины" от 22 декабря 1993 г. // Ведомости Верховного Совета Украины. - 1994. - № 10. - Ст. 46.

3. См. ст. 9 Конституции Украины.

4. Конституция Украины. - К., 1997.

5. О мерах по активизации борьбы с коррупцией и организованной преступностью: Распоряжение Президента Украины от 10 февраля 1995 года № 35/95.

6. См.: Государственная программа борьбы с преступностью // Урядовий кур'єр. - 1993. 5 серп.; Об организационно-правовых основах борьбы с организованной преступностью: Закон Украины от 30 июня 1993 года // Голос Украины. - 1993. - 6 авг.; О порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда: Закон Украины от 1 декабря 1994 года // Голос Украины. - 1994. - 17 дек.; О комплексной целевой программе борьбы с преступностью на 1996-2000 годы: Указ Президента Украины от 17 сентября 1996 года № 837/96.

7. Уголовно-процессуальный кодекс Украины. - К., 1995; Об обеспечении безопасности лиц, принимающих участие в уголовном судопроизводстве: Закон Украины от 23 декабря 1993 года // Голос Украины. - 1994. - 20 янв.

8. Збірник статистичної звітності щодо результатів боротьби зі злочинністю в Україні за 1998 рік. - К., 1999. - С. 3.

9. Zvekic Ugljesa Criminal victimization in countries in transition. - UNICRI, Publication № 61. - Rome, 1998.

10. Profiles of criminal justice systems in Europe and North America // HEUNI series. - Vol. 26. - Helsinki, 1995. - P. 453.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ВИКТИМИЗАЦИИ

Туляков В.А.

Ранее мы уже обращали внимание на социальные, психические и моральные уровни изучения и функционирования виктимизации и преступности. Исследованиями установлено, что каждое общество в процессе взаимодействия с внешней средой накапливает определенный опыт. "Этот опыт является фундаментом, на котором зиждется самая возможность существования коллектива во времени. Естественно, коллектив заинтересован в хранении, накоплении и передаче этого опыта следующим поколениям. Передача накопленной информации происходит двумя путями: генетически и негенетически. Передача ненаследственной информации осуществляется в процессе социализации и целиком основана на научении. Хранение, передача и аккумуляция социальной информации предполагает ее упорядочение, во-первых, и отбор наиболее значимых фрагментов, во-вторых" [1].

Есть основания предполагать также, что виктимизация и преступность как социальные процессы также во многом определяются общей характеристикой и состоянием культуры общества, организующей человеческую жизнь в целом [2]. Как писал один из наиболее выдающихся социологов современности А.Дж. Тойнби: "Культурный элемент представляет собой душу, кровь, лимфу, сущность цивилизации; в сравнении с ними экономический и тем более политический планы кажутся искусственными, несущественными, заурядными созданиями природы и движущих сил его цивилизации. Как только цивилизация утрачивает внутреннюю силу культурного развития, она немедленно начинает впитывать элементы чужой социальной культуры, с которой она имеет контакты: А это, в свою очередь, ведет к упадку и расколу общества, "потерявшего свою душу и изменившего внешность" [3].

В этом смысле возможно говорить и о том, что социальные потребности, убеждения, ценности и нормы формируют исторические типы виктимного и преступного поведения, влияя на изменение систем социального контроля и отношения к жертвам преступлений.

Практически, и виктимизация населения, и преступность в конечном итоге определяются соотношением демографических и социально-ролевых факторов, ориентирующих индивида (социальную группу) на удовлетворение определенных потребностей с заданными обществом возможностями их удовлетворения. Если гипотеза о том, что виктимное поведение - вид отклоняющегося поведения, которому обучаются в процессе социализации, оказывается истинной (а это подтверждается всем ходом развития криминологической науки), то можно говорить и о том, что каждое поколение воспроизводит и передает определенные типы виктимного и преступного поведения своим потомкам.

Указанные типы во многом генерируются культурой общности, и их изменение, преобразование зависит от изменения (преобразования) иных материальных и социальных условий жизни общества.

Описывая исторические закономерности изменения мотивации преступности, М. Фуко справедливо отметил: "На самом деле смещение преступности от "кровавой" к "мошеннической" составляет часть сложного механизма, включающего в себя развитие производства, рост богатства, более высокую юридическую и моральную оценку отношений собственности, более строгие методы надзора, весьма жесткое распределение населения по "графам", усовершенствование техники розыска и получения информации, поимки, осведомления: изменение характера противозаконных практик соотносится с расширением и совершенствованием практик наказания" [4].

В 1942 году психолог Абрахам Маслоу впервые опубликовал свою теорию "иерархии потребностей", которая в определенной мере в состоянии частично объяснить проблему исторической изменчивости типовых форм преступного поведения и, соответственно, виктимности. По сути дела, теория Маслоу была выдвинута в противовес воззрениям З. Фрейда о сексуальной окраске основных человеческих побуждений и ценностей, марксистским концепциям экономического детерминизма и высказываниям Альфреда Адлера о доминирующей роли стремления к власти в человеческой истории и психологии.

Маслоу указал [5], что в случае, если человек голоден, он не имеет других сильных потребностей, кроме желания есть, и он не может представить себе никаких иных высоких целей, кроме стремления к получению постоянного и регулярного пропитания. Но вскоре после того, как получает (добывает) пищу, он начинает заботиться о безопасности - нужна крыша над головой. Если получает и это, он начинает думать о сексе - не просто стремясь к продолжению рода либо к удовлетворению половых потребностей, но к образованию семьи. Когда человек имеет дом, хорошую работу и счастливую семью, чего он еще желает? Социального признания, самоидентификации, уважения друзей, близких и знакомых. После того как удовлетворены все базовые потребности, что далее? Согласно Маслоу, возникает высший уровень потребностей и человеческих стремлений - стремление к самовыражению, созиданию, к творчеству (духовные диспозиции).

"Основной идеей классификации Маслоу является принцип относительного приоритета актуализации мотивов, гласящего, что прежде чем активизируются и начнут определять поведение потребности более низких уровней, должны быть удовлетворены потребности низшего уровня" [6]. В упрощенном виде теория Маслоу напоминает своеобразную лестницу или пирамиду, в которой потребности, ценности расположены в зависимости от их приближенности к тем или иным уровням человеческой самоорганизации (физиологические потребности, влияющие

на гомеостазис - потребности в безопасности - потребности в социальных связях - потребности самоуважения - потребности в самоактуализации). Нужно отметить, что при ближайшем рассмотрении теория иерархии потребностей Маслоу напоминает столь почитаемую в отечественной криминологии концепцию многоуровневой саморегуляции человеческого поведения через иерархическую систему взаимодействующих установок (В.А. Ядов) [7]. Это естественно, поскольку научное знание, даже основанное на различных идеологических и мировоззренческих парадигмах, все равно стремится к единству и унификации описания исследуемых процессов.

Если же мы попробуем применить теорию иерархии потребностей при историографическом анализе возникновения и развития общеуголовной агрессивной преступности и виктимизации в обществе, то окажется возможным выявление определенных автономных закономерностей, свойственных определенному классу преступлений, оказывающемуся достаточно типичным для конкретных исторических условий взаимодействия экономических условий жизнедеятельности общества, его этноса и культуры [8].

Необходимость анализа общеуголовной агрессивной преступности объясняется изменчивостью и вариативностью всей преступности в различных социально-правовых системах. Естественно, описания убийств рабов, детоубийств в рабовладельческих государствах, государственных и канонических преступлений в феодальных и терроризма в современных буржуазных и конвергированных системах не могут дать достаточно четкого понимания влияния генезиса иерархии потребностей на генезис преступности в целом. Здесь речь скорее должна идти о зависимости изменчивости преступности от изменчивости принятой в обществе системы ценностей. Так, тот же терроризм - есть логическое завершение принятой в современных общинах индивидуалистической установки на допустимое подавление себе подобных [9].

Как писал один из виднейших филологов, этнографов и исследователей славянской культуры Ю.М. Лотман: "Норма и ее нарушения не противопоставлены как мертвые данности. Они постоянно переходят друг в друга. Возникают правила для нарушения правил и аномалии, необходимые для нормы. Реальное поведение человека колеблется между этими полюсами. При этом различные типы культуры будут диктовать субъективную ориентированность на норму (высоко оценивается "правильное" поведение, жизнь "по обычаю", "как у людей", "по уставу" и пр.) или же ее нарушение (стремление к оригинальности, необычности, чудачеству, юродству, обесцениванию нормы амбивалентным соединением крайностей)" [10].

Так, в первобытнообщинных обществах пища и территория - наиболее важные вещи, и в случае, если человек совершал убийство, - именно стремление к овладению этими ценностями либо социальным признанием, определяющим характеристики владения данными ценностями, чаще всего было мотивирующим фактором агрессивных преступлений. "И сказал Господь Каину: почему ты огорчился? и отчего поникло лицо твоё? Если делаешь доброе, то не поднимаешь ли лица? а если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним. И сказал Каин Авелю, брату своему. И когда они были в поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его" [11].

На протяжении столетий указанные виды криминальной активности господствовали в структуре преступлений. Недаром Ньюгейтский справочник (как описание личности преступников, казненных в Ньюгейте в XVII веке) заполнен жизнеописаниями разбойников, убийц и грабителей. Однако насильники там, как правило, не встречались.

"Действительно, с конца XVII века наблюдается значительное снижение числа убийств и вообще физически агрессивного поведения; правонарушения против собственности приходят на смену насильственным преступлениям; кража и мошенничество теснят убийства и телесные

повреждения; не имеющая четких границ, спорадическая, но распространенная преступность беднейших классов сменяется преступностью ограниченной и "искусной"; преступники в XVII веке - "люди изнуренные, голодные, живущие одним моментом, разгневанные, преступники временные"; в XVIII же - "изворотливые, хитрые, расчетливые продувные бестии", "маргиналы", - писал, характеризуя это время, М. Фуко [12].

Расцвет буржуазных производственных отношений в XVIII - XIX веках привел к формированию викторианской мелкобуржуазной морали, ставящей одной из своих основных идей надклассовость, миролюбие, стремление к безопасности. "Безопасность, - писал К.Маркс, - есть высшее социальное понятие гражданского общества, понятие полиции, понятие, согласно которому все общество существует лишь для того, чтобы обеспечить каждому из своих членов неприкосновенность его личности, его прав и собственности" [13]. Большинство убийств того времени переходит из улиц в дома. Супружеское, бытовое убийство становится криминологической проблемой именно в XIX веке.

Затем, в 1888 году наступает новая эра - эра сексуальных преступлений. Убийство Джеком Потрошителем пяти ист-эндских проституток положило начало эпохе сексуальных преступлений, являвшихся единичными в прошлом веке и получивших массовое распространение в веке нынешнем. К 40-м годам XX столетия убийство из сексуальных побуждений либо связанное с последними стало столь же обыденным, как и убийство из корыстных побуждений два века назад.

В 60-е годы эпоха развития НТР, бунтующей молодежи, социальных и политических кризисов, противостояния двух систем породила преступления, мотивирующей основой которых была искаженная, гипертрофированная потребность в самовыражении, самоуважении. Немотивированные массовые расстрелы жителей в США, убийство Джона Леннона, деятельность банды Лабоцкого в Новокузнецке и Москве, ставившей своей целью привлечь внимание и завоевать авторитет среди московского криминального мира своей патологической жестокостью [14], - все указанные преступления характеризовались исключительно выраженной готовностью к доминантности, стремлением к самовыражению в преступлении. Типичным для данной новой волны агрессивных преступлений может служить заявление 18-летнего Роберта Смита, который положил на пол продуктового магазина в Аризоне пятерых женщин и детей, хладнокровно убил их выстрелами в затылок, а затем, дождавшись полиции, заявил: "Я хотел стать известным, заработать себе имя" [15].

Как видим, на низших этапах развития личности и общества детерминация преступности соответствует положениям Марксова экономического детерминизма, смещение вектора насилия в сферу семейных отношений обращает нас к Фрейд и проблемам замещенной агрессии, появление "безмотивных", самоактуализированных преступлений обращает нас к проблеме влияния бессознательного психического на формирование агрессивных побуждений и Адлеровского стремления к власти, - каждая теория по-своему права, но ни одна из них, к сожалению, не является универсальной.

Что же ждет нас дальше? Если верить концепции Маслоу, то следующей ступенью развития потребностно-мотивационной сферы человека должен служить всплеск креативных действий. "Даже когда все эти потребности удовлетворяются, мы все же часто (если не всегда) можем ожидать, что если индивид не занимается тем, для чего он предназначен, то вскоре возникнут новые неудовлетворенность и беспокойство. Чтобы находиться в согласии с собой, музыкант должен создавать музыку, художник рисовать, поэт писать стихи. Человек должен быть тем, чем он может быть. Эту потребность можно назвать самоактуализацией: Она означает желание человека самоосуществиться, а именно его стремление стать тем, чем он может быть" [16].

Трудно предположить, что убийство и стремление к творчеству совместимы (мошенничество с кредитными карточками, компьютерные преступления, преступления в сети Интернет - вот скорее всего конститутивная черта преступности следующего века), но, если Маслоу прав, мы можем смотреть в мировое будущее с оптимизмом.

"Социальное творчество станет нормой, законом человеческой жизнедеятельности. Девиантность социума примет формы, которые трудно предсказать сегодня", - писал по этому поводу Я.И. Гилинский [17].

Естественно, данный исторический экскурс нужно воспринимать с определенной осторожностью. Констатация сосуществования моральных установок того или иного периода с формами криминальной активности еще не может быть основанием для установления детерминационной зависимости между ними. Для этого должен быть проделан тщательный и кропотливый анализ по типологизации исследуемых явлений и их взаимосвязям в конкретно-исторических условиях.

Для нас же важно одно - наблюдаемое историческое изменение типов преступного поведения, увеличение интенсивности криминальной активности, похоже, сопровождалось естественными изменениями типов жертв преступлений (от богатого прохожего - к члену семьи, статусно-ролевой жертве и, наконец, - к деперсонифицированному члену ненавидимого общества).

Героизм, ритуальная жертвенность, обыденная и патологическая виктимность переплетаются и взаимодействуют точно так же, как и иные интра- и экстравертированные типы отклоняющегося поведения [18], завися во многом от изменения культуры общества, от изменения типовых форм преступного поведения в процессе социально-детерминированных смен форм групповой морали и нормосознания.

Указанное обстоятельство подтверждает существование гомеостатических связей между преступностью и виктимностью, нормативно распределяющихся в социуме и "перетекающих" друг в друга, перераспределяя формы и виды отклоняющегося поведения в зависимости от процессуального состояния общества[19].

По нашему мнению, преступность и виктимность выступают своеобразными формами адаптации процесса девиантности к процессу изменений социальной структуры. Вновь складывающиеся и законодательно, да и нравственно не подкрепленные общественные отношения и формы собственности порождают новую структуру преступности [20] и процессуально связанной с ней виктимности.

Так, изменения современного мироустройства в процессе очередного передела собственности в общепланетном масштабе волей-неволей сопровождаются структурным изменением преступности и темпов ее роста, увеличением стихийной виктимизации, уменьшением чувства общинной солидарности и зависимости в процессе урбанизации. Указанные изменения приводят, соответственно, к увеличению страха перед преступностью и общественным стремлениям к повышению собственной безопасности, защищенности наций, общины, индивида от любых видов угроз [21].

Например, в 90-е годы в Украине динамика изменений социальной и политической ситуации, связанная с системным экономическим и политическим кризисами и переходом общества на новые условия существования, как уже показывалось ранее, повлекла за собой переориентацию мотивации насильственных преступлений из ситуативно-бытовой к

утилитарно-корыстной. Определенная стабилизация отношений, напротив, вызвала к жизни бытовизацию криминального насилия.

До тех же пор, пока передел собственности и социального статуса между различными социальными группами не закончится и не будет закреплён в новом законодательстве и общественном сознании, преступность и виктимность будут служить одной из массовых форм неинституционализированного протеста против существующих общественных отношений и реакцией на эти отношения.

Вряд ли, думается, и изоляционистское сохранение, и воспроизводство ранее существовавших отношений, авторитаризм и тоталитаризм, обособленность развития культур и нации позволят долгое время сохранять устоявшиеся тенденции взаимодействия преступности и виктимности. Логика государственного устройства, основанная на постоянном, увеличивающемся насилии, как показывает опыт истории, неизбежно раскручивает спираль агрессивности, порождая новые, более опасные виды преступлений и загоняя общество в тупик, требуя снизить давление на криминальность.

Указанная закономерность взаимодействия преступности и виктимности как массовых форм проявления девиантности была ещё в начале века прозорливо отмечена Э. Ферри, сформулировавшим "закон насыщения общества преступностью".

По мнению Э. Ферри, в обществе наблюдаются определенные пропорциональные взаимосвязи между численностью населения, живущего в определенной социальной среде и в определенной культуре, и количеством преступлений.

В развитие этой идеи впоследствии было установлено, что при превышении "порога насыщения общества преступностью" общество распадается, будучи вынужденным естественным (посредством декриминализации) или искусственным (посредством аномии и массового виктимного поведения) путями декриминализировать существующие общественные отношения.

Наоборот, при понижении уровня преступности ниже порога социокультурных предписаний - растёт потребность общества в ужесточении уголовной политики, в увеличении количества уголовно-правовых запретов. "Жизнь предписывает борьбу, и эта борьба совершается как посредством честной или экономической деятельности, так и посредством деятельности бесчестной и преступной. С другой стороны, в социальном организме, как и во всяком другом, происходят неизбежные трения; и глупо принимать за порядок глубокую апатию и инертность слабого, рабского народа: Общественный порядок не может уничтожить всех трений и толчков в коллективном организме. Вся суть, чтобы свести все более или менее преступные толчки к минимуму", - писал Э. Ферри в своей монографии "Уголовная социология" [22].

Указанное обстоятельство ещё раз подчеркивает выявленную нами во взаимодействии преступности и виктимности определенную упорядоченность, взаимопереход и взаимозависимость как от самих себя, так и от существующих устоявшихся и развивающихся новых общественных отношений. Указанное свойство взаимоопределения и взаимоперехода преступности и виктимности определяется описанными в теории синергетики законами и закономерностями самоорганизации общественного организма.

Дисгармоничность и непредсказуемость взаимодействия преступности и виктимности на индивидуальном уровне сопровождаются относительно устойчивыми, упорядоченными связями и взаимодействиями на уровне социальном, носящими как правило гомеостатический характер. Изменение общественных отношений, влекущее за собой хаотичное структурное и динамическое изменение форм и взаимосвязей девиантности, порождает новые

закономерности, новые типичные взаимосвязи для нового развивающегося порядка общественных отношений.

Изучение закономерностей развития и взаимодействия виктимизации и преступности и их компаративистский анализ свидетельствуют, что в периоды стабильного, упорядоченного развития общественных отношений виктимность и преступность находятся в прямой корреляционной зависимости: страх перед преступностью, ощущения собственной безопасности и благополучия соответствуют заданным обществом моделям и характеристикам уголовной статистики.

Вместе с тем периоды социальных новаций и перемен, сопровождающиеся хаотическим развитием общественных отношений, убыстрением социальной дифференциации, социальной мобильности, понижением порога индивидуальной и общественной безопасности, приводят к наличию иных зависимостей: страх перед преступностью и виктимизация, ощущаемая населением, не совпадают, а порой даже обратно коррелируют с регистрируемым разваливающейся и изменяющейся системой уголовной юстиции уровнем преступности, что, естественно, отражается как на состоянии общественной безопасности, так и на уголовной политике данного общества.

Как правильно указала В.В. Василькова, "процесс социального упорядочения разворачивается по законам циклического чередования структур (режимов) рождения порядка и сохранения порядка, что проявляется как периодическая смена относительного преобладания рыночных и этатистско-тоталитарных тенденций, демократизма и авторитаризма, либерализма и консерватизма, традиционного коллективизма и индивидуализма и т.д" [23].

Высказанное вновь приводит нас к следующему выводу: с учетом реалий развития взаимосвязей преступности и виктимности, в демократических государствах современная политика должна быть сориентирована на потенциального потерпевшего и его защиту.

Наблюдающиеся в последнее время в развитых странах тенденции расширения систем тотального электронного контроля в целях обеспечения национальной безопасности, усиления полицейского контроля, определенного ограничения прав и свобод граждан для нейтрализации чувства страха перед преступностью [24] во многом отражают нелинейность процесса общественного развития, связанного со стимуляцией упорядоченности массового сознания, гармонизацией общественной морали и поведения потенциальных жертв преступлений в противовес энтропийным тенденциям криминалитета.

Жертва преступления, научные основы обращения с ней становятся необходимым элементом развития современной концепции уголовной и профилактической политики, профилактики преступности и иных форм отклоняющегося поведения.

Вряд ли можно предсказать, каким образом будет осуществляться развитие отношений в будущем. Полностью бесконфликтное, гармонично развивающееся общество - более утопия, чем реальность. Тем не менее рассмотрение проблем динамики виктимизации подтверждает сделанный Питиримом Сорокиным вывод о роли гармоничного, упорядоченного общества в профилактике девиаций.

"Уничтожение конфликтов, - писал он, - вовсе еще не означает уничтожения самого процесса развития и поступательного хода, а оно означает только то, что социальный процесс, будучи раньше конфликтным, перестал быть таковым и стал гармоничным (Подвижное и гармоничное равновесие)" [25].

Сегодня мы знаем, что процесс развития общества непрерывен и неравновесен. Вместе с тем гармонизация взаимоотношений органов социального контроля с потерпевшими от преступлений открывает определенные перспективы ограничения криминальности.

1. Байбурин А.К. Некоторые вопросы этнографического изучения поведения // Этнические стереотипы поведения. - Л.: Наука, 1985. - С. 8-9.
2. См.: Смелзер Нейл. Социология: Пер. с англ. - М.: Феникс, 1994. - С. 42.
3. Тойнби А.Дж. Постижение истории: Пер с англ. - М.: Прогресс, 1991. - С. 355.
4. Мишель Фуко. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. - М.: Асi marginem, 1999. - С. 111-112.
5. См.: Maslow A. The further reaches of human nature. - Harmondsworth, 1971; Colin Wilson. The Mammoth book of true crime. - London: Robinson publishing, 1988. - P. 345-348.
6. Хекхаузен Хайнц. Мотивация и деятельность. - М.: Педагогика, 1986. - Т. 1. - С. 113.
7. См.: Ядов В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. - М., 1975. - С. 89-105. См. также: Зелинский А.Ф. Осознаваемое и неосознаваемое в преступном поведении. - Х.: Изд-во ХГУ, 1986. - С. 44-52; Социология / Г.В. Осипов, Ю.П. Коваленко, Н.И. Щипанов, Р.Г. Яновский. - М.: Мысль, 1990. - С. 106-107.
8. В подтверждение этому см. работу А.Ф.Зелинского, в которой теория иерархии потребностей удачно применена при классификации мотивов корыстного поведения: Зелинский А.Ф. Криминальная психология. - К., 1999. - С. 60, 162-165.
9. См.: Хекхаузен Г. Мотивация и деятельность: Пер. с нем. - М.: Педагогика, 1986. - С. 365-366; Яковлев А.М. Теория криминологии и социальная практика. - М., 1985; Антонян Ю.М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. - М., 1998. - 305 с.
10. Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни. (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Литературное наследие декабристов. - Л., 1975. - С. 26.
11. Бытие. - Гл. 4. - Ст. 6-8 // Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. - М.: Известия, 1991. - С. 4.
12. Мишель Фуко. Парадоксы тюрьмы. - М., 2000 - С. 108-109.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - Т. 2. - С. 182.
14. См.: Модестов Н.С. Москва бандитская. - М.: Центрполиграф, 1996. - С. 358-372.

15. Colin Wilson. The Mammoth book of true crime. - London.: Robinson publishing, 1988. - P. 347; См. также: Убийцы и маньяки. Сексуальные маньяки, серийные преступления / Подгот. текста Т.И. Ревяко, Н.В. Трус. - Минск: Литература, 1996. - Ч. II.

16. Maslow A. Motivation and Personality. - NY, 1954. - P. 91, 92. - Цит по: Хекхаузен Хайнц. Мотивация и деятельность. - М.: Педагогика, 1986. - Т. 1. - С. 113.

17. Гишинский Я.И. Социологическое исследование преступности и иных антиобщественных проявлений. - М., 1986 - С. 29.

18. См.: Социальные отклонения. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Юрид. лит., 1989. - С. 241-242.

19. Примечательно, что при анализе тенденций пространственно-временного распределения преступности как открытой системы отечественные криминологи пришли к аналогичному выводу о существовании определенного криминального равновесия, когда при изменении одного типа преступной активности свободная ниша в общем пространственном распределении преступности немедленно занимает другой вид криминальной активности. См.: Забрянский Г.И. Криминологическая классификация регионов Российской Федерации // Вестник МГУ. - 1993. - № 2. - С. 50. - (Сер. 11: Право); Ли Д.А. Уголовно-статистический учет: структурно-функциональные закономерности. - М., 1998. - С. 70. Аналогичные тенденции наблюдались и при изучении взаимодействия преступности с иными видами девиаций. См., например: Туляков В.А. Балансы агрессивной активности // Тезисы докл. межвуз. науч.-практ. конф. молодых ученых. - Одесса, 1987. - Ч. 1. - С. 57.

20. См.: Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: (Синергетика и теория социальной самоорганизации). - С.Пб.: Лань, 1999. - С. 264.

21. См.: Kury H. Crime development and fear of crime. A comparison of western with post-communist countries // Криминологическая ситуация и безопасность в обществе: Материалы Первого Международного Причерноморского социально-девиантологического симпозиума. - Кишинев, 1995. - Т. 1. - С. 22; Безопасность и здоровье нации. - М., 1996. - С. 175.

22. Ферри Э. Уголовная социология. - М., 1908. - С. 283. - Цит. по: Иншаков С.М. Зарубежная криминология. - М.: Инфра-М - Норма, 1997. - С. 73. См. также: Матти Лайне. Криминология и социология отклоненного поведения. - Хельсинки, 1994. - С. 44.

23. Василькова В.В. Указ. соч. - С. 282-283.

24. См., например: Иншаков С.М. Зарубежная криминология. - С. 265-267.

25. Питирим Сорокин. Наказание и кара, подвиг и награда. Социологический этюд о формах общественного поведения и морали. - С.Пб., 1914. - С. 452.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ Туляков В.А.

Выявленные выше закономерности функционирования и взаимодействия преступности и виктимности приводят нас к необходимости признания того, что сегодня мы сталкиваемся с проблемой создания в обществе своеобразного направления -виктимологической

политики, призванной посредством защиты жертв преступлений, организации справедливого обращения с ними снизить конфликтность и тем самым содействовать ограничению преступности и девиантности в обществе.

Несмотря на то, что в современной литературе сформировалась точка зрения, согласно которой виктимологическое направление, - есть лишь часть деятельности по определению стратегии и тактики предупреждения преступности и уголовно-правовой защиты граждан [1], представляется, что по содержанию, предмету регулирования, субъектному составу виктимологическая политика несколько шире научно обоснованной стратегии и тактики предупреждения преступности и регулирования уголовно-правовых отношений, реализующейся в современной уголовной политике. [2]

По нашему мнению, виктимологическая политика - это деятельность по созданию адекватной правовой базы, правоприменительной практики, правовой идеологии и их ресурсного обеспечения, направленная на ограничение виктимизации граждан, снижение конфликтности и девиантности в обществе и интеграцию потенциальных потерпевших от преступлений и актов злоупотребления властью в нормальную жизнь.

По сути дела, сегодня она является ядром современной правовой политики в гражданском обществе описывающим тенденции, перспективы, стратегические направления организации обращения с потерпевшими от преступлений и жертвами злоупотребления властью и пути ограничения виктимизации граждан.

Рамки этой работы не позволяют в полном объеме осветить данную проблему, заслуживающую отдельного, многостороннего исследования. В этой связи остановимся только на описании основных принципов такой деятельности, развитие которых в границах совершенствования:

- * международного права (отработка вопросов организации международно-правовой защиты жертв преступлений, создание механизмов реституции и компенсации потерпевшим от преступлений);

- * конституционного права (создание модельных законов по правам жертв преступлений и злоупотребления властью);

- * административного права (согласование системы управления и обращения с жертвами преступлений, развитие моделей виктимологического мониторинга, организация системы виктимологической профилактики);

- * уголовного и уголовно-исполнительного права (решение вопроса о месте и роли потерпевшего в механизме преступного поведения, его уголовно-правовом значении, проблемы жертвы преступления и посткриминального поведения, роль жертвы и ее поведения в процессе назначения и исполнения наказания, ресоциализации преступников и пр.);

- * уголовно-процессуального права (изменение положения потерпевшего в уголовном процессе, обеспечение процессуальных гарантий соблюдения прав человека),

а равно других, не менее важных отраслей права, обеспечит постепенное снижение конфликтности, неадаптивного поведения и, естественно, преступности.

Не менее важными являются и:

- * организация системы исполнения законодательства, направленного на обеспечение прав жертв преступлений и организацию справедливого обращения с ними;

- * организация виктимологической идеологии, направленной на переориентацию общества с проблем преступника на проблемы жертв преступлений как на уровне простых граждан, так и сотрудников правоохранительных органов;

- * организация системы ресурсного обеспечения деятельности по обращению с жертвами преступлений и жертвами злоупотребления властью;

* укрепление взаимодействия между гражданами и системой уголовной юстиции. Указанные направления требуют обстоятельной научной проработки, что не представляется возможным сделать в рамках настоящей работы, цель которой - осветить основные, фундаментальные проблемы, требующие дальнейшего научного анализа, а также предложить определенные пути их решения.

Хотелось бы просто верить, что когда-нибудь и у нас в стране настанет день, когда руководитель силового подразделения на вопрос журналистов об актуальных задачах вверенной ему структуры сосредоточится не на "борьбе" с преступностью, а на защите и охране прав и законных интересов граждан.

Такая профессиональная идеология вырабатывается годами, но именно в этом ключе на сегодняшний день построено большинство международно-правовых документов, регламентирующих современные принципы виктимологической политики и организации обращения с жертвами преступлений.

Так, известно, что "Международный пакт о гражданских и политических правах"[3] в развитие идей Всеобщей декларации прав человека обстоятельно определил международные стандарты в области обеспечения прав жертв преступлений и жертв злоупотребления властью, а также гарантии их соблюдения, связанные с императивностью обеспечения прав и свобод любому лицу через эффективные средства правовой защиты.

Принятая ООН с целью оказания помощи правительствам и международному сообществу в их усилиях, направленных на обеспечение справедливости и представления доступа к правосудию жертв преступлений "Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью"[4], как было уже показано выше, послужила основным инструментом обеспечения международно-правовых стандартов в этой области.

Среди них особо важное значение имеют такие отправные положения как:

- * справедливое обращение с жертвой преступления;
- * обеспечение жертве преступления доступа к механизмам правовой и административной защиты;
- * защита от запугивания и мести;
- * обеспечение права на представление необходимой информации;
- * использование неофициальных механизмов;
- * обеспечение права на реституцию, компенсацию и социальную помощь.

Наиболее значимым является принцип справедливого обращения с жертвой преступления, так как обеспечение справедливости является центральной проблемой осуществления правосудия в современном гражданском обществе.

Нельзя не сказать, что развивая положения Декларации органы ООН неоднократно обращались к проблеме обеспечения справедливости в отношении жертв преступлений. Так, Экономический и Социальный Совет ООН на 13-м пленарном заседании 24 мая 1990 г. принял резолюцию 1990/22 под названием "Жертвы преступлений и злоупотребления властью"[5].

В этом документе речь шла о целесообразности развития региональных и международных мер, в особенности когда идет речь о жертвах транснациональных преступлений. Совет, обращаясь к ООН, рекомендовал ей поддерживать программы технического сотрудничества в целях создания специальных служб помощи жертвам, оказывать правительствам по их просьбе непосредственную помощь в области облегчения участи данной категории лиц, продолжать разрабатывать международные средства правовой защиты жертв преступлений, когда национальных каналов может быть недостаточно.

Через десять лет указанная работа была в основном завершена, получив свое наиболее последовательное отражение в резолюциях и рекомендациях X Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Вена, 2000), отметившего не только значимость укрепления международных стандартов в области обращения с жертвами преступлений, но и создания эффективных международных механизмов защиты жертв преступлений (в особенности, транснациональной преступности).

Значительную деятельность в области правосудия осуществляет Совет Европы, в рамках которого принято более 140 конвенций, регламентирующих проблемы защиты прав человека и прямое или косвенное ограничение виктимизации граждан[6].

С виктимологической точки зрения наиболее значимыми в этой области являются: Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г., Европейская конвенция о компенсации жертвам насильственных преступлений от 24 ноября 1983 г., Рекомендации относительно положения потерпевшего в рамках уголовного права и уголовного процесса от 28 июня 1985 г., и Рекомендации об оказании помощи жертвам и предупреждении виктимизации от 17 сентября 1987 г.

В рамках рассматриваемых нами вопросов особо следует выделить принятые Комитетом министров СЕ в 1985 году Рекомендации относительно положения потерпевшего в рамках уголовного права и уголовного процесса.

Идеология указанного документа сводится к обеспечению

укрепления доверия жертвы преступления к правосудию и склонение ее к сотрудничеству с правоохранительными органами.

Учитывая, что цели системы уголовного правосудия традиционно формулировались с точки зрения норм, касающихся отношений между государством и правонарушителем, сама современная система уголовной юстиции содействует только ухудшению проблем потерпевшего.

В этой связи было высказано мнение о необходимости обращать больше внимания на причиненный потерпевшему физический, психологический, материальный и социальный ущерб и рассмотреть меры, которые целесообразно принять в связи с этим для удовлетворения его потребностей на всех этапах уголовного процесса.

Данные меры должны содействовать достижению целей уголовного права и судопроизводства и, в конечном итоге, примирению между потерпевшим и правонарушителем.

Рассматриваемый документ послужил основой для выработки руководящих принципов, которые рекомендованы правительствам государств для пересмотра национального законодательства и практики обращения с потерпевшими от преступлений и жертвами злоупотребления властью.

Среди них выделяются следующие:

- * повышение профессионального уровня полиции, позволяющего обращаться с потерпевшими сочувственно, конструктивно и ободряюще;

- * информирование полицией потерпевшего о возможностях получения содействия, практической и правовой помощи, компенсации со стороны правонарушителей и государства, а также о результатах полицейского расследования;

- * осуществление производства допроса потерпевшего с учетом его личного положения, уважения его прав и достоинства;

- * освобождение правонарушителя от уголовной ответственности только после решения вопроса о компенсации потерпевшему;

- * информирование судом потерпевшего о дате и месте проведения разбирательства, возможностях получения возмещения и компенсации в ходе уголовного процесса, правовой помощи и способах, с помощью которых он может узнать об итогах рассмотрения дела;

- * закрепление в национальном законодательстве положения, согласно которому компенсация может устанавливаться либо в виде уголовной санкции, либо в виде меры ее заменяющей, или может назначаться в дополнение к уголовной санкции;

- * повышение уровня защиты потерпевшего от разглашения любых фактов, которые могут неоправданно затронуть частную жизнь или оскорбить достоинство потерпевшего (за счет закрытого судебного заседания, неразглашения личной информации и т.п.);

- * обеспечение эффективной защитой потерпевших от запугиваний и возможной мести со стороны преступника (особенно по делам организованной преступности).

Как видим логика виктимологического законодательства в странах Запада идет по пути формирования общих принципиальных положений, касающихся организации обращения с жертвами преступлений с их последующей конкретизацией в нормах-принципах, регламентирующих отдельные стороны взаимодействия жертв преступлений с системой уголовной юстиции и конкретные механизмы реализации таких прав.

Нет нужды говорить, что по этот путь должна пройти и Украина.

На наш взгляд, принципиально важным на сегодняшний день является признание следующих отправных конституционных положений при создании системы обращения с жертвами преступлений.

Ответственность. Ответственность за организацию обращения с преступником возлагается на государство, а не на жертву преступления. Государство несет юридическую и моральную ответственность за ущерб, причиненный жертвам преступлений, на его территории.

Право быть информированным. Все жертвы имеют право на получение четкой информации о развитии их дела и принимаемых решениях. В процессе расследования жертвы должны иметь право знакомиться с материалами дела и высказывать свои соображения о финансовых, эмоциональных и физических травмах, полученных ими, и любых страхах, прямым или косвенным образом связанных с преступлением. Указанные соображения должны приниматься во внимание при принятии решений по делу, включая привлечение виновного к ответственности, его осуждение и назначение адекватного наказания. После осуждения жертвы должны иметь право быть информированными о любых планах, касающихся правонарушителя, и иметь возможность высказать свои соображения по этому поводу. Службы, исполняющие наказание, должны принимать такие соображения во внимание при принятии соответствующих решений.

Защита. Жертвы, испытывающие страх перед мстостью со стороны преступников, их родственников и знакомых, должны иметь право на адекватную защиту, включая наложение дополнительных правоограничений на преступников (запреты контактов с жертвой, установление ответственности за нарушение принципов защиты и обеспечения безопасности жертвы). Организация безопасности жертвы должна включать право на изменение фамилии, места жительства, физическую охрану, право на обеспечение безопасности в суде при даче показаний.

Компенсация. Жертвы преступлений должны иметь конституционное право получения компенсации за причиненные преступлением физические и психические травмы, эмоциональный ущерб, потерю дохода, компенсацию лечения, не компенсируемые системой социальной помощи, принятой в государстве. Жертвам должна быть предоставлена возможность получить компенсацию от правонарушителя в процессе судебного разбирательства. В случае рассрочки получения компенсации от правонарушителя судебные органы должны напрямую возместить ущерб жертве, взыскав его впоследствии с правонарушителя. Лица, иждивенцы жертв насильственных преступлений имеют право на компенсацию за потерю кормильца и специальную компенсацию, размер которой зависит от статусного положения жертвы (государственные служащие, работники, занятые на опасных производствах, и пр.). Правила о компенсации в первую очередь распространяются на жертв насильственных преступлений и лиц, чье имущественное положение и социальный статус (проживание за "чертой бедности") не позволяют возместить самостоятельно ущерб, причиненный преступлениями имущественного характера.

Поддержка. Работники системы уголовной юстиции должны проходить специальное обучение, направленное на организацию обращения с жертвами преступлений. Жертвы должны быть в первую очередь проинформированными о всех судебных и административных процедурах, касающихся их, а также иметь возможность получить консультацию о их правах на всех стадиях административной и судебной процедуры. Правовая помощь и защита должны, по возможности, быть в первую очередь предоставлены жертвам преступлений. Жертвы должны иметь доступы к специальным системам поддержки, а также иметь специальные гарантии соблюдения их прав и интересов[7].

Указанные направления должны осуществляться также в процессе выявления, устранения или нейтрализации факторов, обстоятельств, ситуаций, формирующих виктимное поведение и обуславливающих совершение преступлений, выявления групп риска и конкретных лиц с повышенной степенью виктимности и воздействия на них в целях восстановления или активизации их защитных свойств, а также разработки или совершенствования уже имеющихся специальных средств защиты граждан от преступлений и последующей виктимизации (виктимологической профилактики преступлений) [8].

С точки зрения большинства специалистов, содержание виктимологической профилактики преступлений включает в себя деятельность, направленную на "выявление, устранение или нейтрализацию факторов, обстоятельств, ситуаций, формирующих виктимное поведение и обуславливающих совершение преступлений, выявление групп риска и конкретных лиц с повышенной степенью виктимности и воздействие на них в целях восстановления или активизации их защитных свойств, а также разработка или совершенствование уже имеющихся специальных средств защиты граждан от преступлений и последующей виктимизации"[9].

Указанная деятельность, основываясь на исследованиях и анализе потенциальных криминогенных ситуаций и возможностей совершить преступление в отношении конкретных групп потерпевших посредством расчета индексов возможности совершить преступление и индексов мотивации преступлений по методикам ООН, в основном реализуется в формах:

- * ситуативной профилактики (устранение объекта преступного посягательства, затруднение доступа к нему посредством архитектурного планирования и применения средств активной и пассивной безопасности, изменение мотивационной ценности объекта преступного посягательства и пр.);

- * общинной профилактики (создание гармоничных отношений внутри общины; компетентность обращения с потенциальными жертвами; кооперация населения и органов уголовной юстиции, создание систем медиации, направленных на неконфликтное разрешение критических ситуаций, организацию благоприятных и гармоничных условий жизнедеятельности общины, снижающих социальную напряженность и готовность к совершению преступлений);

* индивидуальной виктимологической профилактики (через обеспечение личной безопасности и проведение компаний по научению потенциальных потерпевших способам нейтрализации конфликтов, принятие специальных мер для потерпевших с повышенной виктимностью).

По сути дела, современная виктимологическая профилактика служит целям организации обеспечения безопасности граждан от реальных либо потенциальных преступных посягательств.

Вместе с тем, как было показано выше, виктимность и преступность связаны друг с другом сложной системой гомеостатических отношений на различных уровнях социального бытия. В этой связи, по нашему мнению, программы виктимологической профилактики преступлений, помимо решения стандартных вопросов организации сокращения виктимности, должны помочь жертвам в обхождении с эмоциональной травмой, участии в уголовном процессе, получении возмещения и решении иных проблем, связанных с виктимизацией.

По сути дела, речь идет о переориентации виктимологической профилактики от имеющих узкоутилитарную направленность программ ограничения виктимности к комплексным государственным программам обращения с жертвами преступлений.

Такие программы должны быть хорошо организованы, с четко определенными целями, снабжены необходимым персоналом (на оплачиваемой и неоплачиваемой основе) и обеспечены поддержкой государственных агентств.

Мировой опыт свидетельствует, что такие программы должны иметь возможность обеспечения современной системы помощи жертвам или, если они в состоянии предоставить только ограниченные услуги, - то эти программы должны быть скоординированы с программами иных служб с целью обеспечения продолжительности поддержки в среде жертв преступлений.

К основным направлениям их деятельности относятся:

* вторжение в кризисные ситуации посредством обеспечения безопасности для жертв, создание возможности выплеснуть эмоции, организации эмоциональной поддержки в процессе консультирования и первой встречи жертвы с представителями социальных агентств и правоохранительных органов (это основа основ современной концепции обращения с жертвами преступлений. Как правило такая деятельность включает в себя: проведение комплекса мероприятий по организации физической и психологической безопасности жертвы[10]; обеспечение конфиденциальности взаимоотношений жертвы с представителями правоохранительных органов и социальных служб; следование потребностям жертвы в процессе первичного контакта; оказание первичной психологической помощи через процесс замещения, дискуссии, признания того, что она все еще член общества и совершение преступления в отношении ее не переводит ее в разряд неприкасаемых, дачи разрядки выражению мыслей, эмоций и чувств; оказании помощи и поддержки в понимании того, что ужас и страх перед преступлением нормальны и стыд не означает, что жертва - нездоровая персона; оказание помощи в подготовке к тому, с какими последствиями преступления еще предстоит столкнуться; описание и научение навыкам восстановления контроля над ситуацией; "вымывание" стресса; понижение кризиса посредством немедленного обеспечения личной безопасности; восстановление потребности жить и приносить счастье);

* немедленное оказание прямой помощи (включая скорую медицинскую помощь, предоставление временного убежища, еды, возмещение собственности, помощь детям, уборка места совершения преступления, транспортные услуги, смена замков);

* информационная поддержка касательно прав жертвы на всех стадиях общения с представителями государственных агентств и организаций;

* консультирование (включая эмоциональную поддержку в процессе индивидуального и группового консультирования, длящегося консультирования и психологической помощи; прямое направление в убежище, помощь в замене вещей, перемене места жительства; обеспечение жертвы информацией о том, как предупредить дальнейшую виктимизацию, к кому обращаться за помощью для консультирования, включая уполномоченных по правам человека);

* адвокатская деятельность (обеспечение юридической помощи и представительства законных прав и интересов жертвы при получении страховки, компенсации, вовлечении госслужб в восстановление собственности, помощи в получении убежища, помощи в уголовном процессе);

* оказание помощи в процессе расследования уголовного дела и судебного разбирательства, а также иных контактов с системой уголовной юстиции (информация о правах; персональная поддержка в процессе слушаний; обеспечение скорейшего возвращения собственности, реституции; поддержка в процессе апеллирования, обеспечение исполнения решения);

* обучение привлеченных профессионалов со специальным уклоном на права жертвы (психологическая подготовка, включающая снятие стрессов, недопущение физического, психического, эмоционального безразличия по отношению к правам жертвы; недопущение переноса виктимизации на себя, приводящего к неверию в идеалы и систему уголовной юстиции; снятие посттравматических стрессов от видения от виктимизации жертвы);

* предупреждение виктимизации (предупреждение первичной и вторичной виктимизации, работа с рецидивными жертвами, скоординированность программ ограничения виктимизации с программами и планами предупреждения преступности, проведение общественных компаний по интеграции потерпевших и органов уголовной юстиции, создание специальных координационных органов по виктимологической профилактике) [11].

Перечисленные виды деятельности в основном осуществляются подготовленными профессионалами, стремящимися последовательно добиться как общего снижения страха перед преступностью у населения так и ограничить виктимизацию посредством адресного вмешательства в жизнедеятельность определенных типов жертв. Работа эта достаточно сложная и требует высокого уровня подготовки. Вместе с тем, потребность в такой системе реально имеется и упускать возможности по виктимологической подготовке кадров нельзя.

Так, автор этой работы на протяжении 3 лет для студентов судебно-прокурорского факультета Одесской национальной юридической академии читал спецкурс посвященный основам виктимологии и виктимологической профилактики преступлений. Практика показала, что будущие юристы с огромным интересом относятся к изучению материалов, связанных с посттравматическим консультированием, оказанием жертвы эмоциональной и психологической поддержки. Нет нужды говорить, что обучение правовым и социальным аспектам виктимологии, методикам посттравматического консультирования, снятия стрессов, отработке навыков поддерживающих социальных связей, навыков медиации крайне важно при формировании молодых юристов и должно развиваться и далее. Мы не можем воспитывать квалифицированных юристов, не внушая им с самого начала, что с жертвой надо обращаться как с человеком, а не как с возможным источником доказательств!

Вместе с тем, решение комплекса указанных задач невозможно без последовательной проработки вопросов ресурсного и законодательного обеспечения виктимологической политики, разработки нормативных стандартов обращения с жертвами преступлений.

1. См.: Багрий-Шахматов Л.В. Социально-правовые проблемы уголовной ответственности и форм ее реализации. - Одесса: АО Бахва, 1998. - С. 27-29.

2. А.Ф.Зелинский обоснованно, на наш взгляд, полагает, что с точки зрения логики организации социального контроля в гражданском обществе было бы правильное говорить о криминологической, а не об уголовной политике. См.: Зелинский А.Ф. Криминология: учебное пособие. - Харьков: Рубикон, 2000. - С.15-16.

3. Принят резолюцией 2200А(XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г.

4. Принята на 96-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН 29 ноября 1985 г.

5. Doc: E/AC.57/1990/^0/3.

6. См.: Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью /Сост. Москалькова Т.Н. и др. - М.: Издательство "Спарк", 1998. - 388 с.; Международные нормы и правоприменительная практика в области прав и свобод человека. -М.,1993.-С.13-15.

7. Подробнее см.: Handbook on justice for victims. On the use and application of the United Nations Declaration of Basic Principles of Justice for Victims of Crime and Abuse of Power // Doc. E/CN.15/ 1997/CRP.11. - Rev. ed. - April 1998; A statement of victims' rights // Crime victims watch. - Vol. 1, № 1. - April 1996. - P. 14-15.

8. См.: Веселуха В. Значення ВІКТИМОЛОГІЧНОЇ профілактики у СИСТЕМІ попередження злочинності // Право України . - 1999. - № 9. - С.6 7-69.

9. Криминология: Учебник / под ред. Долговой А.И. - М.: ИНФРА-М-Норма,1997. - С.377-378.

10. Известно, что жертва чувствует себя небезопасно, когда: ее опрашивают рядом с правонарушителем; в том же помещении, где имело место нападение; ей не дали возможности переодеться; она голодна, замерзла и ощущает себя некомфортно; нападающий не найден и угрожал вернуться; преступник известен жертве, боящейся последствий дать делу официальный ход; членам семьи и близким жертвы угрожают.

11. Подробнее см.: Handbook on justice for victims. On the use and application of the United Nations Declaration of Basic Principles of Justice for Victims of Crime and Abuse of Power // Doc. E/CN.15/ 1997/CRP. 11. - Rev. ed. - April 1998.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОБРАЩЕНИИ С ЖЕРТВАМИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В УКРАИНЕ /Туляков В.А./

Мировой опыт свидетельствует, что наиболее совершенное законодательство в области обеспечения компенсации жертвам преступлений предусматривает, как правило, достаточно дифференцированное число просителей (жертвы, родственники, иждивенцы, туристы, граждане, виктимизированные за рубежом), ограниченные основания применения компенсационных программ (распространение компенсации на насильственные преступления против личности и, частично, имущественные преступления) и строго определенные источники финансирования (издержки и штрафы, накладываемые на преступников, госбюджет).

Представляется, что при взвешенном анализе и минимизации предлагаемых политиками популистских норм о защите всех и вся наше государство может получить достаточно мобильную и эффективную систему законодательного обеспечения виктимологической профилактики преступности.

К числу подобного рода законопроектной деятельности в Украине могут быть отнесены:

- * во-первых, разработка Государственной концепции помощи жертвам преступлений и злоупотреблений властью наряду с введением специального законодательства, направленного на распространение единых государственных средств социальной, правовой и материальной помощи на всех жертв преступлений, и введение особых мер защиты для государственных служащих (Закон прямого действия "О потерпевших от преступления и злоупотребления властью");

- * во-вторых, создание государственно-общественной системы виктимологической помощи гражданам и легализация схем компенсационной поддержки потерпевших за счет средств децентрализованных фондов поддержки, которые формируются за счет наложения на преступников дополнительных судебных издержек.

Изложенное позволяет предложить следующую схему создания виктимологического законодательства в Украине:

- * разработка и принятие пилотной программной Государственной концепции помощи жертвам преступлений. Концепция определит основные направления формирования системы государственной и негосударственной помощи жертвам преступлений, а также особенности структурного, ресурсного и материального финансирования системы государственной поддержки жертв с помощью средств, полученных за счет наложения на преступников дополнительных судебных издержек. К примеру, установление специальной пошлины в фонд помощи потерпевшим в размере 10 минимальных заработных плат при среднестатистическом числе осужденных в Украине за год в 200000 человек только за три года первичного накопления средств (а именно этот срок нужен для обеспечения финансирования) даст сумму примерно в 60 миллионов долларов США, достаточную для обеспечения жертв насильственных преступлений в Украине приличной компенсацией;

- * создание и принятие основанной на положениях Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и жертв злоупотребления властью и иных международно-правовых документов Конституционной Декларации прав потерпевших от преступлений, отражающей общие принципы правового положения жертв преступлений в национальной правовой системе и служащей ориентиром при формировании специального законодательства;

- * разработка и принятие, с учетом анализа действия Декларации и пилотной Государственной программы, Закона "О потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью", который, наряду с иным специальным виктимологическим законодательством, защищал бы определенные категории населения (женщин, детей, престарелых).

Такое, основанное на принципах субсидиарности и селективности компенсации и реституции, законодательство должно определить основы правовой, социальной и материальной помощи жертвам преступлений, их родственникам и иждивенцам.

По нашему мнению компенсация жертвам преступлений должна определяться судом в зависимости:

- * от характера и тяжести совершенного преступления;
- * от механизма его совершения (компенсации, как правило, должен подлежать ущерб, причиненный умышленным преступлением);
- * от финансового положения жертвы (определяемого в соответствии с положениями законодательства о социальном обеспечении и социальном страховании);

* от особенностей поведения жертвы (компенсация подлежит ущербу лишь в том случае, если поведение жертвы в конфликте было правомерным. Лица с отклоняющимся, конфликтным поведением не имеют права на компенсацию);

* от статусно-ролевого положения жертвы и ее родственников (член организованной преступной группы, правопослушный гражданин);

* от гражданства жертвы (иностранец, местный житель);

* от особенностей функционирования системы уголовной и административной юстиции в стране.

В структуре данного закона, по нашему мнению, должны быть отражены также:

* специфика применения правовой, индивидуальной и социальной помощи к отдельным социальным группам (туристы, государственные служащие, дети, престарелые, женщины);

* особенности расчета, условия применения и лимиты компенсации в зависимости от степени тяжести совершенного преступления и значимости причиненного жертве ущерба;

* наконец, генерализованные и локальные схемы компенсации и реституции потерпевшим от преступления.

Разработка подобной системы практической помощи жертвам преступлений должна быть основанной на профилактическом законодательстве партнерского, а не конфронтационного типа. При этом виктимологическое законодательство должно быть согласовано и найти специальное отражение в нормативных актах регламентирующих:

* юридические аспекты обращения с жертвами преступлений и жертвами злоупотреблений властью (помощь адвокатов, органов системы уголовной и административной юстиции, иных государственных органов);

* социальные аспекты обращения с жертвами преступлений и жертвами злоупотреблений властью (социальное и медицинское обеспечение и страхование, иные формы социальной защиты и помощи);

* индивидуальные, психологические аспекты обращения с жертвами преступлений и жертвами злоупотреблений властью (смягчение психических, физических и социальных последствий преступления и злоупотребления властью).

Понятно, что создание такого комплекса виктимологического законодательства, - дело не одного дня. Однако рекомендованный ООН срок для имплементации норм Декларации Основных принципов правосудия и для жертв преступлений и жертв злоупотребления властью (2002 год), - не за горами. И последовательное решение вопросов организации правовой базы обращения с жертвами преступлений в состоянии, на наш взгляд, с минимальными затратами и максимумом эффективности содействовать снижению уровня напряженности в украинском обществе и ограничению преступности.

Как не стать жертвой насильственного террористического акта

Терроризм всегда выступает как жестокое, немотивированное, иррациональное насилие, применяемое для создания атмосферы страха и тревожности. Люди оценивают значимость террористических группировок не по тому, какие политические задачи они преследуют, какие деяния совершают, но по тем эмоциональным и психологическим последствиям, которые влекут за собой акты террора. На самом деле тотальный страх и боязнь за все и вся, дезорганизация нормальной деятельности государства, отдельных структур - вот основные цели, преследуемые террористами.

Выше мы рассматривали основные характеристики деятельности террористов, связанной с захватом заложников. Нет резона, наверное, говорить и об особенностях обеспечения личной безопасности при заказных убийствах. Профессиональный "киллер" практически всегда в состоянии найти брешь в системе защиты охраняемого объекта. Поэтому, кроме общих приемов обеспечения личной безопасности, сводимых опять таки к Эпикуровскому "живи незаметно" нам в подобном научно-популярном издании, пожалуй, и добавить нечего. Обеспечение личной

безопасности при возможностях совершения заказных убийств - дело специальных служб, задачей которых и является аккуратное, грамотное, нетипичное и не связанное с рутинными и известными всем методами защиты "передумывание" и "переигрывание" возможных нападений на их клиентов, что достигается только высочайшим профессионализмом и тренированностью потенциальной жертвы и ее охранника. Ведь охрана срабатывает тогда и только тогда, когда сбором различной информации о возможностях нападения на объект, прогнозом криминальных ситуаций и поиском путей противодействия, внедрением специальной аппаратуры защиты и противодействия терактам заняты не только телохранители но и профессиональные менеджеры по безопасности. Да, их услуги стоят дорого, но ведь собственная безопасность гораздо дороже. Напомним, что только за прошлый год от рук наемных убийц погибло более 500 человек. Во время 63 "разборок" за раздел сфер влияния между преступными группировками, происшедших в 1994 году в Украине было убито 98 и ранено 46 лидеров и участников преступных групп

Ниже приведены основные приемы и принципы обеспечения личной безопасности при таких участвовавших к сожалению в странах СНГ преступлениях как террор с применением взрывных устройств. В Москве, например, за первую половину 1995 года произошло 56 взрывов, от которых пострадало 12 человек. При этом пока не задержан ни только ни один из заказчиков, но и никто из исполнителей терактов.

Для того, чтобы уцелеть "на минном поле" применительно к типичным ситуациям советуем вам:

В доме и вокруг него...

- * Территория вокруг дома должна хорошо просматриваться, не иметь густых зарослей, которые могли бы послужить укрытием при закладке взрывного устройства.

- * Если на улице, где вы живете, плохое освещение - обращайтесь в соответствующие службы местной исполнительной власти с требованием наладить освещение.

- * Не рекомендуем вам у входа в подъезд устанавливать различного рода бытовки, сараи, гаражи.

- * В больших домах каждый вечер желательно организовывать дежурство жильцов, следящих за незнакомцами, входящими в ваш дом и выходящими из него, за припаркованными машинами, не принадлежащими соседям, за подозрительными лицами, бесцельно прогуливающимися у вашего дома, а также за предметами, оставленными без присмотра у дверей в подъезд, у ваших дверей или у дверей соседей. В особенности будьте внимательны, если указанные предметы издадут какие-либо звуки, если в них видны какие-либо провода. В этом случае необходимо было бы предупредить жильцов близлежащих квартир о возможной опасности и эвакуировать их. О любых подозрительных лицах или предметах необходимо сообщать в милицию.

- * Не предпринимайте никаких мер с подозрительными предметами до приезда милиции.

- * Следите за тем, чтобы поблизости от вашего дома находился исправный телефон-автомат.

- * Входная дверь в подъезд вашего дома всегда должна быть укреплена и оборудована кодовыми замками. То же самое, кстати, относится к "черному ходу" и иным выходам во двор. Подъезд и лифт следовало бы оборудовать пожарной сигнализацией. Двери в подвал и на чердак укрепить, закрыть и ключи передать одному назначенному из числа соседей лицу.

В автомобиле...

- * Если вы опасаетесь террористического акта, оборудуйте ваш автомобиль противоугонной сигнализацией и постарайтесь не оставлять автомашину без постоянного контроля с тем, чтобы исключить проникновение к нему посторонних.

- * Всегда ставьте машину в гараж или на охраняемую стоянку. При возможности оборудуйте автостоянку офиса видеонаблюдением.

* Подходя к автомобилю каждый раз проверяйте его внешнее состояние. В случае серьезных опасений, приобретите детектор взрывчатых веществ или на худой конец, специальное зеркало для осмотра днища и каждый раз перед посадкой проверяйте свой автомобиль.

* В случае обнаружения торчащих из под машины проводов, натянутой лески или проволоки, отойдите от машины на возможно далекое расстояние, исключив предварительно подход к ней других лиц, и вызовите милицию.

В офисе...

* В зависимости от объема посетителей на вашем предприятии, установите при входе стационарный металлодетектор и детектор взрывчатых веществ (либо приобретите для охраны ручные металлодетекторы и детекторы взрывчатых веществ). Указанные приборы в состоянии обнаружить у любого посетителя как наличие оружия, так и наличие взрывчатки.

* Установка системы видеонаблюдения и видеозаписи позволит вам выявить посетителя, "случайно" забывшего в конторе портфель или сверток. С такими предметами следует обращаться очень осторожно: их нельзя трогать, переносить с места на место, заливать водой, накрывать и т.п.

* При анализе корреспонденции в первую очередь обследуйте детектором взрывчатых веществ толстые пакеты, бандероли, в особенности, если они содержат пометки "лично в руки", "вскрыть такому то". Опасайтесь конвертов и пакетов, сумок, коробок конфет со специфическим запахом, похожим на запах гуталина. Такую корреспонденцию и передачи нельзя вскрывать ни в коем случае - как правило, взрывное устройство срабатывает на вскрытие.

* При обнаружении подозрительных объектов, информируйте об этом правоохранительные органы, обесточьте помещение, выключите газ, спокойно и без паники эвакуируйте персонал, а также необходимые документы и ценности.

После происшедшего взрыва... * Убедитесь в том, что вы не получили серьезных травм.

* Успокойтесь и прежде чем предпринимать какие-либо действия внимательно осмотритесь.

* Постарайтесь по возможности оказать первую помощь другим пострадавшим.

* Помните о возможности новых взрывов, обвалов и разрушений и, не мешкая, спокойно покиньте опасное место.

* Выполняйте все распоряжения спасателей после их прибытия на место происшествия.

Об оружии и не только

Действующее законодательство в соответствии с презумпцией активной обороны гражданина на сегодняшний день позволяет правопослушным гражданам иметь в личной собственности оружие и специальные средства самообороны (охотничье оружие, специальные средства самообороны, заряженные веществами слезоточивого и раздражающего действия, пневматические пистолеты, арбалеты и иные виды метательного оружия, холодное охотничье оружие). И хотя большинство юристов с нами обоснованно не согласится, в дальнейшем для обозначения всего спектра средств индивидуальной защиты граждан от преступных посягательств мы будем условно применять термин "оружие защиты".

Для его приобретения, хранения, ношения и использования существуют определенные нормы и правила, нарушение которых может привести к серьезным последствиям (вплоть до уголовной и административной ответственности). Естественно, что в любом оружейном магазине любой продавец объяснит технологию приобретения оружия. Некоторые магазины вообще берут функции оформления документов на право приобретения и ношения оружия на себя.

Возникает лишь один вопрос: а надо ли на самом деле приобретать оружие защиты?

С одной стороны вроде бы все верно - приобретение оружия защиты позволяет гражданам активно обороняться от посягательств преступников. Ибо защитить себя, свою семью, своих близких можно только при наличии в руках весьма весомого аргумента, коим такое оружие и является.

С другой стороны - практика применения подобного рода оружия свидетельствует о гораздо большем количестве несчастных случаев, происходящих при обращении с ним, чем об эффективности его использования в борьбе с преступностью.

В тех же многострадальных Соединенных Штатах Америки, где право на свободное приобретение огнестрельного оружия (правда ныне уже с определенными ограничениями) стало притчей во языцех, прекрасно известно, что ежегодно там от огнестрельных ран погибает около 37 тысяч человек, тогда как среднее количество умышленных убийств составляет примерно 21 тысячу случаев в год. Смертность от огнестрельных ран стала одной из основных причин гибели подростков и молодых людей в возрасте от 14 до 20 лет. Известно также, что вероятность того, что находящееся в доме оружие причинит вред домочадцам в 43 раза выше, чем возможность того, что им удастся поразить злоумышленника.

Не говоря уже о крайне опасном в обращении огнестрельном охотничьем оружии, определенную тревогу и озабоченность вызывает приобретение населением газовых пистолетов. Газовые пистолеты (револьверы) не зря называют оружием-провокатором. С одной стороны, они придают их владельцу излишнюю уверенность и браваду в том, что ему удастся избежать и остановить вовремя развитие критической ситуации, только погрозив револьвером. С другой стороны, их низкая боевая эффективность (сопряженная с определенными ограничениями по их применению), чрезмерная схожесть с боевым оружием в преступном конфликте могут спровоцировать злоумышленника на совершение иных, гораздо более активных и агрессивных действий, чем планировалось ранее.

Профессионалы преступного мира давно уже вооружены "боевыми стволами". И в силу этого совсем нельзя исключать вариант, когда в ответ на ваше предупреждение о применении газового оружия, вы получите пулю.

Ну и наконец, в третьих, газовый пистолет - это все-таки пистолет. И его владельцу, выложившему 100-200 долларов за "вороненного красавца", все-таки хочется его испробовать, похвастаться перед знакомыми (ведь это не боевое оружие, какой от него возможен ущерб). Результатом чего, как к сожалению свидетельствует опыт многих владельцев, являлись личные травмы и травмы близких людей.

С другой стороны вооруженность преступного мира, требует ответных мер и со стороны населения. "Вооружайтесь!" - гласят рекламы магазинов, - "Мы поможем вам защититься, мы спасем вас от насилия". Но ведь вооружаться нам приходится совсем не тем, что имеется в руках у преступников.

Вместе с тем, мы отнюдь не призываем вас не приобретать оружие защиты. Это право граждан и от нас самих зависит, превратится ли оружие защиты в наших руках в помощника и доброго попутчика, либо в источник повышенной опасности, угрожающий нашим близким.

Какое оружие следует выбирать...

При выборе оружия все таки руководствуйтесь предписаниями закона и ни в коем случае не приобретайте его с рук.

На сегодняшний день лица достигшие 18-летнего возраста могут, без получения соответствующих разрешений приобрести в собственность газовые баллончики, некоторые виды пневматического оружия, звуковое, световое и ультразвуковое оружие. Учитывая, что действующее законодательство довольно динамично, мы не рекомендуем вам покупать такие экзотические средства самообороны как "световые" гранаты, "шумовые" бомбы, ультразвуковые пистолеты. Пока данные виды вооружений еще не получили распространения у нас в стране вроде бы ничего страшного нет. Однако, не исключен вариант, что позднее законодатель решит по другому. И ваша ультразвуковая "игрушка" отправится в мусорное ведро. Это, кстати, подтвердил случай с электрошоковыми устройствами, сначала совершенно спокойно продававшимися в комиссионных магазинах в секциях электротоваров, а впоследствии запрещенными к нахождению в собственности граждан в силу их повышенной общественной опасности.

Недостатками экзотических вооружений является, кстати, и полное отсутствие специальных пособий и адаптированных методик их использования. Это отнюдь не свидетельствует в пользу необходимости закупать неизвестно как работающую "световую" гранату для личного пользования.

Наличие определенной травмоопасности при повседневном ношении и обращении снижает позитивные качества пневматического оружия как оружия безопасности. Поэтому если вы решили приобрести средства самозащиты, - рекомендуем вам приобретать либо газовый баллончик либо выпускаемые российской "оборонкой" пирожидкостные устройства типа "Удар".

Вы приобрели газовый баллончик...

При выборе газового баллончика (все они, кстати, заполнены только слезоточивыми раздражающими газами типа CN-отечественный аналог "Черемуха" или CS) обратите внимание на:

- * Срок изготовления и срок действия. Если они не указаны или обозначены нечетко - откажитесь от покупки. Посмотрите, запаян ли клапан-распылитель.

- * Внимательно изучите инструкцию, нанесенную на корпусе баллона и выслушайте, а если надо, то и запишите рекомендации продавца-консультанта об особенностях эксплуатации и использования данного типа баллона.

- * Купив баллончик, освободите клапан распылитель от фиксаторов (спаяк) и опробуйте его. Делать это лучше в безлюдном месте при ветре, дующем вам в спину.

- * При необходимости применения газового баллона в критической ситуации помните:

- * Наибольшая эффективность достигается при мгновенном и резком выбросе газа, когда противник находится на расстоянии не менее одного метра. Для этого, если вы опасаетесь нападения, чувствуете возможную угрозу - приготовьтесь заранее. Достаньте баллончик из кармана, из сумочки, поместите его в руке таким образом, чтобы отверстие распылителя было направлено в сторону вероятной атаки, и при первых же признаках нападения наносите ответный удар.

- * При использовании баллона держите его вертикально, не переворачивая и не наклоняя на бок. Возможна ситуация, что сопло забьется и баллончик откажет.

- * Ни в коем случае не контратакуйте злоумышленника, если он угрожает вам пистолетом. Этим вы можете принудить его совершить непоправимое.

- * Стандартный запас газа в баллоне рассчитан примерно на 15 пусков. Поэтому, контратакуя противника, постарайтесь выпускать ему в лицо не одну длинную струю газа, а несколько резких порций, постепенно сближаясь с противником. Болезненное ощущение наступит примерно через пять секунд, поэтому постарайтесь "достать" злоумышленника наверняка.

- * Старайтесь по возможности не применять газовое оружие в помещениях с ограниченным объемом воздуха (лифтах, автомобилях и пр.). Если же нужда заставила - примите меры предосторожности.

* При попадании струи газа на кожу, не промывайте ее водой, не смазывайте кремами - они только усилят жжение. Воспользуйтесь для этих целей спиртосодержащими жидкостями. При попадании газа в глаза попытайтесь промыть пораженное место струей воды (хотя эффект от этого будет весьма незначительным) и сразу же обратитесь к врачу.

Вы решили купить газовый пистолет (револьвер)...

Покупка газового оружия несколько более регламентирована, чем покупка баллонов. Вам придется посетить нарколога, психиатра, получить акт о возможности размещения оружия у своего участкового, оплатить пошлину, посетить отделение милиции и предъявить паспорт, две фотографии и прочая, прочая, прочая. Лишь только после всех этих мытарств и волокиты вы получите разрешение на приобретение оружия, которое и принесете в магазин.

Какое же оружие выбрать, решать вам самим. Если говорить о наших предпочтениях, то с точки зрения наибольшей эффективности можно было бы порекомендовать большие и соответствующие по размерам боевой модели 8 mm пистолеты систем "VEGIL", "Reck Miami", "Valtro Devil" и т.п. Существенными недостатками этих моделей являются их вес и цена, однако большая скорострельность и огневая мощь с лихвой перекрывают эти факторы. К тому же в некоторых ситуациях, даже угроза огромной Береттой может сыграть свою позитивную роль. В этой же связи не рекомендуем вам приобретать 9 mm пистолеты и в особенности револьверы. Естественно, это касается и таких экзотических моделей на нашем рынке как модели 6 mm калибра. Настоятельно не рекомендуем приобретать модели со стволом, предназначенным для стрельбы дробью. Применение их чересчур опасно как для противника так и для владельца.

Малый боезапас, низкая скорострельность, частые пропуски газа через зазор между барабаном и обрезом ствола (у револьверов), более частые отказы и перекосы (у девятимиллиметровок) по сравнению с восьмимиллиметровыми моделями, при равных объемах газа в девяти- и восьмимиллиметровых системах говорят в пользу восьмимиллиметровок. Вместе с тем и с точки зрения удобства для пользователя и функциональности большие системы ненамного выигрывают у таких популярных восьмимиллиметровых моделей как "Perfecta", "Walther PPK", "Mauser HSC". Поэтому если вы рассчитываете только на боевое применение вашего газового пистолета и не собираетесь никому угрожать, приобретайте пистолеты небольшого размера.

После приобретения пистолета и боеприпасов к нему и получения лицензии (разрешения) на право хранения и ношения газового пистолета, потренируйтесь немного в стрельбе из него. Для этого снарядите магазин холостыми патронами и потренируйтесь в обычной обстановке доставать пистолет и готовиться к стрельбе. Произведите несколько выстрелов, чтобы увидеть, насколько скорострельна ваша модель, какова отдача, насколько сильны звуки холостых выстрелов. Вы должны привыкнуть к вашему оружию с тем, чтобы в минут опасности оно не подвело вас, а вы его.

Если нападение неизбежно...

* Если угроза нападения высока, заранее подготовьте оружие. Никогда не заряжайте в обойму холостые патроны при выходе на улицу. Они нужны вам для тренировок и для запуска сигнальных ракет, но отнюдь не для самообороны. Дошлите патрон в патронник и поставьте оружие на предохранитель.

* Старайтесь занять наиболее выгодную позицию (переместитесь так, чтобы вы были в тени а нападающие на освещенной местности, чтобы ветер дул вам в спину, прижмитесь к стене, чтобы избежать нападения сзади).

* Дождитесь пока противник приблизится на расстояние не менее двух метров и практически одновременно с возгласом "Стреляю!" начинайте вести огонь на поражение в лицо. Тем самым вы и предупредите преступника о своем намерении применить средства самообороны,

и не дадите последнему предпринять иные действия, с целью нейтрализовать вашу контратаку. Выстрел должен быть внезапным, быстрым и с минимально допустимого законодательством расстояния (не менее 1 м.). Конечно в процессе отражения преступного нападения и реальной угрозы вашей жизни и здоровью никто не будет думать о соблюдении техники стрельбы. В случае, если угроза насилием в отношении вас реальна, действительна и по настоящему опасна - ведите огонь на поражение и дальше, постепенно приближаясь к противнику и выпуская заряды газа один за другим. Помните только, что магазин у вас не бесконечен и постарайтесь в силу этого побыстрее "уложить " противника.

* Не рекомендуем вам вести огонь с расстояния, превышающего два с половиной метра. Так, несмотря на рассеивание струи газа и практическое обеспечение попадания в противника при серии выстрелов, поражающий эффект будет минимальным. Тем более, что в ситуации огневого конфликта без достаточного опыта вы вряд ли успеете оценить силу ветра и направление сноса газовой струи с тем, чтобы скорректировать свои действия.

* Если вам удалось вывести нападавшего "из строя", то уведомьте об этом органы милиции. Учитывая обстановку и соотношение сил, вызовите по возможности также скорую помощь и останьтесь на месте происшествия. В принципе законодательство налагает на обороняющегося обязанность оказать первую помощь пострадавшему злоумышленнику. Вместе с тем закон предоставляет нам право наносить нападающему телесные повреждения в случае реальности нападения. Пользуйтесь им сполна.

КАК УБЕРЕЧЬСЯ ОТ МОШЕННИЧЕСТВА

Т.Белоус, В.Туляков

Как уберечься от мошенничества

Говоря языком права, мошенничество - это незаконное изъятие имущества, совершенное путем обмана или злоупотребления доверием. При этом сама жертва добровольно предает мошеннику в руки свои деньги и ценности, не зная, что больше она и его и их никогда не увидит.

Основанное на достаточно тонком знании человеческой психологии мошенничество является одной из древнейших преступных профессий. Надо сказать, что на сегодняшний день оно, к сожалению, получило чрезмерное распространение. И дело даже не в том, что появились изощренные виды банковского, торгового или компьютерного мошенничества, о которых никогда мы не слыхивали ранее. Здесь и операции с фальшивыми банковскими документами и мошенничество с кредитами и фирмами-однодневками (превосходно описанное Ильфом и Петровым в "Золотом теленке") и экзотическое пока для стран СНГ мошенничество с применением украденной компьютерной информации. Жизнь не стоит на месте, однако и старые способы достаточно хороши.

"Пока живут на свете дураки - обманывать нам, стало-быть, с руки". - пелось в одной песенке для детей. Использование наивности, доверчивости, ротозейства, алчности наших граждан - вот основа мотивации действий любого мошенника. Мошенника-профессионала. Мошенника, для которого извлечение доходов путем обмана граждан стало основным источником существования. Мошенника, который практически не попадает в руки органов охраны правопорядка. И лишь слухи о творящемся беспределе обнажают частицу айсберга незаконного изъятия собственности путем мошенничества. Так, выборочное изучение 300 шулеров, стоявших на учете в одном из московских отделений еще в 1970 году показало, что за пятнадцать лет за игорный обман из них было привлечено лишь несколько человек. Между тем криминальная активность остальных была очевидна: некоторые стали преступными "авторитетами", некоторые расширили криминальный бизнес и т.п., оставаясь практически неуязвимыми для правоохранительных органов. Да и как можно привлечь мошенника к ответственности, когда

потерпевший сам добровольно совершает незаконную сделку, когда доказать факт мошенничества можно только схватив преступника за руку, что достаточно сложно из-за интимности процесса общения будущей жертвы и правонарушителя.

Вот и идут мошенники по белу свету, плодятся и размножаются, совершенствуя свое преступное ремесло. Специалисты насчитывают на сегодняшний день около 40 видов уголовно-наказуемого обмана и, соответственно, мошеннических специализаций. К ним, в частности, относятся:

Шулера. Мошенники, обыгрывающие толстосумов в специальных подпольных игорных домах ("катранах"), а ныне и в казино - "катранщики". Шулера, обыгрывающие граждан в общественных местах: в такси - "гонщики", в поездах - "майданщики", на пляжах - "гусары". Шулера, действующие в одиночку, задачей которых является выиграть все деньги у жертвы, потом дать отыграть определенную сумму и прекратить игру ("паковщики"). Как правило, большинство из них работает малыми группами, в которых есть специалист по вовлечению жертвы в азартную игру ("подводчик"), по воздействию на жертву с помощью специальных приемов ("сгонщик"), по управлению игрой ("ковщик колоды"), по ведению разведки и обеспечению безопасности игры. С указанными категориями преступников тесно связаны ростовщики и перекупщики, дающие в долг и скупающие долги под процент, а также "жуки", - лица обеспечивающие применение наказаний в отношении мошенников, занимающихся обманом внутри шулерской среды.

Лотерейщики, наперсточники. Специалисты по "честной" игре "в наперсток", в рулетку, в кости, на бильярде и т.п.

Кукольники и кидалы. Мошенники, специализирующиеся на занятии обманом и выбиванием денег с помощью денежной "куклы", подбрасываемой в общественных местах заранее выбранной жертве. В настоящее время их квалификация расширилась до подбрасывания на рынках пустых портмоне и требований возврата якобы лежавших там денег у лица, поднявшего такое портмоне. К ним также относятся и специалисты по продаже вещевых "кукол", заменяющих якобы продаваемые дефицитные вещи, и специалисты по похищению денег при их размене - "ломщики" и специалисты по изъятию валюты при ее незаконном обмене и, естественно, специалисты по изъятию денег посредством "куклы" при совершении крупных сделок купли-продажи в обход действующего законодательства (продажа квартир, автомобилей, радиоаппаратуры и т.п.).

Пречень существующих мошенников будет неполным без указания таких категорий, как, например, лиц, продающих фальшивые изделия из драгоценных металлов, лиц, совершающих обман при купле-продаже автомобилей и квартир, лиц, продающих поддельные билеты (железнодорожные, лотерейные и пр.), лиц, действующих под видом жениха, коммивояжера, продавца, представителя власти, лиц действующих под видом инвалидов и т.п.

Все они сделали обман граждан своей профессией и не могут существовать без него. Резонно было бы заметить, что если не хочешь быть обманутым, то не делай ничего в обход существующему порядку. Но здесь мы рискуем быть непонятыми.

Поэтому для того, чтобы не стать жертвой мошенничества рекомендуем:

- * Не пользуйтесь услугами незнакомых лиц при покупке дорогостоящих изделий, дефицитных товаров, автомобилей, недвижимости, изделий из драгоценных металлов. Действуйте только через систему магазинов и специализированных агентств.

- * Покупая или продавая ценную вещь, никогда не делайте этого в одиночку. Если вы решили приобрести товар у незнакомца, то ни под каким предлогом не передавайте ему деньги

заранее, в качестве задатка, не оплачивайте покупку вперед, не передавайте личные вещи в качестве задатка.

* Сделки по купле-продаже недвижимости обязательно заверяйте нотариально. Вполне возможна ситуация, при которой мошенники, пользуясь дубликатами документов, продадут вам уже проданную ранее квартиру.

* Не играйте в азартные игры в общественных местах, не соглашайтесь на гадание, ворожбу и пр.

* Никогда не поднимайте портмоне, сумочки, свертки с деньгами, сиротливо лежащие на земле в общественных местах (на вокзалах, вещевых рынках). В 90 процентах случаев вы потом неприятностей не оберетесь.

* Если вы решили покупать товар с рук, считайте деньги и проверяйте товар сразу по совершении сделки, не давая вашему компаньону деньги обратно для пересчета, либо пересчитав их еще раз в случае, если они побывали у него в руках. Будьте предельно внимательны при получении оговоренных денежных сумм, упакованных в бумажные пакеты, перевязанных несколькими резинками, заклеенных в обертки.

* Не доверяйте объявлениям, обещающим решить все возможные ваши проблемы, от выигрыша и заработка миллиона за один месяц, трудоустройства на нефтяных вышках в Лемурии, до чудодейственного рецепта долголетия, похудения или методики выучить иностранный язык за одну неделю. В особенности относитесь осторожно к подобного рода рекламам в случаях, если вас просят прислать определенную мелкую сумму денег заранее, якобы для покрытия почтовых и секретарских расходов.

* Не играйте в почтовые азартные игры, связанные с реализацией "принципа пирамиды Понци". В любом случае определенный доход гарантирован только первой сотне игроков, вы же попросту потеряете свои деньги.

* Не доверяйте и не впускайте в дом внезапно приходящих к вам "сборщиков податей", "погорельцев", "беженцев", "инспекторов", старающимся под видом оказания помощи кому угодно, сбора денежных средств на ремонт дома, уплаты вами штрафа за содействие загрязнению океанского шельфа и т.п. выманить у вас определенную сумму. Это может закончиться не только мошенничеством, но и грабежом либо квартирной кражей.

* Тщательно проверяйте документы у лиц, просящих вас оказать благотворительную помощь. В последнее время появились даже мерзавцы, которые, спекулируя здоровьем собственных детей и близких, просят денег на их операции, показывая фальшивые медицинские справки и направления.

* Не совершайте сделок обмена валюты вне специализированных обменных пунктов.

* Тем не менее, несмотря на сказанное выше, в случае, если вы стали жертвой мошеннической операции, не стеснясь обращайтесь в органы милиции. Помните -именно попустительство потерпевших порождает безнаказанность мошенников.

КАК ПРЕДУПРЕДИТЬ КВАРТИРНУЮ КРАЖУ

Белоус Т. Туляков В.

При обеспечении безопасности собственной квартиры, дома, прежде всего, оцените его потенциальную защищенность от квартирной кражи. Помните, что наличие следующих признаков свидетельствует о повышенной опасности вашего жилища с точки зрения вероятности совершения квартирной кражи:

* нахождение в микрорайоне с густозаселенными высотными домами, особенно в микрорайоне, где активно ведется жилищное строительство и переезжают новые жильцы.,

* проживание в "районе-спальне", где большинство жителей с утра уезжает на работу в другие части города и дома практически никем не контролируются.,

* проживание в высотном (выше семи этажей) доме, в котором этажи, лестничные площадки, лифты, коридоры, переходы, лестничные клетки никем не контролируются и открыты для доступа любому (вообще, как правило, уровень квартирных краж возрастает с увеличением этажности, поскольку жильцы не могут отличить своих соседей от посторонних, преследующих преступные намерения).,

* нахождение дома, где вы проживаете на самых людных и проезжих улицах, т.к. улицы с большим движением дают возможность правонарушителям беспрепятственно проникать в жилые массивы и исчезать с места совершения преступления (вообще с точки зрения предупреждения краж лучше всего проживать в тупике).,

* проживание на двух первых и двух последних этажах многоквартирного дома, куда преступникам легче всего взобраться, используя водосточные трубы, форточки и карнизы. Кстати, большинство воров входят в квартиры именно через окно, пользуясь карнизами.,

* отсутствие специальных средств защиты и безопасности квартиры, отсутствие оконных решеток, укрепленных дверей, зарешеченных случайных окон в частном жилом доме.

Что же нужно сделать для того, чтобы не облегчать работу вора? Специалисты выделяют следующие сдерживающие факторы:

1. Увеличение риска быть задержанным с поличным.
2. Установка нескольких систем защиты и безопасности, не позволяющих вору за небольшой (не более 10 минут) промежуток времени попасть в квартиру.
3. Наличие специальных шумовых систем, привлекающих внимание при проникновении в квартиру.
4. Установка охранной сигнализации.
5. Кооперация с соседями по поводу охраны жилища.

Основным средством, способствующим уменьшению количества квартирных краж и вообще уровня преступности вокруг вашего жилища является наличие стабильных и дружеских отношений в самом доме, наличие желания у соседей совместными усилиями ограничить преступность. Там, где существуют нормальные соседские отношения, где в ваше отсутствие соседи смотрят за безопасностью вашей квартиры, поливают цветы, достают газеты, следят за непрошенными посетителями, договариваются о сигнализации друг-другу в минуты опасности, организуют совместно общую систему безопасности многоквартирного дома, где все соседи контролируют поведение лиц, устраивающих пьянки у себя в квартирах, приводящих подозрительных лиц к себе домой, - там, как правило, особых проблем с квартирными кражами не возникает. Известный криминолог Ганс Иоахим Шнайдер приводит пример, когда в Сент Луисе одну из новостроек, сооруженную в 1957 году пришлось разрушить в 1975, т.к. из-за архитектурных просчетов (внешняя изолированность лифтов, лестничных площадок и коридоров, отсутствие запорных переговорных устройств в вестибюле и т.п.) и полного отсутствия контроля со стороны жильцов в здании было совершено ужасающее количество краж, разбойных нападений, изнасилований и других преступлений. Все большее число квартир пустело и их начали использовать в своих целях бродяги, бездомные и наркоманы. Ни полиция ни общественность не смогли справиться с кризисом и здание пришлось разрушить.

Напуганные этим "жители ряда улиц в Сент-Луисе решили осуществлять собственную программу стабилизации своих общин и устрашения правонарушителей. За счет уменьшения налогов, вводимых городскими властями, они взяли на себя ответственность за свои улицы, за их очистку и освещение. Улицы были перегорожены в одном конце, чтобы ликвидировать возможность сквозного прохода и проезда. В жилой части этих улиц преступность серьезно снизилась. Из интервью с преступниками известно, что они выбирают для своих деяний места, дающие им возможность совершить преступление и быстро скрыться. Они избегают улиц, на которых считаются "чужими". Надзор за частными улицами в Сент-Луисе интенсивнее, поскольку

жители этих улиц рассматривают их как свои собственные и поскольку здесь, в этих жилых комплексах, сложились достаточно сплоченные общины".

Разумеется, до Сент-Луиса нам еще ой как далеко, однако, если бы удалось организовать кооперацию жильцов дома на устранение его криминогенных недостатков, в квартирах жилось бы полегче. Вспоминается один криминологический курьез, когда руководитель правоохранительного органа в районе-спальне крупного города, задумавший писать кандидатскую диссертацию по проблеме предупреждения квартирных краж, попытался внедрить в районе какие только ни есть новеллы в области предупреждения краж, существовавшие в то время. Здесь были и отряды старых большевиков по поручению райкома патрулирующие улицы и скверы, и устройство обязательного дежурства жильцов в дневное время, и увеличение количества ячеек централизованной охраны, и разработка памяток жильцам по предупреждению квартирных краж и т.п. Результат сказался достаточно быстро - через несколько месяцев уровень квартирных краж в этом районе сократился более чем на двадцать процентов. Все бы было хорошо, но через год энтузиаста перевели на другое место, система начала потихоньку разваливаться и количество краж возросло до прежнего предела.

Пожалуй, данный пример свидетельствует только об одном: без целенаправленной активности самих жильцов, поддерживаемой и одобряемой со стороны правоохранительных органов и городских властей бороться с квартирными кражами будет весьма затруднительно. Для предупреждения квартирных краж специалисты рекомендуют также: По-возможности, поставить в квартире двойные двери, первая из которых должна быть сделана с надежно укрепленной коробкой (лучше всего если это будет цельнометаллическая дверь в металлической дверной коробке, открывающаяся наружу). При отсутствии материальных возможностей сделать это - попросту укрепите дверь в вашу квартиру:

установите в щель между дверной коробкой и дверным проемом упоры, исключающие возможность отжима коробки; со стороны замка, а лучше по всему периметру дверной коробки врежьте металлический уголок, исключающий возможность отжима ригеля замка; установите фиксаторы на петли дверей, мешающие снять дверь с петель путем отжима.

На двери установите не менее двух дверных замков с повышенной секретностью, обязательно врежьте в дверь смотровой глазок с достаточно большим объемом обзора и надежную дверную цепочку, ограничивающую ее открытие при общении с незнакомцами. При наличии возможностей установите в двери замок с кодовой клавиатурой либо системой магнитных карточек. Такой замок стоит достаточно дорого, однако практически невскрывается, а ваша безопасность все таки дороже.

Не следует привлекать внимание вора бросающейся отделкой двери, табличками с указанием вашей фамилии и профессии.

На окнах квартир, расположенных на первом, втором и последнем этажах многоквартирного дома установите металлические решетки, либо жалюзи, металлические ставни. Следите за тем, чтобы замки и петли на окнах были в исправном состоянии и надежно запирали окно, не давая возможности злоумышленнику легко открыть его снаружи. При наличии возможностей замените стекла на укрепленные стекла, изготовленные с применением поликарбонатов, оклейте стекла защитной пленкой, не позволяющей злоумышленнику проникнуть в дом посредством выдавливания стекла, поставьте небьющиеся или уж пуленепробиваемые стекла.

Совсем неплохо было бы обмазать жирной смазкой трубы коммуникаций, проходящие под вашими окнами, а также водосточные трубы, стоящие рядом с окнами вашей квартиры.

Постоянно поддерживайте хорошее освещение в холле, коридоре и на лестничной площадке перед дверью.

Если у вас на лестничной площадке имеется холл (карман), оборудуйте его двери замком и дверной цепочкой и не оставляйте их не запертыми. При архитектурной возможности создания такого холла для совместного пользования вместе с соседями -сделайте его.

На входной двери подъезда либо секции жилого помещения установите кодовые механические или электрические замки, а при наличии возможности - домофон или видеодомофон, позволяющий контролировать присутствие посторонних, желающих войти в дом.

Оборудуйте квартиру, дом охранной сигнализацией. Естественно, лучше всего, если вы это сделаете, заключив договор с государственной службой охраны при УВД. Несмотря на присущие системам сигнализации недостатки и определенную уязвимость (связанность с телефонными линиями и, как правило, невозможность работы в автономном режиме без электропитания), деятельность самой службы охраны достаточно эффективна и в случае отказа или поломки системы дежурные в обязательном порядке берут на контроль такой объект. Вы можете также установить в квартире сигнальное устройство, издающее пренеприятнейшие для правонарушителя "вопли" при его проникновении, поставить листенер, реагирующий на изменение давления и подающий сигнал как в квартире, так и по указанным телефонам. Системы, сочетающие инфракрасных сторожей со звуковыми сиренами достаточно надежны и при нынешней высокой конкуренции постепенно падают в цене, в силу чего их установка вполне доступна даже человеку со средним достатком.

Обязательно застрахуйте ваше имущество !

Возможность совершения кражи из вашей квартиры будет сведена к минимуму, если вы последуете и таким советам:

- * Если вы переехали в новую квартиру, заведите собаку, которая будет отпугивать незнакомцев.

- * Не следует давать свой адрес и домашний телефон без крайней необходимости. Нужно помнить, что, общаясь с вами, злоумышленник может придумать благовидный предлог и установить режим вашей работы, намерения на выезд в отпуск и т.п.

- * Надежнее спрячьте деньги, ценности, ювелирные изделия, документы. Не используйте для этого книги, ящики для белья и тому подобные места, которые хорошо "просчитываются" ворами. Лучше всего, если места хранения ценностей будут расположены в неожиданном и нетрадиционном месте, как бы, "на виду" у правонарушителя, располагаясь ниже или выше уровня глаз потенциального злоумышленника.

- * Для особо ценных вещей советуем завести тяжелый сейф, вмурованный в стену.

- * Заранее составьте список и проведите маркировку всех наиболее ценных вещей, находящихся в доме. Перепишите номера видео и радиоаппаратуры, ценных бумаг, сберкнижек, бытовой техники, заведите каталог библиотеки. Сфотографируйте имеющиеся ювелирные изделия. Опись а также документы на указанные вещи храните в недоступном месте, лучше вне квартиры.

- * На ночь блокируйте замки с помощью "собачек", закрывайте дверь на цепочку. Оставляя квартиру даже на непродолжительное время, тщательно закрывайте двери, в т.ч. балконные, все окна и обязательно форточки, в особенности на первых и последних этажах многоквартирного дома.

- * Если вы вывешиваете объявления о продаже дорогостоящей техники, не следует указывать время, когда вас можно застать дома, ибо квартирные воры реагируют на это тотчас же.

- * Если вы потеряли ключ от квартиры, немедленно оповестите об этом ваших домашних и соседей, обеспечьте присутствие в квартире кого-то из близких; как можно быстрее

замените замки на дверях. Не следует прикреплять к ключам от квартиры брелки, по которым можно установить их владельца и номер квартиры.

- * Если вы даете ключи от квартиры вашему ребенку, проинструктируйте его не только о том, как ими пользоваться, но и как их хранить. Объясните ребенку, что невнимательность в обращении с ключами, а тем более их потеря, могут привести к серьезным последствиям.

- * Если вы живете на первом этаже, не допускайте выращивания густого кустарника под вашими окнами - под его прикрытием легко взлезть в окно.

Если вы уезжаете в отпуск или командировку...

- * Попросите ваших соседей, чтобы они присмотрели за квартирой, регулярно вынимали корреспонденцию из почтового ящика. Можно обратиться в почтовое отделение и попросить приостановить на время отсутствия доставку корреспонденции.

- * Передайте самые ценные вещи на хранение родственникам. В квартире не запирайте на замок шкафы и ящики. Это предохранит в случае кражи вашу мебель от повреждения.

- * Оставьте включенными радиоточку и освещение на кухне и в одной из комнат, отключив автомат в электрощитке на площадке. Попросите соседей в вечернее время включать его, а перед сном - выключать, имитируя для наблюдателя на улице наличие хозяев в квартире.

- * Установите на подоконниках цветочные горшки, декоративные предметы и т.п., которые при открывании окна упадут вниз и создадут шум.

- * Используйте свои домашние секреты и маленькие хитрости в оставленной квартире - что-то непонятное и неизвестное, наверняка, сможет отпугнуть вора.

Возвратившись домой и заметив признаки кражи (взломанная или открытая дверь, выбито окно или форточка, отсутствуют ценные вещи, наличие в квартире посторонних лиц):

- * Не ходите по квартире и ничего не трогайте. Выйдите из нее и закройте входную дверь на ключ.

- * Зайдите к соседям и, сообщив им о случившемся, вызовите милицию (по телефону или попросите соседей сходить позвонить, чтобы не оставлять квартиру без присмотра).

- * Точно следуйте инструкциям, которые вам сообщат.

- * До прибытия оперативной группы ничего не предпринимайте. Расспросите соседей, при получении от них дополнительной информации проинформируйте сотрудников милиции.

Если вы стали очевидцем как посторонний человек выносит вещи из подъезда или квартиры соседей:

- * Постарайтесь запомнить приметы постороннего и вещей.

- * Если вы подозреваете кражу, попросите соседей вызвать милицию, а сами с кем-нибудь ведите наблюдение за поведением и маршрутом постороннего. Если соседей нет дома, то вызовите милицию сами или через диспетчера (кнопка вызова в кабине лифта). Продолжайте наблюдение.

- * Помните, что преступники, как правило, не действуют в одиночку. Будьте внимательны и осторожны, используйте только помощь тех людей, которых вы хорошо знаете - рядом могут быть сообщники преступника. При кражах нередко используется автотранспорт. Поэтому постарайтесь запомнить марку, цвет и номер машины.

- * Если рядом с вами есть соседи или знакомые, вежливо попросите постороннего остановиться и объяснить вам, из какой квартиры и почему выносят вещи. При необходимости кто-нибудь из соседей может проверить достоверность объяснений постороннего, поднявшись в эту квартиру. Если в ней никого нет, попросите постороннего дожидаться сотрудников милиции.

- * Если посторонний пытается скрыться, постарайтесь вместе с соседями задержать его до приезда милиции. При угрозе вашей телесной неприкосновенности, используйте право необходимой обороны.

- * Если кража действительно имела место, сообщите об этом хозяевам обворованной квартиры на работу или их родственникам.

О мерах предосторожности в случаях совершения грабежей или разбойных нападений в квартирах.

К сожалению, общее ухудшение социально-экономической обстановки делает крайне неблагоприятным прогноз увеличения случаев насильственного похищения имущества граждан. Практика свидетельствует, что преступники, застав в квартире жильцов, нередко решаются на открытый грабеж или разбойное нападение, как правило, применяя насилие для изъятия имущества, а иногда и совершая убийства неожиданных для них свидетелей. В ряде случаев преступники для проникновения в квартиру представляются работниками сферы услуг, почтальонами, милиционерами, знакомыми или друзьями жильцов посещаемых квартир, работниками санэпидстанции, пришедшими для проведения мероприятий по дезинфекции (что удачно позволяет обворовывать целый ряд квартир), медицинскими работниками, проводящими поголовную иммунизацию населения и т.п. Известны и такие случаи, когда преступники буквально врываются в квартиру едва ее хозяин открывал дверь. Чтобы уменьшить риск быть подвергнутым ограблению или разбойному нападению в собственном жилище рекомендуем:

- * Не спешите открывать дверь, пока не проверите, кто к вам пришел. Если посетитель представился работником сферы услуг, а вы его не вызывали, откройте дверь только на предохранительную цепочку и проверьте у него служебное удостоверение, а фамилию - через диспетчера соответствующих служб.

- * Если незнакомец просит вас открыть дверь, наметьте ему, что вы не одни дома. Держите наготове газовый пистолет или баллончик и, не задумываясь, применяйте его в случае несанкционированной попытки проникновения в вашу квартиру. Не попадайтесь на такую уловку как симуляция обморока. Специалистов по гаданию, пеленанию, исцелению, купле-продаже не пускайте на порог ни в коем случае.

- * Не принимайте неожиданных предложений по ремонту или устранению имеющихся в квартире неполадок.

- * Даже если ваша квартира имеет "карман" или общий с соседями холл, обязательно пользуйтесь "глазком": дверь в холл по-небрежности может быть открыта и вы столкнетесь лицом к лицу с незнакомцем.

- * Приучите детей никогда не открывать дверь посторонним.

- * Не показывайте детям места хранения денег и ценностей. Вы можете только оставить "приманку" для преступника (небольшую сумму денег и бижутерии) в известном детям месте с тем, чтобы исключить риск применения насилия к детям со стороны грабителей, пытающихся выяснить, где находится домашний тайник.

Некоторые меры предосторожности в "классических" криминогенных ситуациях Ситуация

1. Звонок в квартиру (в глазок ничего не видно, телефон не работает).

Свяжитесь с соседями любым способом, чтобы они проверили наличие постороннего на площадке, не подвергая себя опасности, выяснили цель визита и сообщили вам.

Если у соседей возникнут подозрения, то они должны сразу же поднять тревогу и вызвать милицию. при отсутствии соседей, выйдите на балкон, откройте окно и попросите находящихся на улице людей (только тех кого вы знаете), сообщить в милицию или подняться к вам на площадку, соблюдая осторожность. Не открывайте дверь до тех пор, пока не убедитесь в своей полной безопасности.

Ситуация 2. Внезапно погас свет в вашей квартире

Проверьте через "глазок" наличие на лестничной площадке освещения и посторонних. если там темно, свяжитесь с соседями по этажу, позвоните на другие этажи и выясните наличие света в подъезде. Если свет на других этажах есть, то попросите соседей с других этажей удостовериться в отсутствии на вашей площадке посторонних, При необходимости соседи вызовут милицию.

Удостоверившись, что посторонних нет, выйдите вместе с соседями по этажу на площадку и проверьте работу автоматов электрического щитка, соблюдая правила электробезопасности.

Ситуация 3. Вам показалось, что за дверью кто-то прячется (в "глазок" ничего не видно)

Позвоните соседям, чтобы они посмотрели на посторонних в "глазок", оценили ситуацию и сообщили вам, при необходимости вызвав милицию. Если у соседей "глазок" закрыт снаружи или они не отвечают, немедленно вызывайте милицию и действуйте по обстановке.

Предупредите соседей других этажей, что у вас на площадке находится посторонний. В одиночку на площадку до прибытия милиции или соседей не выходите.

Ситуация 4.Вы находитесь в квартире и слышите, что дверь вашей квартиры открывают ключом или взламывают

Постарайтесь заблокировать дверь любыми подручными средствами (мебелью, одеждой), чтобы выиграть время и задержать проникновение в квартиру злоумышленника. Стойте сбоку от дверей на случай стрельбы. Криками и шумом привлечите внимание соседей и прохожих. По возможности, вызывайте милицию.

При прекращении попытки проникновения в квартиру не выходите из нее до прибытия милиции или соседей. Увидев через окно выходящего из дома постороннего, запомните его приметы.

Ситуация 5.Внезапно в вашей квартире оказались незнакомцы.

Поднимите шум, тревогу. При демонстрации преступных намерений сразу же применяйте против них оружие безопасности. Заваливая мебелью и вещами проход, отступите на балкон, разбейте оконное стекло, привлекая внимание прохожих и соседей.

Используйте право необходимой обороны до прекращения нападения. Применяйте для защиты любые предметы, оказавшиеся под рукой. Никто не вправе без вашего разрешения или санкции прокурора нарушить неприкосновенность вашего жилища или войти в него.

Оказавшись в относительной безопасности, немедленно сообщите в милицию, предупредите соседей, а при необходимости оказания медицинской помощи пострадавшим, вызовите "скорую помощь".

Ситуация 6.Вы открыли дверь и увидели неизвестных людей в квартире.Не входите в квартиру, постарайтесь быстрее закрыть дверь на ключ, не вынимая его из замка.

Обратитесь за помощью к соседям и вызовите милицию (можно это сделать через диспетчера, нажав кнопку его вызова в кабине лифта).

Блокируя выходы из квартиры, действуйте по обстановке, не подвергая себя и соседей опасности.

МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ И ПРОГРАММА СПЕЦКУРСА ПО ВИКТИМОЛОГИИ

ОДЕССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ кафедра

криминологии и уголовно-исполнительного права Туляков В.А.

ВИКТИМОЛОГИЯ

(методические указания, программа спецкурса, задания и планы практических занятий для студентов и слушателей высших юридических учебных заведений)

Одесса - 2000

Печатается по решению кафедры
криминологии и уголовно-исполнительного права
Одесской национальной юридической академии

Составитель:

доцент Туляков Вячеслав Алексеевич

Ответственный редактор: доцент Дремин Виктор Николаевич © Вячеслав

Алексеевич Туляков -2000

1. МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ

Противоположности суть дополнительности

Нильс Бор

История развития человечества свидетельствует, что принятие конкретных мер по борьбе с преступностью зачастую не связано с достаточно взвешенным подходом к ее анализу. Общественное давление, административные и политические процессы, происходящие в стране, - вот отнюдь не полный перечень переменных, влияющих на проводимые компании по борьбе с преступностью. При этом практика свидетельствует, что далеко не каждая, а точнее, ни одна из глобальных программ профилактики преступности не в состоянии выполнить поставленные перед нею задачи. Преступность -достаточно сложное и многогранное явление, производное от важнейших социальных характеристик жизни общества. И в этой связи успешная политика в области борьбы с преступностью зависит от множества положительных результатов в малом

К числу подобного рода программ, показавших свою эффективность в деле ограничения преступности и относится деятельность по созданию системы справедливого и гуманного обращения с жертвами преступлений, по научению потенциальных жертв преступлений основным приемам реагирования на конфликтные ситуации.

И дело здесь в том, что обеспечение общественной безопасности является одной из основных задач государства. Для этих целей за деньги налогоплательщиков содержится колоссальный аппарат системы уголовной юстиции, органов, ведающих исполнением наказания. И если государство не смогло защитить гражданина от преступных посягательств, то оно должно нести ответственность за причиненный ущерб.

Подобное положение отражает реальные ожидания населения, заинтересованного в действенной и эффективной защите своих конституционных прав и свобод. Именно улучшение доступа жертв преступлений к системе уголовного правосудия и справедливому и гуманному обращению с ними способны в какой-то мере снизить страх граждан перед преступностью, содействуя одновременно их кооперации с органами политической власти, расширению демократических начал управления обществом, снижению уровня преступности.

Эта идея получила всемерную поддержку на международном уровне. Так, в сентябре 1985 года Седьмой Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями утвердил Декларацию основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью. 29 ноября 1985 года Генеральная Ассамблея ООН консенсусом приняла вышеназванную Декларацию. Впервые разработав универсальные принципы поддержки и защиты жертв преступлений и злоупотреблений властью, Декларация ООН в процессе ее реализации послужила базисом для создания новых, более совершенных международно-правовых механизмов и документов, для развития новой научной дисциплины виктимологии.

Виктимология сегодня, - это комплексное учение о лицах, находящихся в кризисном состоянии (жертвы преступлений, стихийных бедствий, катастроф, экономического и политического отчуждения, беженцы, социальные организации и пр.), и мерах помощи таким жертвам. Современная виктимология, реализуясь в таких своих направлениях как: общая "фундаментальная" теория виктимологии, описывающая феномен жертвы социально опасного проявления, его зависимости от общества и взаимосвязи с иными социальными институтами и процессами; частные виктимологические теории среднего уровня (криминальная виктимология, деликтная виктимология, травматическая виктимология и др.); прикладная виктимология (эмпирический анализ, разработка и внедрение специальных техник превентивной работы с жертвами, технологий социальной поддержки, механизмов реституции и компенсации, страховых технологий и пр.), служит осмыслению новых взаимоотношений и динамических связей между жертвами и социально опасными проявлениями среды обитания, интегрируя воедино лучшие достижения традиционных, устоявшихся учений.

Немудрено, что в подобных условиях обучение навыкам организации процесса изучения и анализа поведения потенциальных жертв преступлений и иных правонарушений является жизненной необходимостью для всех правоведов. Ведь как преступник, так и его жертва - суть продукты сходных социальных условий и само преступление есть в большей степени результат определенных социальных воздействий, нежели результат "злой воли" его исполнителя. Поэтому анализируя поведение жертвы преступления, мы с большей уверенностью можем судить о развитии криминальной активности.

Целью настоящего спецкурса является привитие студентам лишь первичных навыков в области изучения социально-правовых основ виктимологической теории теории и практики. Более подробно и комплексно указанные проблемы будут рассматриваться при анализе более сложных и многоаспектных проблем преступности, административно-правовой и хозяйственно-правовой деликтности, изучаемых в курсах криминологии и деликтологии.

Овладение основами современной специальной социологической теории, каковой является виктимология, приемами прикладных криминологических исследований поведения жертвы преступления, причин и условий отклонений от нормы безопасного поведения, личности жертвы, а также знание системы методик безопасного поведения в тех или иных конфликтных ситуациях, - вот далеко не полный перечень задач данного спецкурса. На основании изучения действующего законодательства и теории виктимологии, каждый студент должен уметь самостоятельно делать обобщения судебной практики. Исследование современной теории виктимологии целесообразно сочетать не только с решением рекомендованных заданий, но и с реферированием наиболее интересных проблем современной виктимологии. Получение конкретных знаний, формирование профессиональных навыков невозможны без глубокого и тщательного изучения отдельных проблемных вопросов виктимологии и их группового обсуждения.

Учитывая, что основным недостатком ответов студентов является их декларативность, ограниченность общими рассуждениями, практикум снабжен списком достаточно значительного

количества литературных источников, овладение которыми в процессе реферирования и подготовки к практическим занятиям будет способствовать повышению теоретической подготовки студентов.

2. ПРОГРАММА СПЕЦКУРСА "ВИКТИМОЛОГИЯ"

Количество часов на поток (2 группы) Лекции

- 30

Практические занятия - 20 Самостоятельная

работа студентов - 10 Консультации - 4

Зачет - 16

Всего - 100 часов

Тематика лекций

№ пп	Тема лекции	Количество часов
1	Понятие и предмет виктимологии	2
2	История развития виктимологических учений	2
3	Виктимность и ее выражение	2
4	Жертвы преступления и жертвы злоупотребления властью: социально-правовой анализ	4
5	Виктимизация и ее характеристики	4
6	Преступник и его жертва.	2
7	Методика и техника виктимологических исследований	4
8	Международно-правовые основы защиты жертв преступлений	2
9	Организация защиты жертв преступлений в национальном праве	4
10	Основы виктимологической профилактики преступлений	4

3. ТЕМАТИКА СЕМИНАРСКИХ ЗАНЯТИЙ ПО СПЕЦКУРСУ "ВИКТИМОЛОГИЯ"

1 ТЕМА Понятие и предмет виктимологии - 2 часа

Вопросы

1. Понятие виктимологии. Предмет виктимологии Место виктимологии в структуре социологических дисциплин
2. Структура виктимологии как научного направления и как учебной дисциплины
3. Общая теория виктимологии
4. Криминальная виктимология
5. Виктимологическая техника

ПРАКТИКУМ: Опишите наиболее перспективные с Вашей точки зрения направления защиты жертв антиобщественных посягательств

ЛИТЕРАТУРА

Гилинский Я.И. Преступность и безопасность населения: Санкт-Петербург на фоне российской действительности. //Криминологическая ситуация и безопасность в обществе:

Материалы Первого Международного Причерноморского социально-девиантологического симпозиума.- Кишинев, 1995.- Т.2

Гилинский Я.И. Девиантное поведение в зеркале социологии (по материалам СССР) // Актуальные проблемы социологии девиантного поведения и социального контроля: Сб.науч.тр. - М.,1992.

Долгова А.И., Серебрякова В.А., Горбатовская Е.Г., Кригер Г.И. Основы криминологии для практических работников: методическое пособие. - М.: ВНИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 1988.

Криминалистическая виктимология (вопросы теории и практики): Сб.науч.тр. -Иркутск.: Изд-во Иркутского государственного университета, 1980 - 159 с.

Клеандров М.И. Хозяйственно-правовая виктимология: концепция, методология исследований // Сов. государство и право - № 3 - 1989,

Курс советской криминологии: Предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник. - М.: Юрид. литература, 1985.

Полубинский В.И. Правовые основы учения о жертве преступления. - Горький, 1979;

Социальные отклонения - М: Юрид. литература, 1989

Туляков В.А. Проблемы развития отечественной виктимологии // Юридический вестник - Одесса, 1994 - N 1.

Туляков В. Віктимологічна політика в Україні: реалії та перспективи // Тези доповідей на Всеукраїнській науково-практичній конференції "Проблеми сучасної політики та шляхи її впровадження" 26-28 квітня 1993 р. - Одеса, 1993

Франк Л.В. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии.-Душанбе: Ирфон, 1977

Франк Л.В. Об изучении личности и поведения потерпевшего (нужна ли советская виктимология?) // Вопросы уголовного права, уголовного процесса и криминологии - Душанбе, 1966 - С.20-26.

Франк Л.В. Виктимология и виктимность (об одном из направлений в теории и практике борьбы с преступностью) - Душанбе, 1972;

Яковлев А.М. Теория криминологии и социальная практика. - М., 1985.

2 Тема. История развития виктимологических учений - 2 часа

Вопросы

1. Истоки и предпосылки возникновения виктимологии

2. Развитие виктимологии за рубежом (анализ учения Х.фон Хентида, Б.Мендельсона, Г.Элленбергера, Э.Фаттаха, И.Аттилы; Всемирное общество виктимологии; виктимология сегодня)

3. История отечественной виктимологии (Л.В.Франк, В.П.Коновалов, В.Я.Рыбальская, Я.И.Гилинский, В.С.Минская, Ю.М.Антонян и др.) 4. Перспективы развития

отечественной виктимологии ПРАКТИКУМ: Подготовьтесь к дискуссии по теме: "Жертвы преступлений в современной художественной литературе"

ЛИТЕРАТУРА

Полубинский В.И. Правовые основы учения о жертве преступления. - Горький, 1979;

Рыбальская В.Я. Виктимологическая характеристика несовершеннолетних преступников.// Виктимологические проблемы борьбы с преступностью: Сб.науч.тр. - Иркутск, 1988.

Сомин В.Н. Зарубежные виктимологические этюды// Криминалистическая виктимология: вопросы теории и практики: Сб.науч.тр. - Иркутск, 1980 - С.138-144.

Туляков В. Конституционные гарантии обеспечения прав потерпевших от преступлений //Юридический вестник - Одесса, 1997 - № 4

Франк Л.В. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии.-Душанбе: Ирфон, 1977

Франк Л.В. Некоторые теоретические вопросы становления советской виктимологии // Потерпевший от преступления: Сб.науч.тр. - Владивосток, 1974 - С.5-16;

Остроумов С.С., Франк Л.В. О виктимологии и виктимности // Сов. государство и право - 1976 - № 4. - С.74-79.

Шнайдер Г.И. Криминология - М., 1994.

3 Тема Виктимность и ее выражение. Жертва преступления - 2 часа

Вопросы

1. Понятие виктимности. Виды виктимности
2. Основные свойства виктимности
3. Жертва преступления и смежные понятия. Структура личности жертвы
4. Антиобщественное поведение жертвы как предмет изучения. Криминогенное значение виктимности.

ПРАКТИКУМ: Анализ характеристик виктимности и жертвы преступления по учебным уголовным делам

ЛИТЕРАТУРА

Антонян Ю.М. Роль конкретной жизненной ситуации в совершении преступления. - М., 1973

Багрий-Шахматов Л.В., Туляков В.О. Виктимність як криминогенний чинник // Вісник Академії правових наук України, 1994.

Блиндер Б.А. Объект преступления и потерпевший в преступлениях против личности. // Проблемы советского государства и права. - Ташкент, 1970 - С.5 - 18;

Вандышев В.В. Виктимологический аспект преступлений, совершенных при превышении пределов необходимой обороны или в состоянии аффекта.// Вестник ЛГУ -

1977 - № 5. - С.119-125;

Курс советской криминологии: Предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник. - М.: Юрид. литература, 1985.

Минская В.С., Чечель Г.И. Виктимологические факторы и механизм преступного поведения. - Иркутск: Изд-во Иркутского госуниверситета, 1988. - 150 с.;

Минская В.С. Опыт виктимологического изучения личности преступника // Вопр. борьбы с преступностью - 1972 - № 17 - С.21-31

Ривман Д.В. К вопросу о социально-психологической типологии потерпевших от преступления. // Виктимологические проблемы борьбы с преступностью: Сб. науч. тр. -Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1981.

Ривман Д.В. Виктимологические факторы и профилактика преступности. -Ленинград, 1975. - С.106.

Рыбальская В.Я. Виктимологическая характеристика несовершеннолетних преступников.// Виктимологические проблемы борьбы с преступностью: Сб.науч.тр. - Иркутск, 1988.

Соболева С.В. Виктимологический аспект конфликтных ситуаций в семье // Вопр. борьбы с преступностью - 1976 - № 25. - С.37-45;

Туляков В. Виктимность и ее выражение// Юридична освіта і правова держава: збірник наукових праць. - Одеса, 1997 - С. 224-232

Франк Л.В. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии.-Душанбе: Ирфон, 1977

Франк Л.В. Виктимология и виктимность (об одном из направлений в теории и практике борьбы с преступностью) - Душанбе, 1972;

Франк Л.В., Соболева С.Б. Некоторые направления виктимологических исследований семейно-бытовых отношений при изучении преступности (в порядке постановки вопроса) // Актуальные вопросы теории и истории права и применения советского законодательства: Сб.науч.тр. - Душанбе,1975

Шнайдер Г.И. Криминология - М., 1994.

4 Тема. Закономерности виктимизации -4 часа

Вопросы

1. Понятие виктимизации
2. Свойства виктимизации
3. Системно-структурный анализ виктимизации
4. Закономерности виктимизации применительно к различным составам

преступлений и типам жертв

ПРАКТИКУМ: На основании изучения опубликованных в прессе статистических данных, материалов опросов населения, литературы, личного опыта опишите закономерности виктимизации населения в регионе (районе, городе, области)

ЛИТЕРАТУРА

Преступность в Украине. // Бюллетень законодательства и юридической практики Украины.-N 2. - 1994

Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. -М., 1990.

Полубинский В.И. Правовые основы учения о жертве преступления. - Горький, 1979;

Проституция и преступность. - М., 1991.

Раззаков Ф. Бандиты времен капитализма (Хроника российской преступности 19921995 гг.) - М.: ЭКСМО, 1996.

Рыбальская В.Я. Виктимологическая характеристика несовершеннолетних преступников.// Виктимологические проблемы борьбы с преступностью: Сб.науч.тр. - Иркутск, 1988.

Рыбальская В.Я. Виктимологические исследования преступности несовершеннолетних // Актуальные вопросы укрепления законности и правопорядка в районах интенсивного экономического развития Урала, Сибири и Дальнего Востока: Сб. науч. тр. - М., 1979 - С.1243-133;

Социальные отклонения - М: Юрид. литература, 1989

Туляков В. Криминологические аспекты агрессивной преступности молодежи //Радянське право, 1989. - № 12.

Франк Л.В. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии.-Душанбе: Ирфон, 1977

Остроумов С.С., Франк Л.В. О виктимологии и виктимности // Сов. государство и право - 1976 - № 4. - С.74-79.

Чечель Г.А. Жестокий способ совершения преступлений против личности. -Нальчик: Нарт, 1991.

Шестаков Д.А. Семейная криминология. - Спб.,1990

Шнайдер Г.И. Криминология - М., 1994.

5 Тема. Методика виктимологических исследований - 2 часа

Вопросы

1. Общая характеристика методики виктимологических исследований.
2. Методы системы сбора данных
3. Методы сбора данных
4. Методы анализа виктимологической информации

ПРАКТИКУМ: Составьте анкету для изучения общественного мнения о распространенности преступности среди населения города, страхе перед преступностью, виктимизации граждан. Опросите по этой анкете 5 человек в возрасте старше 14 лет (не студентов Вашего ВУЗА) и проанализируйте полученные данные.

ЛИТЕРАТУРА

Гречихин В.Г. Лекции по методике и технике социологических исследований. - М., 1988.

Рыбальская В.Я. Методика изучения личности потерпевшего. - Иркутск, 1975

Курс советской криминологии: Предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник. - М.: Юрид. литература, 1985.

Социальные отклонения - М: Юрид. литература, 1989

Франк Л.В. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии.-Душанбе: Ирфон, 1977

Нозль Элизабет Массовые опросы. Введение в методику демоскопии. - М.,1978.

Шнайдер Г.И. Криминология - М., 1994.

6 Тема. Законодательство о защите жертв преступлений - 4 часа

Вопросы

1. Международно-правовые акты, посвященные защите жертв преступлений
2. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью: общая характеристика
3. Правовое положение потерпевшего от преступления по законодательству Украины
4. Обеспечение безопасности потерпевших от преступлений. ПРАКТИКУМ: На основании изучения системы действующего законодательства составьте схему защиты прав потерпевших от преступлений по законодательству Украины.

ЛИТЕРАТУРА

Дубринный В.А. Потерпевший на предварительном следствии - Саратов, 1966.

Полубинский В.И. Правовые основы учения о жертве преступления. - Горький, 1979;

Туляков В. Формула безопасности// Юридический вестник - Одесса, 1996 - N 2.

Туляков В. Конституционные гарантии обеспечения прав потерпевших от преступлений //Юридический вестник - Одесса, 1997 - № 4

Франк Л.В. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии.-Душанбе: Ирфон, 1977

Шестаков Д.А. Семейная криминология. - Спб.,1990

Международно-правовые документы по вопросам борьбы с преступностью: Вып.1. - М, Академия МВД СССР, 1989.

Гошовський М.І., Кучинська О.П. Потерпілий у кримінальному процесі України. -Київ, Юрінком інтер, 1998 - 190 с.

Victims of Crime act of 1984 as Amended: A report to the President and the Congress /Office for Victims of Crime, Office for Justice programs, US Department of Justice - Washington, 1997 - 97 p.

7 Тема. Виктимологическая профилактика преступлений - 4 часа Вопросы

1. Понятие виктимологической профилактики
2. Нормативные основы виктимологической профилактики преступлений
3. Виктимологическая профилактика тяжких насильственных преступлений
4. Виктимологическая профилактика имущественных преступлений
5. Виктимологическая профилактика преступлений на предприятии ПРАКТИКУМ:

Опишите схему виктимологической профилактики преступлений несовершеннолетних по законодательству Украины.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев А.И., Васильев Ю.В., Смирнов Г.Г. Как защитить себя от преступника. - М., 1990;

Бородин С.В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы. - М.: Наука, 1988.

Белоус Т.А., Туляков В.А. Доктрина безопасности. - Одесса, АО "Бахва", 1995.

Викторов В.Н. Как защитить вашу квартиру и контору от воров: 50 советов американской полиции. - М., 1992

Гостюшин А.В., Шубина С.И. Азбука выживания. - М.: Знание, 1995.

Как обеспечить личную безопасность - М.: МиК, 1993.

Криминальная полиция советует: как не стать жертвой преступления. - Киев, 1992.

Предпринимательство и безопасность. - М.: Универсум, 1991. Полянский Э. Формула

безопасности.- М., 1991 Соловйов Е.Я. Порятуюнок у ваших руках. - Львів, 1992

Франк Л.В. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии.-Душанбе: Ирфон, 1977

ТЕМАТИКА РЕФЕРАТОВ ПО СПЕЦКУРСУ "ВИКТИМОЛОГИЯ"

Целью и задачей написания рефератов является систематизация, закрепление и расширение теоретических и практических знаний по виктимологии, применение этих знаний при решении специальных задач.

Студенты должны: представить реферат по избранной теме, оформленный в соответствии с требованиями, предъявляемыми к научной работе. В реферате должны быть отражены в краткой, конспективной форме основные положения освещаемой проблемы и сделаны выводы и предложения по избранной теме.

Тематика рефератов:

1. Предмет и структура криминальной виктимологии
2. Функции криминальной виктимологии
3. Понятие и основные признаки виктимности
4. Понятие виктимизации
5. Виктимологические ситуации
6. Классификация жертв преступления
7. Предпосылки создания виктимологии
8. Защита прав жертвы в системе норм первобытнообщинного строя: от обычая до нормы права
9. Жертва преступления и рабовладельческая система уголовной юстиции: эволюция талиона
10. Жертва преступления в системе средневековой уголовной юстиции
11. История защиты прав жертвы преступления в новое время
12. История отечественной виктимологии
13. Уголовно-правовые основы изучения жертв преступлений
14. Процессуальные основы изучения жертв преступлений
15. Территориальная виктимность
16. Профессиональная виктимность
17. Уголовно-правовое значение поведения потерпевшего
18. Хозяйственно-правовая виктимология
19. Закономерности отношений "жертва-преступник"
20. Отрицательное поведение потерпевшего как предмет виктимологического анализа
21. Понятие виктимогенной деформации
22. Цели и задачи виктимологического исследования
23. Основные методы сбора виктимологической информации
24. Методы обработки виктимологической информации
25. Методы анализа виктимологической информации
26. Интенсивность виктимности в Украине
27. Виктимизация и преступность
28. Виктимность и безработица
29. Виктимность и миграция населения
30. Маргинализация и виктимность
31. Урбанизация и виктимность
32. Проституция и виктимность
33. Наркотизм и виктимность
34. Виктимизация в курортных городах
35. Преступления без жертв: общая характеристика
36. Причины виктимизации населения
37. Виктимность в США
38. Структура виктимности и ее основные показатели
39. Несовершеннолетние жертвы
40. Организованная преступность и виктимизация населения в Украине
41. Территориальные различия виктимизации
42. Виктимологические причины и условия преступности
43. Женщины-жертвы
44. Привычная (рецидивная) виктимность
45. Эвентуальная виктимность
46. Децидивная виктимность
47. Виктимологические взгляды Л.В.Франка
48. Пионеры виктимологии (Х.Фон-Хентиг, Б.Мендельсон)
49. Виктимологические взгляды Д.В.Ривмана

50. Фрейдизм и теория виктимологии
51. Общетеоретические проблемы современной криминальной виктимологии
52. Криминологическая теория "конфликта" (У.Чемблисс. Э.Волд, Д.Дарендорф) и современная виктимология
53. Теория "аномии" (Э.Дюркгейм, Р.Мертон) и тенденции виктимизации в Украине
54. Национально-этнические конфликты и виктимизация
55. Социально-демографические характеристики жертвы и их влияние на виктимизацию
56. Виктимность престарелых
57. Физиологические особенности личности жертвы преступления
58. Виктимность и психопатии
59. Виктимность и алкоголизм
60. Виктимность и наркотизм
61. Виктимность и акцентуации личности
62. Ролевая жертва
63. Криминогенное значение виктимизации
64. Виктимность и преступное поведение
65. Страх перед преступностью как один из виктимологических факторов
66. Система виктимологического предупреждения преступлений в Украине
67. Основные международные виктимологические акты
68. Виктимологическое законодательство в Украине
69. Деятельность органов местного самоуправления по виктимологической профилактике преступлений
70. Понятие виктимологической профилактики преступлений
71. Система виктимологической профилактики преступлений
72. Содержание, цели, субъекты индивидуальной профилактики преступлений
73. Профилактические функции юрисконсульта
74. Основные угрозы деятельности предприятия и методика их предупреждения
75. Система виктимологического предупреждения преступлений по месту жительства
76. Основные направления виктимологического предупреждения бытовой преступности
77. Программа предупреждения наркотизма в Украине
78. Программа предупреждения детской безнадзорности и беспризорности в Украине
79. Система регионального предупреждения преступлений в Японии
80. Американская система виктимологического предупреждения преступности
81. Проблемы компенсации жертвам преступления: сравнительно-правовое исследование
82. Декларация Основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью: общая характеристика
83. Реституция как способ виктимологической профилактики преступлений
84. Процессуально-правовое обеспечение примирения потерпевшего с преступником
85. Жертвы злоупотребления властью - общая характеристика
86. Роль специализированных органов ООН в виктимологическом предупреждении преступности
87. Основные мировые виктимологические организации и учреждения
88. Международные профилактические акты виктимологического характера и национальное законодательство Украины.
89. Приемы виктимологической профилактики насилия в быту
90. Нападения на улице - виктимологическая профилактика
91. Виктимологическая профилактика терроризма
92. Виктимологическая профилактика захвата заложников

93. Виктимологическая профилактика краж личного имущества
94. Виктимологическая профилактика мошенничества
95. Виктимологическая профилактика изнасилований
96. Виктимологическая профилактика преступления на автотранспорте
97. Законодательство о защите прав потребителей и виктимологическая профилактика преступлений
98. Антикоррупционное законодательство и виктимологическая профилактика преступлений
99. Отражение феномена жертвы преступления в современном фольклоре
100. Жертва и представитель органов охраны правопорядка: проблемы взаимодействия
101. Обеспечение прав жертв милицией
102. Обеспечение прав жертв судами
103. Обеспечение прав жертв прокуратурой
104. Обеспечение прав жертв общественными органами и организациями
105. Права жертв преступлений и права человека

НОРМАТИВНИЙ МАТЕРІАЛ КО ВСЕМ ТЕМАМ СПЕЦКУРСА

Закони

1. Конституція України - Київ: Просвіта, - 1996
2. Уголовный Кодекс Украины - Київ: 1993
3. Уголовно-процессуальный кодекс Украины - Київ, 1993
4. Кодекс Украины об административных правонарушениях - Київ, 1993
5. Про міліцію (20.12.90)
6. Про реабілітацію жертв політичних репресій на Україні (17.04.91)
7. Про захист прав споживачів (12.05.91)
8. Про прокуратуру України (05.11.91)
9. Про оперативно-розшукову діяльність (18.02.92)
10. Про службу безпеки України (25.03.92)
11. Про адвокатуру (19.12.92)
12. Про сприяння соціальному становленню та розвитку молоді в Україні (05.02.93)
13. Про доповнення Цивільного кодексу Української РСР та Кримінально-процесуального кодексу України нормами щодо порядку відшкодування витрат на стаціонарне лікування потерпілого від злочину (22.04.93)
14. Про організаційно-правові основи боротьби з організованою злочинністю (30.06.93)
15. Про державну службу (16.12.93)
16. Про державний захист працівників суду і правоохоронних органів (23.12.93)
17. Про забезпечення безпеки осіб, які беруть участь у кримінальному судочинстві (23.12.93)
18. Про біженців (24.12.93)
19. Про правовий статус іноземців (04.02.94)
20. Про порядок відшкодування шкоди, завданої громадянину незаконними діями органів дізнання, попереднього слідства, прокуратури і суду (01.12.94)
21. Про органи і служби у справах неповнолітніх та спеціальні установи для неповнолітніх (24.01.95)

22. Про заходи протидії незаконному обігу наркотичних засобів, психотропних речовин і прекурсорів та зловживанню ними (15.02.95)

23. Про приєднання України до Конвенції про відмивання, пошук, арешт та конфіскацію доходів, одержаних злочинним шляхом, 1990 року (15.09.95)

24. Про боротьбу з корупцією (05.10.95)

25. Про місцеве самоврядування в Україні (21.05.97)

Укази и распоряжения Президента Украины

26. Про Національну програму "Діти України" (18.01.96)

27. Про Раду національної безпеки і оборони України (30.08.96)

28. Про Комплексну цільову програму боротьби зі злочинністю на 1996-2000 роки (17.09.96)

29. Про заходи щодо активізації боротьби з корупцією і організованою злочинністю (10.02.95)

30. Про незадовільний стан виконання заходів щодо боротьби зі злочинністю (25.02.97)

Постановления Кабинета Министров Украины 31. Про Національну програму профілактики СНІДу в Україні (27.02.92) 32. Про затвердження Положення про порядок застосування вогнепальної зброї (12.10.92)

33. Про Національне центральне бюро інтерполу (25.03.93)

34. Про заходи щодо вдосконалення охорони об'єктів державної та інших форм власності (10.08.93)

35. Про заходи реалізації Державної програми боротьби із злочинністю (01.09.93)

36. Про порядок продажу, придбання, реєстрації, обліку і застосування спеціальних засобів самооборони, заряджених речовинами сльозоточивої та дратівної дії (07.09.93)

37. Про організацію діяльності спеціальних навчально-виховних закладів для дітей і підлітків, які потребують особливих умов виховання (13.10.93)

38. Про Національну програму протидії зловживанню наркотичними засобами та їх незаконному обігу на 1994-1997 роки (14.12.93)

39. Про затвердження Комплексної програми запобігання дорожньо-транспортному, побутовому і дитячому травматизму, іншим нещасним випадкам невиробничого характеру на 1996 - 2000 роки (03.01.96)

40. Про невідкладні заходи щодо зміцнення законності і правопорядку (01.10.96)

41. Про затвердження Положення про розслідування та облік нещасних випадків невиробничого характеру (05.05.97)

Нормативные акты Министерств и ведомств Украины, органов судебной власти

Постановления Пленума Верховного Суда Украины

42. Про судову практику в справах про злочини проти життя і здоров'я людини (01.04.94)

43. Про судову діяльність в умовах загострення в Україні криміногенної ситуації (30.09.94)

44. Про судову практику в кримінальних справах, які порушуються не інакше як за скаргою потерпілого, та практику передачі таких справ і матеріалів на розгляд товариських судів (25.01.74)

45. Про практику застосування судами України законодавства в справах про злочини неповнолітніх і про втягнення їх у злочинну та іншу антигромадську діяльність (26.06.81)

46. Про деякі питання, що виникли в практиці застосування судами України норм кримінально-процесуального законодавства, якими передбачені права потерпілих від злочинів (22.12.78)

47. Про діяльність судів України по запобіганню злочинам та іншим правопорушенням при розгляді кримінальних та цивільних справ (22.08.80)

48. Про посилення судового захисту прав та свобод людини і громадянина (30.05.97)

Нормативные акты, зарегистрированные Министерством юстиции Украины 49. Про затвердження інструкції про порядок виготовлення, придбання, зберігання, обліку, перевезення і використання вогнепальної зброї, боєприпасів до неї та вибухових матеріалів (19.05.93)

50. Про порядок обліку випадків звернення до медичних установ і міськрайлінорганів внутрішніх справ громадян з тілесними ушкодженнями кримінального характеру (11.06.93)

51. Про взаємодію правоохоронних та інших державних органів України у боротьбі із злочинністю (21.09.94)

52. Про затвердження Типових договорів на охорону об'єктів та квартир громадян підрозділами Державної служби охорони при Міністерстві внутрішніх справ України (26.05.95)

53. Про затвердження Положення про застосування Закону України "Про порядок відшкодування шкоди, завданої громадянину незаконними діями органів дізнання, попереднього слідства, прокуратури і суду" (06.03.96)

Міжнародно-правові документи. Документи ООН. Нормативні акти СНГ

54. Європейська конвенція про передачу провадження у кримінальних справах (15.05.72)

55. Європейська конвенція про взаємну допомогу у кримінальних справах (20.04.59)

56. Конвенція про передачу засуджених осіб (21.03.83)

57. Європейська конвенція про видачу правопорушників (17.03.78)

58. Європейська конвенція з прав людини (04.11.50)

59. Кодекс поведінки должностных лиц, охраняющих правопорядок - принят Генеральной Ассамблеей ООН 17.12.1979 по рекомендации Пятого Конгресса (1975)

60. Руководящие принципы в области предупреждения преступности и уголовной юстиции в контексте развития и нового экономического порядка - приняты Седьмым Конгрессом ООН (1985) и утверждены Генеральной Ассамблеей ООН в резолюции 40/32

61. Минимальные стандартные правила по осуществлению правосудия в отношении несовершеннолетних - приняты Генеральной Ассамблеей 29.11.1985 (резолюция 40/33) по рекомендации Седьмого Конгресса.

62. Декларация Основных принципов правосудия для жертв преступлений и жертв злоупотребления властью - принята Генеральной Ассамблеей 29.11.1985 (резолюция 40/34) по рекомендации Седьмого Конгресса.

63. Руководящие принципы в области предупреждения преступности несовершеннолетних - приняты Генеральной Ассамблеей ООН (резолюция 45-112) по рекомендации Восьмого Конгресса

64. Основные принципы, касающиеся роли юристов - приняты Восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (1990)

65. Типовой договор о выдаче - принят Восьмым Конгрессом ООН по предупреждению

66. Неапольская политическая декларация и план глобальных мероприятий - принят 23.11.1994 на Всемирной конференции министров внутренних дел по транснациональной преступности и одобренный резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 49/159

67. Compendium of United Nations standards and norms in crime prevention and criminal justice - UN publication - New York, 1992 - sales # E 92 IV.1.

68. Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (Минск, 26 мая 1995 г.)

69. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минск, 22 января 1993 года)

70. Соглашение об обмене правовой информацией (Москва, 21 октября 1994 года)

71. Предупреждение преступности и уголовное правосудие в контексте развития: реальность и перспективы международного сотрудничества (Перечень соответствующих мер по предупреждению преступности) - Записка Генерального Секретаря Восьмому Конгрессу ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями - Документ A/ Conf.144/9 - 13 июня 1989 - 35 с.

72. The European Convention on the compensation of victims of violent crime // Towards a Victim policy in Europe. - Helsinki, 1984. - pp.133-145;

73. Recommendation on assistance to Victims and the prevention of Victimization // Council of Europe, 1987 - Doc.N R (87)21.

74. International manual on the use and application of the Declaration of basic principles of justice for victims of crime and abuse of power - New York, 1999.